

NEW YORK TIMES БЕСТСЕЛЛЕР

Я ПИЛГРИМ

Прекрасный,
талантливый
и ярко написанный
роман.

The Times

ТЕРРИ ХЕЙЗ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

The Big Book

Терри Хейз
Я Пилигрим

«Азбука-Аттикус»

2012

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Хейз Т.

Я Пилигрим / Т. Хейз — «Азбука-Аттикус», 2012 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-21865-9

Пилигрим. Такого человека не существует. Есть Скотт Мердок, возглавлявший когда-то одно из секретных подразделений американской разведки, а затем выбывший из игры и ведущий уединенную жизнь в Париже. Но мир спецслужб никогда не отпускает своих агентов. И когда в нью-йоркском отеле находят мертвую женщину, а след выводит полицию на маньяка, задумавшего совершить массовое убийство, Скотт Мердок снова вступает в дело. Тогда-то он и становится Пилигримом.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-21865-9

© Хейз Т., 2012
© Азбука-Аттикус, 2012

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	23
Глава 7	26
Глава 8	30
Глава 9	32
Глава 10	34
Глава 11	38
Глава 12	41
Глава 13	45
Глава 14	50
Часть вторая	57
Глава 1	57
Глава 2	61
Глава 3	66
Глава 4	68
Глава 5	73
Глава 6	77
Глава 7	82
Глава 8	84
Глава 9	89
Глава 10	94
Глава 11	95
Глава 12	101
Глава 13	104
Глава 14	107
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Терри Хейз Я Пилигрим *роман*

Terry Hayes

I am Pilgrim

Copyright © Terry Hayes, 2012

All rights throughout the world are reserved to Leonedo Ltd.

© М. Абушик, перевод, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство АЗБУКА®

Едва ли существует страх более цепкий и столь трудно поддающийся описанию, чем тот, который преследует шпиона в чуждой стране.

Джон Ле Карре. Война в Зазеркалье (Перевод М. Гребнева, В. Стабникова)

По нашим мерзким улицам должен пройти человек, который выше этой мерзости, который не запятнан и не запуган.

Рэймонд Чандлер. Простое искусство убивать (Перевод С. Белова)

Часть первая

Глава 1

Есть места, которые остались в моей памяти на всю жизнь: Красная площадь, продуваемая горячими ветрами¹, спальня матери в нашем доме, расположенном в одном из беднейших кварталов Детройта; бесконечные сады, окружающие причудливое здание сиротского приюта; руины, известные под именем «Театра смерти», среди которых меня поджидает человек, чтобы убить. Но ничто не въелось в мою память так глубоко, как тот номер в одной из дешевых нью-йоркских гостиниц: потертые занавески, простенькая мебель, стол, заваленный метамфетамином и прочими наркотиками, которые именуются тусовочными и почему-то считаются в народе не слишком опасными. Рядом с кроватью валяются дамская сумочка, черные трусики, едва превосходящие размером зубочистку, и пара крошечных туфель от Джимми Чу. Владелица перечисленных вещей не жила в этой комнате, она пришла сюда в гости. Здесь бедняжке перерезали горло, и сейчас ее обнаженное тело плавает лицом вниз в ванне, заполненной средством для чистки канализационных труб, в состав которого входит серная кислота. Это средство – оно называется «Бомба против засоров» – можно купить в любом супермаркете.

На полу вокруг разбросано множество пустых бутылок из-под него, и, пока меня никто не видит, я разглядываю их. Ценники остались на месте, и я вижу, что убийца обошел чуть ли не два десятка магазинов и везде покупал этого средства понемногу, чтобы не бросаться в глаза. Умение тщательно планировать детали всегда меня восхищало.

Сейчас на месте преступления царит сущий хаос: из раций полицейских доносится оглушительный шум, громко переговариваются помощники коронера, взхлеб рыдает какая-то испанка. Даже если жертва одинока как перст, обязательно найдется кто-нибудь, чтобы устроить истерику.

Молодую женщину, плавающую в ванне, опознать невозможно: после того как она три дня пролежала в серной кислоте, черты ее лица окончательно стерлись. Следуя своему дьявольскому плану, убийца придавил руки жертвы ко дну телефонными книгами, так что кислота не только уничтожила дактилоскопический рисунок на ее пальцах, но и почти полностью развела кисти. Если экспертам из Департамента полиции Нью-Йорка не удастся идентифицировать погибшую по зубам, потребуется чертовски много времени, чтобы установить ее личность.

В таких местах возникает ощущение, что зло буквально растворено в воздухе, и мысли порой обретают весьма причудливое направление. Образ женщины без лица вызвал у меня в памяти давнюю фантазию Джона Леннона и Пола Маккартни: помните их песню об Элиноре Ригби, которая хранила свое лицо в кувшине, стоявшем возле двери?

Мысленно я все чаще и чаще называю погибшую девушку Элинор. Работа бригады криминалистов еще не завершена, но все без исключения склоняются к мнению, что несчастная была убита во время полового акта: матрас наполовину сдвинут с кровати, простыни скомканы, на столике рядом с постелью – засохшие брызги крови. Один из копов, отличающийся особенно болезненным воображением, выдвинул предположение, что убийца перерезал глотку своей жертве, находясь внутри ее. Звучит ужасно, но вполне возможно, что именно так и было.

Утешением – хотя, конечно, что и говорить, весьма слабым – может послужить тот факт, что девушка умерла, до последнего мгновения своей жизни так и не осознав кошмара происходящего. Причина заключается в метамфетамине – белом кристаллическом веществе. Этот

¹ Авторский прием Терри Хейза состоит в том, что некоторые реалии, в том числе и российские, отличаются от тех, которые существуют на самом деле.

наркотик вызывает такое сексуальное возбуждение, что человек утрачивает всякое чувство опасности и впадает в состояние эйфории, у него буквально сносит крышу. Единственная внятная мысль, которая овладевает тем, кто пребывает под воздействием зелья, – как бы поскорее найти себе партнера и затащить его в постель.

Рядом с двумя пустыми упаковками метамфетамина валяется флакончик, похожий на бутылочку из-под шампуня, который в отелях обычно кладут в ванной. На нем нет никаких надписей, но прозрачная жидкость внутри, по-видимому, ГГБ – гаммагидроксibuтират. Его сейчас легко можно разыскать в темных закоулках Интернета, сей препарат все чаще заменяет рогипнол, когда нужно усилить половое влечение перед свиданием.

Это снадобье легко раздобыть на концертах поп-музыкантов, завсегдатаи ночных клубов используют ГГБ, чтобы ослабить паранойю, вызываемую метамфетамином. ГГБ имеет также побочные эффекты: он усиливает сексуальные ощущения, создает чувство вседозволенности. Одно из его уличных названий – «легкий трах». Элинон, скинувшая свои фирменные туфельки и освободившаяся от крошечной черной юбки, по-видимому, была подобна ракете, запускаемой на День независимости.

Протиснувшись между собравшимися – почти никому не знакомый, в небрежно брошенном на плечи элегантном пиджаке и с тяжелым грузом прошлого в душе, – я останавливаюсь рядом с кроватью. Отвлекаюсь от шума и, как наяву, вижу ее: этакую обнаженную девушку-ковбоя, оседлавшую сверху своего партнера. Лет двадцати или чуть больше, красивая и стройная. Коктейль из наркотиков стремительно приближает девушку к сокрушительному оргазму: температура тела повышается благодаря метамфетамину, разбухшие груди давят на партнера, сердце бешено колотится под действием страсти и химических препаратов, дыхание становится прерывистым. Влажный язык словно обретает самостоятельную жизнь и судорожно ищет внизу рот любовника. Да уж, секс нынче не для неженки.

Я представил себе, как неоновые вывески многочисленных баров за окном отбрасывали блики света на постриженную по последней моде блондинку, заставляя переливаться у нее на руке «Панерай», часы для дайверов. Подделка, конечно, но вещь хорошая.

Мне, как и всем нам, знаком этот тип женщин. Их можно встретить в огромном магазине «Прада» в Милане, в ночных клубах Сохо, на авеню Монтень в Париже или потягивающими латте на террасе какого-нибудь модного кафе. Они черпают новости из глянцевого журналов и делают на спине татуировки в виде японских иероглифов, чтобы тем самым, как им кажется, бросить вызов обществу.

Легко могу вообразить, как рука убийцы касается ее груди, сосок которой украшен кольцом с драгоценным камнем. Мужчина зажимает кольцо между пальцами и дергает, притягивая партнершу к себе. Она возбужденно кричит: все части ее тела сейчас сверхчувствительны, в особенности соски. Впрочем, девушка не возражает: если кто-то в такой момент груб с ней, это значит, что она ему по-настоящему нравится. Блондинка садится на любовника верхом, изголовье кровати сильно бьется о стену, а она бросает взгляд на входную дверь, чтобы еще раз убедиться: та закрыта на ключ и цепочку. В столь сомнительном месте надо хоть в этом быть уверенной.

На стене, как и во всякой гостинице, висит схема эвакуации в случае пожара, но на этом сходство данного заведения с отелями вроде «Рица» или «Хилтона» и заканчивается. «Ист-сайд инн» – прибежище для бездомных, небогатых туристов, людей с нездоровой психикой; короче говоря, для бедолаг, сумевших наскрести двадцать баксов на одну ночь. А потом от вас потребуют удостоверение личности (хотя бы один документ на двоих, но непременно с фотографией) – и можете оставаться в гостинице хоть на сутки, хоть на месяц, хоть до конца своей жизни.

Парень из номера 89 явно прожил здесь какое-то время: на комод – блок из шести банок пива, четыре полупустые бутылки спиртных напитков покрепче и пара упаковок с сухими зав-

траками. На прикроватной тумбочке – стереосистема и несколько компакт-дисков. Я просматриваю их: что касается музыки, вкус у убийцы неплохой. Стенной шкаф, однако, пуст. Такое впечатление, что вся одежда преступника была на нем, когда он покинул гостиницу, оставив труп своей жертвы в наполненной кислотой ванне. На дне стенного шкафа куча мусора: старые газеты, пустая банка из-под средства против тараканов, настенный календарь с пятнами кофе. Я беру календарь в руки: на каждой странице черно-белое фото какой-нибудь античной достопримечательности: Колизей, греческий храм, Библиотека Цельса в Эфесе. Похоже, наш убийца – ценитель искусства. К сожалению, на страницах нет совершенно никакой дополнительной информации, скажем записей о назначенных встречах. Сообразив, что календарь использовали лишь как подставку для кофе, я отбрасываю его в сторону.

Затем оборачиваюсь и автоматически, просто по привычке, провожу рукой по тумбочке, стоящей около постели. Странно: пыли совсем нет. Касаюсь пальцами комода, изголовья кровати, стереосистемы и получаю идентичный результат: убийца стер пыль со всех предметов, чтобы уничтожить отпечатки пальцев. Впрочем, это обычное дело, но тут я вдруг ощущаю какой-то запах. Подношу пальцы к носу, и картина резко меняется. Я улавливаю легкий аромат специального антисептического спрея, которым пользуются для борьбы с инфекцией в палатах интенсивной терапии. Мало того что это средство убивает бактерии, в качестве побочного эффекта оно также уничтожает все, что содержит ДНК: пот, мельчайшие частицы кожи, волосы. Опрыскав гостиничный номер этим спреем, пропитав им ковер и стены, убийца лишил полицейский департамент Нью-Йорка малейшего шанса установить как личность жертвы, так и его собственную.

И тут вдруг я ясно понимаю: независимо от того, каким мотивом руководствовался преступник (лишил ли он девушку жизни ради наживы, сексуального удовлетворения или еще по каким-либо мотивам), злоумышленник тщательно подготовился заранее, почерпнув информацию из специального пособия. Мы имеем дело, так сказать, с классическим «книжным» преступлением.

Глава 2

Возможно, далеко не все со мной согласятся, но лично я считаю, что основным законом криминалистики является так называемый принцип обмена Локара, который гласит: «Каждый правонарушитель обязательно оставляет на месте преступления хоть какие-то следы». И вот стою я сейчас в номере 89, наполненном множеством людей, и думаю: «Интересно, а сталкивался ли профессор Локар с чем-либо похожим? Абсолютно все, чего касался убийца, исчезло: в заполненной кислотой ванне или под воздействием антисептика. Наверняка преступник не оставил после себя ни волоска, ни малейшей частицы кожи».

Год назад я написал довольно невразумительную книгу по современной технике расследования преступлений. В главе под названием «Новые рубежи» я рассказал, что столкнулся с использованием специального антибактериального спрея лишь однажды (то было мастерски выполненное убийство разведчика в Чехии), и, между прочим, упомянул, что криминалистика в данном случае оказалась бессильна: это преступление не раскрыто до сих пор. Жилец номера 89 хорошо знал свое дело, и теперь я исследовал содержимое комнаты с уважением, которого, несомненно, заслуживал ее обитатель.

Однако аккуратностью он не отличался: среди прочего мусора я заметил валявшуюся рядом с кроватью пустую коробку из-под пиццы. Я бы не обратил на нее особого внимания, но внезапно сообразил: здесь лежал нож, до которого было легко дотянуться. Простодушная Элинора, как видно, его даже не заметила.

Я вижу, как, лежа в постели, она тянется поверх скомканных простыней к промежности партнера. Целует его в плечо, в грудь, спускается ниже. Может быть, мужчина знает, а может, и нет: один из побочных эффектов ГГБ состоит в том, что он подавляет рвотный рефлекс. Принявший препарат без труда сумеет заглотить член дюймов семи-восьми, а то и десяти; вот почему ГГБ всегда можно купить в сауне для геев или на съемках порнофильмов.

Парень прижимает блондинку к себе, шлепает по спине, обхватывает коленями ее грудь. Девушке кажется, что партнер устранивается, чтобы половчее проникнуть ей в рот, но рука мужчины ненароком сползает с кровати, его пальцы дотягиваются до коробки от пиццы и нащупывают то, что он ищет: холодную сталь ножа, дешевого, но достаточно острого, чтобы выполнить свое предназначение.

Если бы кто-то наблюдал за жертвой сзади, он увидел бы изгиб ее спины, услышал бы некое подобие стога, сорвавшегося с губ, и, несомненно, решил бы, что партнер занялся с ней оральным сексом. Но нет, ничего подобного. Блестящие от наркотиков глаза блондинки сейчас наполнены ужасом. Парень плотно зажал ей рот левой рукой, запрокинув голову бедняжки назад, так чтобы открылось горло. Она отчаянно брыкается и извивается, пускает в ход руки, но он это предвидел. Оседлав ее груди, убийца прижимает свою жертву коленями, давит на нее бицепсами. Откуда мне это известно? Достаточно увидеть два синяка на теле убитой. Она совершенно беспомощна. Элинора видит его поднятую руку с ножом и пытается кричать, содрогаясь в конвульсиях, стремясь высвободиться. Зазубренная сталь проносится рядом с ее грудью, устремляясь к бледному горлу, оставляя на нем глубокий разрез...

Кровь орошает прикроватный столик. Одна из артерий, питающих мозг, полностью перерезана, смерть наступает быстро. Элинора падает, издавая булькающие звуки, истекая кровью. Еще не до конца угасшее сознание подсказывает девушке: это конец. Все, чем она была и чем надеялась стать, ушло безвозвратно. Похоже, убийца все-таки расправился с жертвой, не входя в нее.

Я четко вижу, что происходит дальше. Преступник отправляется готовить кислотную ванну, на ходу стягивая перепачканную кровью белую рубашку, которая, по-видимому, была на нем. Ее нашли в ванне, разорванной на куски, под трупом Элиноры. Там же был и нож: четы-

рехдьюмовое лезвие, черная пластиковая ручка – такие в огромных количествах изготавливают трудолюбивые китайцы.

От ярких картин, созданных воображением, слегка кружится голова, поэтому я не сразу замечаю, что кто-то держит меня за плечо. Сбрасываю чужую руку, готовый в случае чего тут же сломать ее: привычка на уровне инстинкта, оставшаяся от прошлой жизни. Какой-то парень бормочет извинения, глядя на меня довольно странно и пытаюсь отодвинуть в сторону. Я вспоминаю, что этот человек – главный в бригаде криминалистов, состоящей из трех мужчин и одной женщины; они сейчас устанавливают ультрафиолетовые лампы и миски со специальной краской, которую используют, чтобы проверить, нет ли на матрасе пятен спермы. Криминалистам еще ничего не известно про антисептик, а я им и не говорю: вдруг убийца забыл обрызгать часть кровати. Если это так, то, учитывая особенности гостиницы «Истсайд инн», они получают несколько тысяч положительных проб, начиная еще с тех времен, когда проститутки носили чулки.

Я пытаюсь привести свои мысли в порядок, стараясь не мешать окружающим. Меня терзает смутное беспокойство: есть что-то необычное как в этом гостиничном номере, так и во всей ситуации в целом. Интуитивно чувствую, что в моем сценарии концы с концами не сходятся. Я оглядываюсь вокруг, пытаюсь найти разгадку, но ничего путного в голову не приходит. Вспоминаю ощущение, возникшее несколько раньше. Мысленно перематывая ленту, возвращаюсь назад, в тот миг, когда нынче ночью впервые вошел в эту комнату.

Что же это было? Роюсь в своем подсознании, пытаюсь восстановить первое впечатление. Нечто чрезвычайно важное и никак не связанное с насилием. Если бы только удалось вновь ощутить его... это чувство... чувство, похожее на... Нужное слово никак не хочет появляться из глубин памяти. Я вспоминаю фразу из своей собственной книги: «Любая не вызывающая сомнений догадка может сбить с толку». И тут меня осеняет.

Войдя в гостиничный номер, я увидел на комодке блок из шести банок пива, пакет с молоком в холодильнике, заметил полиэтиленовый мешок, аккуратно вложенный в мусорную корзину, зафиксировал в памяти названия нескольких фильмов на DVD-дисках, лежащих возле телевизора. «Женщина» – вот каким было то мимолетное впечатление, первое слово, которое пришло на ум, но не задержалось в сознании. Я правильно понял, как разворачивались события в номере 89, принципиально ошибившись лишь в одном. Отнюдь не мужчина снимал этот номер, занимался сексом с обнаженной Элинор, а потом перерезал ей горло, наполнил ванну кислотой и обработал все вокруг антисептическим спреем.

Это была женщина.

Глава 3

За годы своей карьеры я встречал многих могущественных людей, но среди них был лишь один, обладавший подлинной, естественной властью: он мог заставить окружающих молчать, не повышая голоса, отдав приказание почти шепотом. Сейчас этот человек идет мне навстречу по коридору, сообщая на ходу бригаде криминалистов, что им придется подождать: пожарное ведомство должно удалить кислоту, пока никто не получил ожогов.

– Не снимайте резиновые перчатки, – советует он. – Можете пока обследовать друг у друга предстательную железу.

Все, за исключением криминалистов, смеются.

Человека с решительным голосом зовут Бен Брэдли, он лейтенант полиции, служит в отделе по расследованию убийств. Бен только что пытался разыскать управляющего отелем и выяснить у него имя подонка, которому принадлежит притон. Ему слегка за пятьдесят, он чернокожий, высокий и сильный, с большими руками (я имею в виду Брэдли, а не этого подонка). Лейтенант одет в джинсы, которые супруга недавно уговорила его купить в безнадежной попытке хоть как-то обновить имидж мужа. Сам же Бен считает, что выглядит в этих джинсах как персонаж из романа Стейнбека, этакий современный беженец из района пыльных бурь.

Как и многие его сослуживцы, Бен не питает особой симпатии к криминалистам. Во-первых, несколько лет назад вошло в моду нанимать их на стороне: на место преступления стали приезжать высокооплачиваемые специалисты в белых комбинезонах с надписями вроде «Криминологические услуги инкорпорейтед» на спине. Во-вторых (это и вовсе переполнило чашу терпения Брэдли), по телевизору показали одно за другим два имевших колоссальный успех шоу, посвященные работе криминалистов, что вызвало у последних вспышку звездной болезни.

– Господи милостивый, – жаловался мне на днях лейтенант, – да остались ли в этой стране люди, которые не мечтают поучаствовать в реалити-шоу?

Брэдли наблюдает, как потенциальные знаменитости распаковывают свои чемоданчики с портативными лабораториями. Я стою, прислонившись к стене, и молча наблюдаю за происходящим (собственно, именно этим я и занимался добрую половину жизни). Бен принципиально игнорирует людей, добивающихся его внимания, но при этом успешно делает карьеру. Мы не здороваемся с ним за руку: у нас как-то не сложилась такая форма приветствия. Не уверен даже, что мы с ним вообще друзья. Впрочем, я всегда держусь несколько в стороне от любой компании, поэтому мне трудно об этом судить. Но если хотите, мы уважаем друг друга.

– Спасибо, что приехали, – говорит Брэдли.

Я киваю, глядя на его подвернутые джинсы и черные рабочие башмаки, идеально подходящие, чтобы пробираться сквозь кровь и дерьмо на месте преступления.

– Вы на чем добились... на тракторе? – спрашиваю я.

Бен не смеется, что характерно для него, – редко встретишь столь бесстрастного человека. Но это совсем не значит, что он лишен чувства юмора.

– Ну что, Рамон, было время осмотреться? – тихо говорит Бен.

Меня зовут вовсе не Рамон, и он это знает. Но Брэдли также известно, что до недавнего времени я работал в одном из наиболее засекреченных подразделений разведывательных служб США. Поэтому я догадываюсь, что он имеет в виду Рамона Гарсию, агента ФБР, который прибег к невероятным ухищрениям, чтобы скрыть свою личность, когда продавал государственные секреты русским. При этом Гарсия оставил отпечатки пальцев на всех мешках для мусора, в которых выносил украденные документы. Рамон, несомненно, был самым некомпетентным тайным агентом в истории. Как я уже сказал, Бен иногда любит пошутить.

– Да, осмотрелся немного, – отвечаю я. – Что удалось выяснить о женщине, жившей в этой трущобе? Она ведь главная подозреваемая?

Бен прекрасно владеет собой, но сейчас в его глазах невольно отражается изумление: «Какая еще женщина?!»

«Превосходно, – думаю я. – Рамон наносит ответный удар».

И все-таки Брэдли – невозмутимый коп.

– Это интересно, Рамон, – говорит он, пытаясь догадаться, действительно ли я напал на след или только его разыгрываю. – Почему вы так решили?

Я указываю на блок из шести банок пива и на пакет молока в холодильнике:

– Разве мужчины так поступают? Они держат пиво в холодильнике, скорее уж молоку позволят испортиться. А взгляните на дивиди – сплошь романтические комедии, ни одного боевика. Пройдите по комнатам и посмотрите, многие ли парни в этой трущобе предусмотрительно вкладывают полиэтиленовый пакет в мусорную корзину. Здесь это не принято – так делают только женщины, за кого бы они себя ни выдавали.

Бен мысленно взвешивает сказанное, не сводя с меня глаз, но согласен он или нет, понять невозможно. Прежде чем я успеваю спросить его об этом, из-за пожарных бочек с маркировкой «Химическая опасность» появляются два детектива – молодая женщина и ее столь же юный напарник – и останавливаются перед Брэдли.

– У нас есть кое-какая информация, Бен, – говорит женщина-полицейский. – Насчет обитательницы этого номера.

Брэдли спокойно кивает:

– Да, я в курсе, что это женщина. Расскажите мне о ней что-нибудь новенькое. Что вы узнали?

Я понимаю, что лейтенант берет их на пушку. Полицейские, открыв рот, изумленно взирают на него, пытаясь понять, откуда, черт возьми, Бену известно, что в комнате жила женщина. К утру миф об их боссе обрстет новыми деталями. Я наблюдаю эту сцену со стороны, с трудом сдерживаясь, чтобы не рассмеяться. Ну и фрукт этот Брэдли!

Внезапно лейтенант смотрит на меня, и в первое мгновение мне кажется, что он вот-вот расхохочется. Ага, как бы не так, держи карман шире. Бен лишь чуть заметно подмигивает мне заспанным глазом и вновь обращает взор на двух молодых копов:

– А сами-то вы откуда знаете, что это женщина?

– Мы просмотрели записи в регистрационном журнале отеля, – отвечает детектив-мужчина по имени Коннор Норрис.

Брэдли внезапно проявляет беспокойство:

– Неужели нашли управляющего и заставили этого подонка открыть офис?

Норрис качает головой:

– Мы уже четыре раза выписывали ордер на его арест по делу о наркотиках, но, похоже, сейчас этот тип где-то на полпути в Мексику. Нет, просто Альварес, – он кивает в сторону напарницы, – выяснила, что выше этажом живет один парень, которого разыскивают за кражу со взломом.

Он неуверенно глядит на свою партнершу, не зная, стоит ли продолжать. Альварес пожимает плечами и в надежде, что все сойдет ей с рук, делает чистосердечное признание:

– Я пообещала взломщику, что его не станут сажать в тюрьму, если он окажет содействие полиции: вскроет замки в офисе управляющего так, чтобы все было шито-крыто.

Она смотрит на Брэдли, явно нервничая, как бы босс не наказал ее за самостоятельность.

Но лицо Бена остается невозмутимым, а голос звучит даже несколько мягче:

– И что дальше?

– Там было восемь замков, но он справился с ними меньше чем за минуту. Стоит ли удивляться, что в этом городе никогда нельзя быть уверенным в собственной безопасности?

Бен пропускает это заявление мимо ушей:

– Так что насчет обитательницы номера восемьдесят девять?

– Мы нашли квитанции. Она жила здесь больше года, – говорит Норрис. – Платила наличными, телефон у нее был отключен. И телевидения тоже никакого – ни обычного, ни кабельного. Явно не хотела привлекать к себе внимание.

Брэдли кивает и задает следующий вопрос:

– Когда соседи видели ее в последний раз?

– Дня три или четыре назад. Никто точно не помнит.

– Выходит, исчезла сразу же после убийства своей подружки, – бормочет лейтенант. – Обнаружили какие-нибудь документы?

Альварес роется в записях.

– Вот, есть две ксерокопии: водительское удостоверение, выданное во Флориде, и еще какой-то документ – похоже на студенческий билет без фотокарточки. Готова поклясться, что документы подлинные.

– Все же проверьте, – говорит Брэдли.

– Предлагаю поручить это Петерсену. – Норрис называет фамилию еще одного молодого детектива. – Он у нас дока в таких делах.

Брэдли согласно кивает и интересуется:

– А этот ваш взломщик или еще кто-нибудь был знаком с подозреваемой? Хоть что-то о ней известно?

Детективы дружно качают головой.

– Никто ее не знает. Соседи видели только, как она приходит и уходит, – отвечает Норрис. – На вид лет двадцать, высокая, если верить взломщику...

Брэдли возводит глаза к небу:

– Ну и какие еще приметы он вам назвал: две руки, две ноги, а сверху голова?

Норрис улыбается, но Альварес не до смеха. Девушка боится, что Брэдли накажет ее за то, что она заключила сделку с преступником. Если шеф собирается устроить головомойку, пусть уж не тянет кота за хвост, а сделает это поскорее. Однако Альварес – профессионал, она никак не может остаться в стороне и говорит:

– Со слов так называемой актрисы из номера сто четырнадцать, эта девчонка все время меняла внешность. Сегодня она вылитая Мэрилин Монро, а завтра уже – Мэрилин Мэнсон, иногда по нескольку раз на дню внешность меняла. Под кого она только не косила: Дрю Бэрримор, Бритни Спирс, Дейм Эдна, Джессика Лэнг...

– Вы это серьезно? – спрашивает Брэдли.

Юные копы дружно кивают и словно бы в подтверждение называют еще несколько имен.

– Представляю, какой шикарный у нас получится фоторобот, – вздыхает лейтенант, прекрасно понимая, что на этот раз все привычные пути расследования убийства для него закрыты. – Что-нибудь еще нарыли?

Они синхронно трясут головой и всем своим видом показывают: мол, мы и так сделали все, что могли.

– Похоже, придется собирать свидетельские показания по крупицам, так что, пожалуй, нам и взломщик сгодится...

Брэдли отпускает своих помощников и поворачивается ко мне: как видно, что-то страшно его беспокоит и он хочет это со мной обсудить.

– Приходилось вам когда-либо видеть что-нибудь подобное? – спрашивает лейтенант, натягивая пластиковые перчатки и снимая с полки в стенном шкафу металлическую коробку.

Она цвета хаки и настолько плоская, что я ее даже не заметил. Уже собираясь открыть коробку, Бен бросает мимолетный взгляд на Альварес и Норриса. Они идут к выходу, мимо пожарных, упаковывающих свои насосы с маркировкой «Химическая опасность».

– Эй, ребята! – кричит Брэдли. Они оборачиваются. – А ловко вы придумали насчет взломщика! Отличная работа, молодцы!

На лице Альварес отражается облегчение. Они, улыбаясь, поднимают руки в знак молчаливой признательности. Неудивительно, что подчиненные Брэдли боготворят его.

Теперь я более внимательно разглядываю металлическую коробку, похожую на маленький чемоданчик. Сбоку белой краской нанесен по трафарету серийный номер. Очевидно, это предмет из военного обихода, но я что-то не припоминаю, чтобы видел нечто подобное раньше.

– Набор полевого хирурга? – спрашиваю я без особой уверенности.

– Почти. Армейского стоматолога.

Лейтенант открывает коробку, демонстрируя уютно угнездившийся в пенопласте полный комплект зубоврачебных инструментов: щипцы для удаления, зонды, пинцеты для экстракции.

Я удивленно смотрю на Бена и спрашиваю:

– Она что, удалила жертве зубы?

– Причем абсолютно все. Мы не нашли ни одного: думаю, убийца выбросила их. Возможно, смыла в унитаз. Сейчас как раз вызвали сантехника, может быть, нам повезет.

– Зубы были удалены у живого человека или у трупа?

Бен понимает, к чему я клоню.

– Нет, жертву не пытали. Коронер и его помощники уверены: это сделали уже после смерти, чтобы личность убитой нельзя было идентифицировать. Именно поэтому я и попросил вас зайти: вспомнил, что в вашей книге есть информация о случаях удаления зубов в домашних условиях после убийства. Скажите, бывало ли такое в США? Я надеялся, что, возможно...

– Нет, я сталкивался с этим один-единственный раз. Это было в Швеции. Один парень использовал хирургический молоток, чтобы удалить зубные мосты и челюсть жертвы. Но пинцеты... Никогда не слышал ни о чем подобном.

– Что ж, теперь у нас имеется прецедент, – замечает Бен.

– Это вдохновляет. Поступательное движение цивилизации.

Несмотря на ужас, охвативший меня из-за вопиющей жестокости содеянного, должен признать, что убийца вызывает даже своего рода уважение: нелегкое дело – удалить тридцать два зуба у трупа. Похоже, преступница наша задалась целью совершить идеальное убийство и основательно подготовилась. Небось считает, что за решетку попадают лишь те, кто не продумал все как следует.

Я указываю на металлическую коробку:

– А где простой человек может раздобыть такой набор?

Бен пожимает плечами:

– Да где угодно. Я позвонил другу в Пентагон, он порылся в архивах и выяснил: в армии был излишек в сорок тысяч таких наборов, многие из них в последние несколько лет поступили в продажу – знаете, есть такие магазины товаров, необходимых для выживания в экстремальных условиях. Мы, конечно, постараемся отследить покупателей, но, сами понимаете, на это надежда слабая. Да и вообще...

Голос Бена смолкает, теряется в лабиринте, по которому блуждает его взгляд: он шарит по комнате в надежде отыскать хоть какую-нибудь зацепку.

– Мы имеем жертву без лица и без зубов, – говорит он тихо. – У нас нет никаких свидетелей, и, что самое худшее, мы даже приблизительно не представляем себе, каковы мотивы преступления. Вы у нас крупнейший специалист по разгадыванию шарад. Скажите честно, каковы, по-вашему, шансы на успех при столь невыгодных исходных условиях?

– Шансы? Приблизительно такие же, как в лотерее. Знаете, когда я только вошел в комнату, первая мысль была: тут явно орудовал любитель, очередной наркоман или сексуальный извращенец. Однако, приглядевшись внимательнее, понял: лишь пару раз в жизни я встречал столь мастерски выполненное убийство.

Тут мне приходится рассказать Брэдли об антисептическом спрее.

– Спасибо, вы меня очень ободрили, – иронически хмыкает Бен, машинально потирая указательный палец о большой.

По опыту знаю: это верная примета, что ему хочется сунуть в рот сигарету. Лейтенант рассказывал мне, что бросил курить еще в девяностые годы, но с тех пор ему миллион раз приходило в голову, что сигаретка не помешала бы. И сейчас как раз такой случай.

– Знаете, в чем моя проблема? – спрашивает Бен. – Как однажды сказала Марси, – (Марси – это его жена), – я принимаю слишком близко к сердцу чужие несчастья. Начинаю воображать себя единственным другом каждой очередной жертвы преступления.

– Становитесь их защитником?

– Вот-вот, именно это слово она употребила. Я, сами знаете, далеко не подарок, но Марси говорит, что есть у меня одно качество, которое ей по-настоящему нравится: я никогда не бросаю друга в беде.

Защитник мертвых, думаю я. Бывают вещи и похуже. Хотелось бы чем-нибудь помочь Брэдли, но я лицо неофициальное и это преступление не расследую. Я вышел в отставку, хотя мне нет еще и сорока.

В комнату быстро входит техник-криминалист и кричит:

– Бен!

Брэдли оборачивается:

– Ну?

– В подвале, – говорит вошедший с азиатским акцентом.

Глава 4

Три техника в рабочих комбинезонах разломали старую кирпичную стену. Несмотря на маски, они едва не задохнулись от зловония, распространявшегося из образовавшегося пролома. Техники не нашли там труп: гниющая плоть имеет весьма специфический запах, а в данном случае они столкнулись всего лишь с прохудившейся канализацией, плесенью и дерьмом сотен поколений крыс.

Брэдли пробирается через несколько грязных подвалов и останавливается в резком свете ламп, выхватывающих из тьмы обрушенную стену. Я вместе с криминалистами тащусь за ним следом и подхожу как раз вовремя, чтобы увидеть, как тот азиат, китаец с американским паспортом, которого все по вполне очевидной причине зовут Брюсом, включает портативный фонарь, ярко освещающий вновь открывшееся пространство.

Да там, внутри, настоящий лабиринт канализационных труб. Брюс объясняет: после того как его люди, разломав ванную в номере 89, ничего не обнаружили в изгибах труб, они пошли дальше. Взяв у криминалистов капсулу быстродействующей краски «блу би», они смешали ее с пинтой воды и влили в отводную трубу.

Через пять минут ток жидкости сильно замедлился, и стало понятно, что где-то между подвалом и номером 89 – засор. Именно там, в сплетении труб и самовольных отводов от них, у стены, их и ждала находка, которую Брюс сейчас хочет продемонстрировать лейтенанту.

– Скажите мне только: это зубы? – интересуется Брэдли. – Она смыла их в канализацию?

Брюс качает головой и освещает фонарем кашу из обуглившейся бумаги, обнаруженную в прямоугольном отводе трубы.

– Эта труба выходит прямоком из восьмьдесят девятого номера, мы проверяли, – говорит Брюс, показывая на кашеобразную массу. – Что бы там ни было, это сначала сожгли, а потом спустили в сортир. Убийца поступила разумно, хотя она вряд ли задумывалась, что нарушает правила эксплуатации сантехники.

С помощью пинцета Брэдли начинает раздвигать слежавшуюся массу.

– Ключки от квитанций, уголок проездного на метро, билет в кино, – сообщает он присутствующим. – Похоже, преступница делала напоследок генеральную уборку, избавлялась от всего лишнего. – Он тщательно отделяет друг от друга кусочки горелой бумаги. – Список покупок – может пригодиться для сличения почерков, если мы когда-нибудь найдем с чем сравнивать...

Он замолкает, разглядывая обрывок бумаги, который обгорел чуть меньше, чем другие.

– Семь цифр, написанных от руки: девять, ноль, два, пять, два, три, четыре. Перечень неполный: остальное сгорело.

Брэдли показывает клочок бумаги всей группе, но я знаю, что находка предназначена главным образом мне: в разведывательном управлении я числился криптографом. Семь написанных от руки, с трудом читаемых цифр. Они могут означать все, что угодно, но у меня есть некоторый опыт: на предыдущей работе постоянно приходилось иметь дело с фрагментами, поэтому я не спешу просто выбросить находку.

Высказывается множество предположений относительно того, что могут означать эти цифры: номер банковского счета или кредитной карты, почтовый индекс, мобильный или междугородный телефон. Альварес заявляет, что последнее точно отпадает: нет такого междугородного телефонного кода – 902. И я склонен с ней согласиться.

– В США действительно нет, но мы подключены к канадской телефонной системе, – возражает девушке Петерсен, молодой детектив с прекрасной спортивной фигурой; ему бы в футбол играть, нападающим. – Девятьсот два – это Новая Шотландия. Я точно знаю, у моего деда была там ферма.

Брэдли молчит: он глядит на меня, ожидая услышать мое мнение. Исходя из горького опыта, я взял за правило помалкивать, если до конца не уверен, поэтому только пожимаю плечами. Это означает, что Брэдли и все остальные продолжают свою работу.

О чем я на самом деле думаю, так это о настенном календаре. Он беспокоит меня с тех пор, как я его увидел. Если верить ярлычку на обороте, календарь был куплен в элитном книжном магазине «Риццоли» и стоит сорок баксов. Не правда ли, дороговато для вещи, благодаря которой можно узнать дату, и только? Судя по всему, убийца – женщина с претензиями: мне пришло в голову, что для нее был важен не сам календарь, но, возможно, ее интересовали изображенные на нем античные достопримечательности.

Большей частью мне пришлось работать в Европе, и хотя я давненько не путешествовал так далеко на восток, но почти уверен, что первые две цифры – международный телефонный код Турции. А что касается достопримечательностей, достаточно провести там всего один день, чтобы понять: в этой стране больше древнегреческих и римских руин, чем где-нибудь еще на свете. Если 90 – код страны, то, возможно, последующие цифры означают код города и начало местного телефонного номера. Никем не замеченный, я направляюсь в самый тихий уголок подвала и звоню по мобильному в телефонную компанию «Веризон», чтобы проверить свои предположения.

В ожидании ответа я смотрю на часы и с изумлением вижу, что вот-вот рассветет. Прошло уже десять часов с тех пор, как швейцар, проверяя, почему отключилось электричество в соседнем помещении, отпер номер 89, чтобы получить доступ к проводке. Неудивительно, что все выглядят такими уставшими.

Наконец мне удастся дозвониться до справочной службы «Веризона», и женщина с сильным акцентом (очевидно, из центра обработки вызовов в Мумбаи) подтверждает, что 90 – действительно международный телефонный код Турции.

– А двести пятьдесят два? Это код региона?

– Да, это провинция... она, кажется, называется Мугла. – Женщина старается правильно выговорить незнакомое слово.

Провинция Мугла? Это название ничего мне не говорит... Турция – большая страна, намного больше Техаса, ее население превышает семьдесят миллионов человек.

Я начинаю благодарить сотрудницу телефонной компании, собираясь уже повесить трубку, и тут она добавляет:

– Не знаю, поможет ли это вам, но здесь сказано, что Бодрум, один из главных городов данной провинции, находится на берегу Эгейского моря.

Бодрум? Это слово вызывает дрожь во всем моем теле и испуг, который, казалось бы, за долгие годы должен был исчезнуть без следа. «Бодрум» – говорит телефонистка, и волна выносит название этого города на берег, как обломки далекого кораблекрушения.

– В самом деле? – спокойно отвечаю я, лихорадочно пытаюсь привести мысли в порядок. И тогда та часть моего мозга, которая отвечает за настоящее, подсказывает, что я приглашен на это расследование всего лишь в качестве гостя. Я испытываю облегчение. Не хочу больше иметь никакого отношения к этому уголку мира.

Возвращаюсь в номер 89. Брэдли замечает меня, и я говорю, что на этом клочке бумаги действительно записан междугородный телефонный номер, но Канада здесь ни при чем. Я объясняю ему про календарь. Бен говорит, что тоже с самого начала обратил на него внимание.

– Бодрум? Где это? – спрашивает он.

– Вам придется выяснить все более подробно. Это в Турции, один из самых модных в мире летних курортов.

– А как насчет Кони-Айленда? – интересуется он с непроницаемым лицом.

– О вкусах не спорят, – отвечаю я и начинаю расписывать ему Бодрум: гавань, забитая экстравагантными яхтами; элегантные виллы; маленькая мечеть, скрытая в горах; кафе с экзо-

тическими названиями вроде «Меццалуна» и «Оксиджен», где подают капучино за десять долларов и где кипят бурные страсти.

– Вы бывали там? – спрашивает Брэдли.

Я отрицательно качаю головой: есть вещи, о которых правительство не позволяет мне говорить. И меняю тему разговора:

– Интересно, зачем ей вдруг понадобилось звонить в Бодрум?

Брэдли пожимает плечами, не желая пока ломать над этим голову. Он занят другими мыслями.

– Тот высокий парень и впрямь спец по документам, – сообщает он, указывая на Петерсена, стоящего в другой половине комнаты. – Альварес думала, что нашла в кабинете управляющего ксерокопию студенческого билета. А знаете, что это оказалось на самом деле? Читательский билет нью-йоркской библиотеки. Имя, конечно, вымышленное.

– Прекрасно, – говорю я без особого интереса. – Выходит, убийца-то наша – интеллектуалка.

– Не совсем, – отвечает он. – По базе данных библиотеки я выяснил, что за целый год она взяла там всего одну книгу. – Лейтенант делает эффектную паузу и смотрит на меня в упор. – И книга эта написана вами.

Я встречаю его взгляд, не зная, что сказать в ответ. Вот так поворот!

– Убийца читала мою книгу? – наконец удается выдать мне.

– Не просто читала, я бы сказал, изучала, – отвечает он. – Вы сами говорили, что редко сталкивались со столь профессиональной работой. Теперь мы знаем объяснение: отсутствие зубов, антисептический спрей – обо всем этом говорится в опубликованной вами работе.

Моя голова непроизвольно дергается, словно книга обрушивается на меня всем своим весом.

– Злоумышленница черпала информацию из описанных там расследований, используя мой труд в качестве пособия, как убить человека и скрыть следы преступления?

– Именно так, – подтверждает Брэдли и широко улыбается, что случается с ним крайне редко. – Поздравляю: теперь мне придется охотиться за вами как за своего рода доверенным лицом убийцы.

Глава 5

По правде говоря, моя книга по современной технике расследования преступлений получилась довольно невразумительной: я бы сказал, то было нечто бросающее вызов всем опубликованным прежде теориям. Большинство читателей, однажды отложив этот опус в сторону, вряд ли захотят когда-либо снова взяться за него.

Но в узком кругу профессионалов, на которых мое сочинение и было рассчитано, оно произвело эффект разорвавшейся бомбы. Факты, изложенные в книге, балансировали на грани правдоподобия, хотя я и ссылался постоянно на достижения науки и передовые технологии. Но при более близком знакомстве даже самые закоренелые скептики избавлялись от сомнений: в каждом описанном мною деле содержались мельчайшие детали, тщательно излагались все обстоятельства и мотивы, которые и позволяют хорошему следователю отделить истинное от ложного.

На следующий день после выхода книги в свет в закрытом мире высокочастотных специалистов поднялся целый шквал вопросов. Проклятье, каким образом этот никому не известный писак получил информацию о столь необычных делах? (Я, разумеется, изменил имена, чтобы не дискредитировать обвиняемых, но все равно мои отчеты напоминали сообщения, полученные с другой планеты.) И самое главное: кто же на самом деле автор, черт побери?

Я не хотел, чтобы кто-нибудь узнал правду. В силу специфики своей бывшей работы я имел больше врагов, чем мог себе даже представить, и не желал однажды, включив двигатель машины, превратиться в горстку космической пыли, кружащейся вокруг Луны. А потому решил подстраховаться, воспользовавшись чужим именем. Если кто-то из читателей захочет разжиться информацией о так называемом авторе, единственное, что он обнаружит: этот человек недавно умер в Чикаго.

Одно могу сказать точно: я писал эту книгу не ради славы или денег, а потому, что успешно распутывал преступления, совершенные людьми, работавшими на пределе, которого может достичь человеческая изобретательность. И надеялся, что техника, которую я впервые применил, окажется полезной для других следователей. Видите ли, в душе я по-прежнему молод и верю, что впереди меня ожидает другая, настоящая жизнь. Я думал, что это сочинение станет неким итогом, своего рода прощанием с прошлым.

На протяжении почти целого десятилетия я был сотрудником одного тщательно засекреченного подразделения разведслужб США. Нашу работу столь филигранно скрывали от посторонних глаз, что лишь очень и очень немногие вообще знали о существовании этой организации. Управление наше было призвано не только контролировать разведывательное сообщество страны, но, более того, быть своего рода тайным департаментом внутренних дел всего мира. В каком-то смысле мы уподобились средневековым крысоловам.

Хотя многие сотрудники двадцати шести официально признанных и восьми безымянных американских разведывательных организаций засекречены, не будет преувеличением заявить, что в орбиту нашего наблюдения входило более ста тысяч человек. Мы имели дело с самыми разнообразными преступлениями: государственными изменами и коррупцией, убийствами и изнасилованиями, торговлей наркотиками и кражами. Маленькое уточнение: те преступники, которыми мы занимались, были самыми умными и изощренными в мире.

Управление, которому поручили эту чрезвычайно важную и секретную миссию, было учреждено еще Джоном Кеннеди в самом начале его правления. После сенсационного скандала в ЦРУ, подробности которого до сих пор не обнародованы, президент пришел к выводу, что разведывательное сообщество ничуть не меньше (если даже не больше) подвержено человеческим слабостям, чем все население в целом.

По-хорошему в нормальных условиях эту функцию следовало бы возложить на Федеральное бюро расследований: пусть бы оно действовало как независимый исследователь. Однако при Джоне Эдгаре Гувере, бывшем его директором на протяжении почти полувека, с 1924 по 1972-й год, ФБР утратило последние черты нормальности. И предоставить ему полномочия слежки за секретными агентами было все равно что подарить Саддаму Хусейну завод по производству оружия. Вот почему Джон Кеннеди и его брат создали специальное управление, наделенное беспрецедентной властью. В соответствии с особым правительственным циркуляром оно стало одной из трех организаций, которые отчитывались о проделанной работе непосредственно президенту, минуя конгресс. Не трудитесь спрашивать про две другие: я не стану вам ничего рассказывать, поскольку не собираюсь выдавать государственные тайны.

Эти организации с высшей степенью допуска к государственным секретам существуют словно бы в вакууме. Поначалу все дружно поносили новое управление вместе с его высокой миссией, а потом пришли в восторг, увидев, какое мастерство проявили сотрудники этой организации, фигурировавшей везде под кодовым названием «Одиннадцатая воздушно-десантная дивизия» или «Кавалерия». Мало кто ожидал, что начинание окажется успешным, но вскоре репутация нового управления настолько возросла, что злопыхатели прикусили язык.

Постепенно разведывательное сообщество стало упоминать о «Дивизии» (так все сокращенно называли между собой особое управление) с ноткой почтительности. На нее работали многие блестящие умы, и я говорю об этом вовсе не из тщеславия. Людей со средними способностями туда просто не брали: ведь порой мишенью «Дивизии» становились супермегапрофессионалы, непревзойденные мастера секретных операций. Долгие годы тренировок научили этих мужчин и женщин искусству филигранно лгать и уходить от прямого ответа, получать желаемое и исчезать без следа, не оставляя ни единой улики. Так что, сами понимаете, те, кто их выслеживал, должны были проделывать все это еще лучше. Сотрудники особого управления, эти охотники, которым приходилось всегда опережать свою добычу на один шаг, постоянно испытывали страшное, временами почти невыносимое напряжение. Неудивительно, что «Дивизия» лидировала по количеству самоубийств среди правительственных организаций – это вам не на почте служить.

Меня рекрутировали в элитные ряды «Дивизии» – да так, что я этого даже не понял, – еще во время учебы в Гарварде. В университет для беседы с наиболее перспективными выпускниками прибыла представительница этого управления – приятная женщина с красивыми ногами, в поразительно короткой юбке. Впрочем, она представилась вице-президентом корпорации РЭНД².

Я изучал медицину в течение трех лет и специализировался на фармакологии наркотических средств, занимаясь этим предметом по-настоящему усердно. С понедельника по пятницу я постигал науку в теории, а в выходные приобретал практический опыт. Помню, как однажды, начитавшись справочников, я столь успешно симулировал симптомы фибромиалгии, что без труда получил от врача в Бостоне вожденный рецепт на наркотический обезболивающий препарат.

А потом, в один прекрасный день, на меня вдруг снизошло озарение. Думаю, сказать так не будет преувеличением. Я сидел за письменным столом, изучая действительные и воображаемые болезни пациентов, за которыми потихоньку наблюдал, когда они заходили, дождавшись своей очереди в приемной. И вдруг понял, что меня интересуют вовсе не жалобы людей, а мотивы, которые этими людьми движут.

² Корпорация РЭНД (англ. RAND – аббревиатура от «Research and Development», «Исследование и разработка») – некоммерческая организация, стратегический исследовательский центр, который оказывает содействие научной, образовательной и благотворительной деятельности в интересах общественного благополучия и национальной безопасности США.

Я бросил медицину, поступил на психологический факультет и окончил его magna cum laude³. Даже хотел было заняться написанием диссертации.

Когда университет остался позади, леди в короткой юбке предложила мне жалованье, вдвое превышающее начальный оклад большинства служащих, а также безграничные возможности для исследований и заманчивые перспективы карьерного роста. В результате я на протяжении шести месяцев писал отчеты, которые, похоже, никто не читал, составлял опросные листы, которые так никто и не заполнил, пока наконец не обнаружил, что работаю вовсе не на корпорацию РЭНД. Все это время за мной наблюдали, прослушивали мои телефонные разговоры, оценивали и проверяли. Внезапно мисс Короткая Юбка безвозвратно исчезла.

Вместо нее появились двое мужчин, весьма жестких и решительных, – я никогда не встречал их до этого и ни разу не видел после. Они привезли меня в укромную комнатку в неприглядном здании, которое находилось в промышленной зоне, немного севернее штаб-квартиры ЦРУ в Лэнгли, штат Виргиния. После того как я подписал кучу документов, запрещающих разглашать полученную информацию, незнакомцы объявили, что мою кандидатуру рассматривают в качестве сотрудника особой разведывательной службы, сообщить название которой они категорически отказались.

Я изумленно уставился на обоих и выразил недоумение, с какой стати мною вообще заинтересовались в разведке. Хотя, честно говоря, уже знал ответ: я идеально подходил для роли тайного агента, поскольку был умен, одинок и имел некий скрытый душевный изъян.

Ни сестер, ни братьев у меня не было. Что касается родителей, то мой отец бросил мать, когда она еще была беременна, и с тех пор больше не появлялся. Несколькими годами позже маму убили в спальне нашей квартиры на окраине Детройта. Как я уже упоминал, это одно из мест, которое я не забуду до конца жизни.

Я попал в приют, а через некоторое время меня усыновили, но отношения с приемными родителями так и не сложились. Они жили в Гринвиче, штат Коннектикут, имели двадцать акров вылизанных лужаек и тихий, уютный дом, могли оплатить обучение в самой лучшей школе. Со стороны казалось, что у нас полноценная семья, – по крайней мере, Билл и Грейс Мердок сделали все, что было в их силах. Но я так и не смог стать для них родным сыном, о котором они мечтали.

Ребенок без родителей учится выживать: он рано овладевает искусством скрывать свои чувства, а если боль становится невыносимой, создает убежище в собственной душе и прячется там. Чисто внешне я стремился быть таким, каким меня, вероятно, хотели видеть Билл и Грейс, но в конце концов стал чужим для них обоих.

Сидя в той комнате неподалеку от штаб-квартиры ЦРУ в Лэнгли, я понял, что, годами скрывая свое истинное обличье и старательно маскируя чувства, прошел хороший тренинг и теперь идеально подхожу для мира спецслужб.

Впоследствии, путешествуя по свету под двумя десятками разных имен, я убедился, что самые лучшие известные мне тайные агенты научились жить двойной жизнью задолго до того, как их взяли на работу в соответствующие подразделения.

Спецслужбы нанимали людей, ушедших в себя, чтобы спрятаться от враждебного гомофобного мира, тайных прелюбодеев, норовящих ускользнуть от опостылевших законных супругов, поклонников азартных игр и рабов дурных привычек, алкоголиков и извращенцев. Какое бы тайное бремя ни несли эти люди, они умели заставить окружающих питать иллюзии на их счет. А от этого был всего один шаг до того, чтобы надеть чужую личину и послужить своему правительству.

Думаю, те двое в штатском почувствовали во мне нечто подобное. Они задали мне массу вопросов и под конец поинтересовались, какие наркотики мне доводилось пробовать.

³ С отличием (лат.).

Я решил стоять насмерть: упорно отрицал даже мимолетное знакомство с наркотиками, благо никогда не вел безалаберного образа жизни, который обычно сопутствует их употреблению. Я уверял собеседников, что, мол, жил затворником, следуя собственным правилам: если и выходил куда прошвырнуться, то всегда в одиночку; в барах и клубах употреблять зелье не пробовал, а уж пытаться купить дурь самому – такого у меня и в мыслях не было.

И представьте, это прокатило: представители спецслужб при всем желании не могли бы опровергнуть мои слова, поскольку я всегда действовал очень осторожно и меня ни разу не арестовывали и не допрашивали по поводу наркотиков. Так или иначе, поскольку я уже имел успешный опыт тайной жизни, то был готов окунуться в другую ее разновидность. Когда мужчины, завершив беседу, встали и спросили, сколько мне нужно времени, чтобы обдумать их предложение, я тут же попросил ручку.

Вот так все и случилось: в той унылой комнате без окон я подписал заявление о приеме на службу в особое разведывательное подразделение и этим круто изменил свою судьбу. Откровенно говоря, не помню, возникли ли у меня тогда мысли о той цене, которую мне придется за это заплатить, и о простых человеческих радостях, которые мне никогда не суждено будет испытать или разделить.

Глава 6

После четырех лет тренировок – а нас обучали умению читать знаки, которых обычный человек попросту не заметит, и выживать в таких ситуациях, когда другие непременно погибнут, – я сильно продвинулся по служебной лестнице. Меня направили за границу, в Берлин, и через шесть месяцев я впервые убил человека.

С самого основания «Дивизии» операциями в Европе руководил один из главных ее агентов, штаб которого находился в Лондоне. Первым, кто занимал этот пост, был морской офицер высокого ранга, одержимый изучением истории морских баталий. Его прозвали Синим Адмиралом, а поскольку следующие командиры сплошь были людьми сухопутными и к флоту отношения не имели, прозвище это применительно к ним постепенно трансформировалось в Синего Всадника (как вы помните, одним из кодовых названий «Дивизии» было «Кавалерия»).

Когда я прибыл в Европу, тогдашний местный начальник проводил важнейшую операцию, и мало кто сомневался, что однажды он вернется в Вашингтон, чтобы возглавить «Дивизию». Все наперебой старались заслужить его одобрение, надеясь, что наиболее преуспевающих сотрудников он повысит в должности и возьмет с собой.

Из Берлина меня направили в Москву. Было начало августа: самое худшее время, невыносимо жаркий месяц в этом ужасном городе. Мне поручили провести расследование: поступили сигналы о финансовых махинациях в местном отделении американских спецслужб. Деньги действительно куда-то пропали, но, копнув поглубже, я обнаружил нечто гораздо худшее: высокопоставленный офицер американской разведки специально прибыл в Москву, чтобы продать ФСБ (унаследовавшей от КГБ не только его функции, но и жестокость) информацию – сообщить имена наиболее ценных русских осведомителей.

Приехав поздно вечером в условленное место, я должен был действовать без промедления: на консультации с коллегами или на колебания времени у меня просто не было. Я догнал офицера-отступника и застрелил его, когда он шел на встречу со своим русским связным.

Синий Всадник был первым человеком, которого я убил в своей жизни. Случилось это на Красной площади, продуваемой горячим, злым, зарождающимся в степях воющим ветром, несущим запахи Азии и смрад предательства. Не знаю, можно ли этим гордиться, но я убил своего босса как настоящий профессионал, хотя был тогда совсем еще молодым и неопытным.

Я тайно проследовал за ним на южную оконечность площади, где крутилась детская карусель. Мне пришлось в голову, что рев музыки, сопровождавшей работу аттракциона, поможет заглушить резкий звук пистолетного выстрела. Я хорошо знал этого человека и подошел к нему сбоку, он заметил меня только в последний момент.

На лице Синего Всадника возникла гримаса смущения, мгновенно сменившаяся испугом.

– Эдди, – сказал он.

Меня зовут вовсе не Эдди, но, как и все в нашем управлении, я сменил имя, впервые вступив на эту стезю. Так было легче: словно бы вовсе даже и не я вытворяю все это.

– Эдди, что вы здесь делаете? Возникли какие-то проблемы?

Он был южанином, и мне всегда нравился его акцент.

Я покачал головой.

– Высшая мера, – сказал я по-русски.

Мы оба прекрасно знали, что означает эта давняя формулировка КГБ: эвфемизм «высшая мера наказания» русские употребляют, когда собираются прострелить кому-нибудь затылок пулей крупного калибра.

Моя рука уже сжимала в кармане пистолет, компактный «ПСМ 5.45», по иронии судьбы советского производства, особую модель размером чуть больше зажигалки. Если положить его

в карман пиджака (а на мне в тот день был хорошо скроенный костюм), появится лишь едва заметная складка. Я увидел панику в глазах Синего Всадника. Взгляд его метнулся в сторону крутящихся на карусели детишек: возможно, он вспомнил двух собственных малышей, недоумевая, почему дело зашло так далеко.

Не вынимая руки из кармана, я нажал на курок, выпустив пулю со стальным сердечником, способную прострелить тридцать слоев кевлара и титановую пластину толщиной в полдюйма на пуленепробиваемом жилете, который, как я предполагал, носил Синий Всадник.

Из-за шума карусели никто не услышал звука выстрела.

Пуля, вошедшая предателю в грудь, попала прямо в сердце, убив его мгновенно, как и было задумано. Я протянул руку, чтобы подхватить труп, и вытер пот со лба Синего Всадника – одним словом, вел себя так, словно мой компаньон просто потерял сознание от жары.

Я подтащил его к свободному пластиковому стулу под колыхающимся тентом и, запинаясь, обратился по-русски к кучке мамаш, наблюдавших за своими чадами с расстояния в десять ярдов. Показав на небо, я пожаловался на невыносимо жаркую погоду.

Женщины заулыбались, втайне довольные: вновь подтвердилось, что славяне сильные, а американцы – слабаки.

– Да, действительно, жара ужасная, – сочувственно закивали они.

Сняв со своего бывшего шефа пиджак, я прикрыл окровавленную дыру у него в груди. После чего, вновь обратившись к мамашам, сообщил им, что отойду на минутку: нужно поймать такси.

Они понимающе кивнули, более озабоченные своими детишками на карусели, нежели моими манипуляциями. Вряд ли кто-нибудь из них заметил, что я, поспешно направляясь в сторону Кремлевского проспекта, где можно было поймать такси, прихватил с собой портфель своего спутника, не говоря уже о его бумажнике.

Думаю, женщины увидели струйку крови, сочившуюся из уголка его рта, и вызвали полицию, только когда я был уже за несколько миль от Красной площади и входил в свой гостиничный номер. У меня не было возможности порыться в карманах убитого, поэтому установить его личность большого труда не составило.

Посещая дом Синего Всадника в Лондоне, я, случалось, оставался на обед и не раз играл с его дочками, девочками младшего школьного возраста. Поэтому, приблизительно прикинув, через какое время в доме моего бывшего босса в Хэмпстеде зазвонит телефон и близким сообщат, что отец семейства мертв, я ясно представил, что будет дальше. По собственному печальному опыту, полученному в раннем детстве, я лучше многих знал, как воспримет эту новость ребенок: волна недоверия, упорное нежелание понимать, что смерть – это навсегда и уже ничего исправить невозможно, приступ паники, разверзшаяся пропасть отчаяния, ужасное чувство, что тебя бросили. Как ни пытался я выкинуть из головы эту сцену, красочная картинка прокручивалась у меня в мозгу снова и снова: мои собственные эмоции полностью накладывались на образы дочек Синего Всадника.

Присев на кровать, я сломал замок на его портфеле. И обнаружил внутри лишь один-единственный предмет, заслуживающий интереса, – компакт-диск с портретом канадской певицы Шанайи Твейн на обложке. Я вставил его в дисковод ноутбука и запустил специальную программу. В оцифрованной музыке были спрятаны засекреченные файлы с фамилиями девятнадцати русских, передающих нам секреты. Если бы Всадник доставил этот диск по назначению, никто из них не смог бы избежать высшей меры.

Просматривая файлы с персональными данными этих девятнадцати человек, я начал подсчитывать имена русских детей, которые мне встречались. Сам не заметил, как подвел баланс: четырнадцать русских мальчиков и девочек против двух дочерей Всадника. Как говорится, цифры говорили сами за себя. Однако русские имена были для меня чистой воды абстракцией, тогда как дети моего бывшего босса стояли перед глазами как живые.

Я взял пиджак, повесил на плечо ту же сумку, что и в предыдущий вечер, сунул в карман «ПСМ 5.45» и направился на детскую площадку в парк имени Горького. Изучив информацию на диске, я узнал, что супруги некоторых наших русских информаторов любят гулять там с детьми. Сидя на скамейке, я по описаниям установил личности девяти женщин, чьи чада строили замки из песка на импровизированном пляже.

Я подошел ближе и принялся рассматривать смеющихся ребятишек. Сомневаюсь, что они заметили незнакомца в пиджаке с прожженным насквозь карманом, разглядывающего их через ограду. Пусть же у этих малышей будет больше безоблачных летних дней, чем у меня в детстве. Их незнакомые русские имена воплотились теперь для меня в плоть и кровь. Может, это прозвучит наивно, но мне вдруг пришло в голову: подарив им спокойное существование, я лишил покоя себя самого.

Успокоившись немного, но чувствуя себя постаревшим на несколько лет, я отправился на стоянку такси. Несколькими часами ранее, вернувшись после убийства Синего Всадника обратно в гостиничный номер, я сделал оттуда зашифрованный звонок в Вашингтон и теперь знал, что специальный самолет ЦРУ, якобы принадлежащий компании «Дженерал моторс» и совершающий рейсы под видом реактивного лайнера бизнес-авиации, уже вылетел в московский аэропорт Шереметьево, чтобы забрать меня.

Я был не на шутку обеспокоен, что русские уже вычислили убийцу, поэтому дорога до аэропорта показалась мне самым долгим путешествием в моей жизни. На борт самолета я поднялся, испытывая сильное чувство облегчения. Однако моя бурная радость длилась не более двенадцати секунд. Внутри меня ждали четыре вооруженных человека, которые отказались назвать себя, но внешне сильно смахивали на спецназовцев.

Они предъявили мне документ, из которого следовало, что, поскольку я обвиняюсь в убийстве, в отношении меня будет проведено расследование, причем не кем-нибудь, но особой, высшей инстанцией разведывательного сообщества, занимающейся так называемыми критическими случаями. Старший группы сказал, что мы летим в США.

Затем он объявил, что я арестован, и зачитал мне мои права.

Глава 7

Я догадался, что мы пролетаем над Монтаной. Когда я взглянул в иллюминатор, очертания гор подсказали мне: мы где-то на северо-западе. Никаких других признаков, по которым можно было установить наше местонахождение, я не обнаружил: аэродромы тщательно замаскированы, поблизости виднеются лишь скопления каких-то непонятных бункеров, дюжина ангаров и бесконечные провололочные ограждения под током.

Мы летели всю ночь, и, когда селились на рассвете, я пребывал в дурном расположении духа. У меня было достаточно времени, чтобы прокрутить в голове все случившееся, но с каждой остававшейся позади милей мои сомнения только росли. А что, если компакт-диск с Шанайей Твейн – фальшивка и кто-то обманул Всадника? Может быть, другое подразделение использовало его, чтобы подsunуть противнику ложные сведения? Вдруг это была спецоперация, целью которой являлся вброс дезинформации, а я просто-напросто ничего не знал? Что тогда? Те, кто будет проводить расследование, могут заявить, что компакт-диск на самом деле принадлежит мне, а Всадник разоблачил меня как предателя. Тогда станет понятно, почему я решил немедленно, ни с кем не проконсультировавшись, убить его.

Я все глубже погружался в лабиринт сомнений, когда дюжие спецназовцы торопливо вывели меня из самолета и посадили во внедорожник с тонированными стеклами. Дверцы закрылись автоматически, и я заметил, что ручки внутри отсутствовали. Вот уже пять лет минуло с тех пор, как я присоединился к миру спецслужб, и теперь после трех безумных дней в Москве моя жизнь была поставлена на карту.

Два часа мы ехали вдоль проволочного ограждения, пока не остановились у располагавшегося на отшибе длинного одноэтажного здания, окруженного лужайкой с выгоревшей на солнце травой.

Мои передвижения ограничили двумя маленькими комнатками, строго-настрого запретив общаться с кем-либо, кроме сотрудников, которые должны были меня допрашивать. Я знал, что в другом крыле дома несколько бригад криминалистов скрупулезно изучают мою жизнь (как, впрочем, и жизнь Всадника), пытаюсь обнаружить истину. Процедура допросов была мне известна, однако понятно, что практические занятия в разведшколе не идут ни в какое сравнение с реальностью, когда тебя берут в оборот враждебно настроенные следователи.

Четыре бригады работали посменно, и я должен признать, что женская группа была лучше остальных (или хуже – все зависит от того, как посмотреть). Самая фигуристая из дам, по-видимому, полагала, что если она расстегнет верхние пуговицы блузки да еще наклонится вперед, то это каким-то образом поможет ей приблизиться к истине. Я называл ее про себя мисс Чудо-Лифчик. Через несколько лет тот же метод допроса, правда с булышим эффектом, был применен к мусульманским заключенным в тюрьме на военно-морской базе США в заливе Гуантанамо.

Я разгадал ее тактику – напоминание о мире, по которому ты тоскуешь, о мире удовольствий, бесконечно далеком и желанном. Хочешь вновь вернуться туда? Ну что ж, тогда все, что от тебя требуется, – сотрудничество. И должен сказать, этот метод работает. Когда день и ночь из тебя выколачивают подробности и бесконечно ловят на несоответствиях, это надоедает до чертиков. Через какие-нибудь пару недель начинаешь отчаянно тосковать и мечтаешь очутиться где угодно, но только не здесь.

И вот однажды (дело было поздно ночью, после двенадцатичасового непрерывного допроса) я спросил у красотки:

– Вы хотите сказать, что я все это спланировал заранее: убить его на окраине Красной площади? В Москве, на Красной площади?! Зачем мне было это делать?

– Признаю, что это глупо, – спокойно заметила она.

– И откуда вас только понабрали, с такими сиськами?! – не выдержав, заорал я.

Я впервые повысил голос, и это было ошибкой: ведь за допросами через скрытую камеру наблюдала целая команда аналитиков и психологов. Теперь они будут знать, что по-настоящему меня достали.

Какое-то мгновение я надеялся, что мисс Чудо-Лифчик оплатит мне той же монетой, но она была настоящим профессионалом: голос дамы остался спокойным; мало того, она даже еще ближе наклонилась ко мне, пуговицы на блузке едва не расстегнулись.

– Они настоящие и выглядят так вовсе не благодаря бюстгальтеру, если это вас интересует. Какую мелодию играли на карусели?

Я с трудом сдержал ярость.

– Я вам уже говорил.

– Повторите.

– «Повеяло юностью». Не верите? Нет, серьезно, современная Россия – страна абсурда, у них там во всем полнейшая бессмыслица.

– Вы слышали эту песню раньше?

– Конечно слышал. Это же «Нирвана».

– Значит, на Красной площади, когда вы искали подходящее место...

– Ничего я не искал, у меня не было никакого плана, – тихо сказал я, ощутив боль в левом виске.

Когда меня наконец отпустили спать, я почувствовал, что мисс Чудо-Лифчик скоро добьется своего. Даже если ты уверен в собственной невинности, все равно морально очень тяжело: постоянно помнишь, что ты заперт в четырех стенах, судорожно цепляешься за утраченную свободу и никому в целом свете нет до тебя дела.

На следующее утро, очень рано (я почему-то думал, что на дворе среда, хотя на самом деле была суббота – вот как им удалось дезориентировать меня во времени), дверь комнаты, где я спал, открылась, и надзиратель бросил на постель комплект чистой одежды. Впервые заговорив со мной, он предложил принять душ, обычно я умывался над тазиком в углу спальни. Этот прием я тоже хорошо знал – внушить мысль, что следователи начинают верить мне, вселить надежду. Но я уже достиг такой стадии, что не слишком заботился обо всяких там психологических тонкостях. Фрейд мог бы сказать в этом случае: «Иногда душ – это просто душ».

Надзиратель отпер дверь в находившуюся по соседству ванную и ушел. Все там было стерильно-белым, как в клинике: ванна, кафель, потолок. Правда, на стенах и потолке виднелись рым-болты, что наталкивало на мысль о куда более мрачном предназначении данного помещения, но сейчас меня это не заботило. Я побрился, разделся и наполнил ванну водой.

Чуть позже, уже вытираясь, я в полный рост увидел себя обнаженным в зеркале и замер от удивления: давненько я не смотрел на себя со стороны.

В общей сложности я провел на уединенном ранчо около трех недель и за это время потерял фунтов двадцать. Вид у меня был крайне изможденный, и мне показалось, что я сильно постарел. Несколько минут я рассматривал свое изображение в зеркале, словно это было окно в будущее. Уродливым я, впрочем, не выглядел: высокий рост, светлые, как будто пропитанные солью, пряди волос – выгорели на солнце.

Несколько лишних фунтов исчезло с талии и зада: я был в хорошей форме – не безупречно накачанный брюшной пресс тщеславной кинозвезды, а скорее подтянутость, которую дают ежедневные сорокаминутные занятия крав-маго́й. Если верить знающим людям, эта изобретенная в Израиле система рукопашного боя особенно популярна среди нью-йоркских наркодилеров, к северу от Сто сороковой улицы. Я всерьез увлекся крав-магой и не сомневался, что однажды, когда я буду одинок и доведен до полного отчаяния, она спасет мне жизнь.

Стоя перед зеркалом, я тщательно изучал человека, которого там видел, и размышлял, действительно ли он мне нравится. И вдруг подумал: а ведь не исключено, что мисс Чудо-

Лифчик и ее подруги сейчас тоже рассматривают и оценивают меня. Ну и что, даже если это и так? Пожалуй, меня вряд ли взяли бы на главную мужскую роль в каком-нибудь порнофильме, но и стыдиться мне тоже было нечего. Тайное наблюдение за телом не так уж страшно. Гораздо хуже было другое: изучение мельчайших деталей моей жизни под микроскопом, бесконечные поиски свидетельств, которых не существовало, разрушающая душу убежденность следователей, что человек не может совершить какой-либо поступок просто потому, что считает его правильным.

Помнится, инструктор по крав-маге объяснял мне, в чем заключается главная ошибка, которую большинство людей совершают во время драки: они норовят посильнее ударить противника в голову и при этом неизбежно разбивают костяшки собственных пальцев. Вот почему настоящий профессионал сжимает кулак и бьет врага его краем, словно молотом по наковальне.

Такой удар, нанесенный достаточно подготовленным человеком (опять же если верить инструктору), имеет в точке приложения силу более четырех ньютонов. Можете представить себе, какой урон он наносит лицу противника. Или зеркалу: оно разбилось на куски, которые разлетелись по полу. Самое удивительное – стена за ним оказалась голой: никакой двусторонней зеркальной панели, ничего подобного. Я тупо уставился на стену, размышляя: может быть, это внутри меня что-то треснуло?

Я вернулся в спальню, переоделся в чистую одежду, уселся на кровати и стал ждать. Но никто не пришел. Я постучал в дверь и убедился, что она не заперта. Как остроумно, подумал я: коэффициент доверия теперь достигнет космических высот. И внезапно почувствовал себя персонажем триллера: а вдруг я сейчас обнаружу, что на самом деле дом пуст и никто не жил в нем долгие годы?

Я прошел в гостиную, где прежде никогда не бывал. Именно здесь я и обнаружил всю компанию: человек сорок дознавателей, и все мне улыбались. Я почему-то подумал, что сейчас они все разразятся аплодисментами, и мне стало жутко. Старший группы, человек с лицом столь непропорциональным, словно его собирали из оставшихся запчастей, что-то сказал, но я едва его расслышал. Затем слово взяла мисс Чудо-Лифчик: сделав выразительный жест в мою сторону, она заявила, что они, мол, всего лишь выполняли свою работу, и выразила надежду, что я не затаил на них обиду.

Я чуть было не предложил красотке подняться наверх, чтобы обсудить в приватной обстановке, насколько эффективными оказались запрещенные приемы, которые она применяла, эксплуатируя свою сексапильность, но тут главный следователь сказал нечто такое, что заставило меня отказаться от этой идеи. Согласитесь, подобные мысли недостойны человека, получившего письмо от самого президента Соединенных Штатов. Оно лежало на столе, и я сел, чтобы прочитать его. В послании, скрепленном внушительной сине-золотой печатью, говорилось, что в результате полного и тщательного расследования с меня полностью сняты все обвинения. Президент поблагодарил меня за проявленное мужество и исполнение гражданского долга.

«Находясь на вражеской территории, не имея помощи и подвергая себя опасности, Вы, столкнувшись с необходимостью действовать немедленно, ни минуты не колебались и не думали о личном благополучии», – писал он.

Далее президент отмечал, что общественность не должна знать о моей секретной миссии, но лично он от имени всего американского народа благодарит меня за неоценимые услуги, оказанные Отечеству. Где-то в письме даже проскочило слово «герой».

Я направился к двери, чувствуя на себе взгляды всех собравшихся, но стараясь не обращать на них внимания. Выйдя наружу, я остановился посреди лужайки, чтобы полюбоваться унылым пейзажем.

«Полностью сняты все обвинения», «неоценимые услуги, оказанные Отечеству», «герой» – я больше не мог сдерживаться, и накопившиеся во мне чувства потоком хлынули наружу. Интересно, что сказали бы сейчас Билл и Грейс? Гордились бы они своим приемным сыном, после того как я столь долго отвергал их?

Я услышал на длинной подъездной аллее, посыпанной гравием, шорох шин. Перед домом остановилась машина, но я даже не обернулся. Вспомнил ту мертвую женщину в Детройте с изумительно красивыми синими глазами, так похожими на мои. Я уверен, что мама очень любила меня, и до чего же странно, что я едва знал ее. Какие бы чувства испытала сейчас моя родная мать, будь она жива?

Так я и стоял там, сгорбившись на ветру, терзаемый противоречивыми чувствами. Затем обернулся, услышав, что открылась дверь, и увидел на крыльце старшего дознавателя и мисс Чудо-Лифчик, а рядом с ними – пожилого мужчину, который только что приехал на машине. Я давно знал этого человека, хотя настоящее его имя никогда не называлось. Это был директор «Дивизии».

Он медленно спустился по ступенькам и подошел ко мне.

– Вы прочли письмо? – спросил директор.

Я кивнул. Он взял меня за руку и слегка пожал ее: в такой манере он привык выражать благодарность. Думаю, директор «Дивизии» понимал: любые сказанные им сейчас слова вряд ли смогут соперничать с той сине-золотой печатью.

Он проследил за моим взглядом, по-прежнему устремленным на унылый окрестный пейзаж, и заговорил о человеке, которого я убил.

– Да, под конец он стал предателем, но если отбросить этот факт, следует признать, что в целом он был замечательным агентом, одним из самых лучших.

Я удивленно посмотрел на собеседника:

– Интересная логика. Тогда можно сказать, что, если забыть об атомной бомбе, день шестого августа в Хиросиме был просто чудесным.

– Господи, Эдди! Я стараюсь как-то сгладить ситуацию, найти в ней хоть что-то положительное. Он ведь был моим другом.

– И моим тоже, – невозмутимо добавил я.

– Знаю-знаю, Эдди, – примирительно сказал директор. Просто удивительно, каким магическим действием обладает письмо президента! – Я не раз говорил, что не хотел бы оказаться на вашем месте. Не знаю, сумел бы я сделать такое, даже во времена своей молодости.

Я ничего не ответил: судя по тому, что я слышал об этом человеке, он не постеснялся бы заявиться в Диснейленд с автоматом, если бы решил, что это поможет ему продвинуться по службе.

Подняв воротник пальто, чтобы защититься от ветра, директор «Дивизии» сказал, что рассчитывает на мое скорое возвращение в Лондон.

– Я посоветовался со всеми, от кого это зависит, и наше решение было единодушным: вы назначаетесь новым Синим Всадником.

Я вновь промолчал и еще долго разглядывал заброшенные поля. Не выразить словами, как грустно было у меня на сердце. И новое назначение совершенно не радовало: перед глазами стояли две маленькие девочки.

Мне тогда минуло двадцать девять лет. Столь молодого Синего Всадника за все время существования «Дивизии» еще не бывало.

Глава 8

До чего же красиво выглядел Лондон в вечер моего прилета: собор Святого Павла, здание парламента и все прочие старые цитадели власти и величия, гордо высящиеся на фоне пламенеющего закатом неба.

Прошло меньше двадцати часов с тех пор, как я узнал о новом высоком назначении, и все это время я был в пути. Местонахождение ранчо я определил неправильно: оно находилось в Блэк-Хиллс, штат Южная Дакота, – местности даже еще более отдаленной, чем я думал. Пришлось целых два часа добираться до ближайшего аэропорта, откуда частный реактивный самолет доставил меня в Нью-Йорк, а уж там я пересел на трансатлантический рейс «Британских авиалиний».

Внедорожник «форд», произведенный три года назад и несколько утративший свой презентабельный вид под слоем грязи, забрал меня из аэропорта Хитроу и отвез в Мейфэр – фешенебельный район лондонского Вест-Энда. В ночь на воскресенье транспорта на улицах было мало, но двигались мы очень медленно: дополнительный вес бронированной машины сильно затруднял процесс вождения.

Парень, сражавшийся с рулевым колесом, наконец свернул в тупик рядом с Саут-Одли-стрит. Мы въехали в подземный гараж элегантного особняка, который, как гласила медная дощечка на входной двери, являлся штаб-квартирой инвестиционного фонда «Балеарские острова» в Европе.

Вывеска ниже сообщала, что о приеме можно договориться только по телефону. Номер указан не был, и если бы вы захотели узнать его через лондонскую справочную службу, вам не смогли бы помочь даже там. Стоит ли говорить, что никто в этот фонд никогда не звонил.

Я поднялся на лифте с цокольного этажа на самый верх здания и вошел в помещение, которое всегда служило офисом Синего Всадника, – широкое пространство, заполненное полированным деревом и белыми диванами, не имеющее окон и напрочь лишенное естественного света.

Сидя в своей ячейке, одной из множества в бетонной клетке здания, я начал распутывать паутину лжи, сплетенную моим предшественником. В тот первый вечер я допоздна набирал секретные номера, о которых не знали даже телефонные компании, формируя особую команду из шифровальщиков, аналитиков, специалистов по обработке документации и, конечно, агентов разведки.

Что бы там ни утверждали правительства, далеко не все войны ведутся на глазах у репортеров под круглосуточным ярким светом камер, снимающих сюжеты для новостей. Уже на следующий день новый Всадник и небольшая группа его бойцов развернули кампанию по всей Европе, сражаясь с наиболее серьезным со времен холодной войны противником, внедрившимся в американские разведывательные службы.

Мы добились немалых успехов, но через некоторое время неприятель тоже начал накапливать силы, и с тех пор я потерял сон. Однажды поздним вечером, безуспешно разыскивая давнего нашего информатора в Праге, я несколько часов бродил по городу, после чего заставил себя критически оценить, к чему мы пришли. Если называть вещи своими именами, я потерпел провал: после двадцати месяцев упорной работы мне так и не удалось установить, какие методы использовали русские, когда подкупали и перевербовывали наших агентов.

Денежный след мы так и не сумели выявить до конца: даже в тех случаях, когда удавалось его нащупать, мы не знали, как далеко проникла инфекция. Я день и ночь бился над этой проблемой и наконец получил свою толику везения: на выручку нам пришел скромный бухгалтер.

Разгребая в лондонском офисе оставшиеся от своего предшественника горы материалов, прежде чем навсегда похоронить их в архивах «Дивизии», этот бухгалтер обнаружил написан-

ный от руки перечень предполагаемых покупок, засунутый в чековую книжку. Прежде чем выбросить его, он взглянул на оборот и увидел, что это фирменный бланк-накладная транспортной компании «Федекс». По меньшей мере странно: никакие счета «Федекса» в нашем расследовании не фигурировали. Заинтригованный бухгалтер позвонил в компанию и получил список товаров, отправленных с указанного адреса. Доставка их была оплачена наличными.

Бухгалтера особенно заинтересовала коробка дорогих кубинских сигар, отправленная в роскошный отель «Бурдж-эль-Араб» в Дубае. Быстро выяснилось, что имя получателя на квитанции «Федекса» фальшивое. На этом наше расследование зашло бы в тупик, если бы не счастливый случай. Женщина, работавшая с бухгалтером, раньше служила в турфирме и знала, что в Объединенных Арабских Эмиратах во всех отелях обязательно делают ксерокопии паспортов постояльцев.

Представившись спецагентом ФБР, приписанным к Интерполу, я после долгих уговоров упрямил владельца отеля поднять архивы и сообщить мне паспортные данные гостя, занимавшего в определенный день номер 1608.

Им оказался некто по имени Кристос Николаидис. Красивое имя, но стыд и позор этому человеку.

Глава 9

Все сходились во мнении, что Крестоса можно было бы назвать красавцем, если бы фигура не подкачала. Правильные черты лица, блестящие оливковые глаза, волна непокорных темных волос и крепкие белоснежные зубы не могли скрасить впечатление от непропорционально коротких для его тела ног. Но парень, похоже, особо от этого не страдал: на помощь ему неизменно приходили деньги, особенно в отношениях с женщинами, чье общество он любил. А уж недостатка в деньгах Крестос Николаидис точно не испытывал.

Он сразу обнаружился в базе данных полиции, и стало ясно, что на крючок к нам попала крупная добыча: настоящий подонок, начисто лишенный всяких моральных принципов, замешанный в трех убийствах и множестве других серьезных уголовных преступлений. Гражданин Греции, тридцати одного года, старший сын малограмотных родителей, проживающих на окраине города Салоники, на севере страны. Сразу оговорюсь, что «малограмотные» в данном случае вовсе не означает «глупые»: в чем в чем, а в этом близких Крестоса трудно было обвинить.

В последующие недели мы изучили обстоятельства жизни Николаидиса. Нас все больше интересовала его семья. Сплоченный клан братьев, дядюшек и кузенов возглавлял Патрос, шестидесятилетний отец Крестоса, настоящий безжалостный тиран. Как говорят в Афинах, у него был большой пиджак – то есть обширное преступное досье. Патрос явно преуспел в жизни, сколотив немалое состояние. Настроившись на орбиту американского спутника, следящего за Балканским регионом, мы получили детальные фотографии огороженной территории семейных владений и были просто ошеломлены.

Среди холмов, густо покрытых цветущей лавандой, раскинулся целый комплекс из семи роскошных домов, бассейнов и обширных конюшен, обнесенный высоченной стеной, которую охранял отряд людей, внешне очень похожих на албанцев и вооруженных автоматическими пистолетами «скорпион». Это выглядело довольно странно, особенно если учесть, что семья Николаидис занималась оптовой торговлей цветами. Да уж, удивительные дела творятся на севере Греции.

Само собой напрашивалось объяснение: подобно меделинскому картелю в Колумбии, Николаидисы приспособили сложную сеть высокоскоростных авиа- и автоперевозок, необходимую для транспортировки столь скоропортящегося груза, как цветы, также и для доставки некоего иного, гораздо более прибыльного товара.

Ладно, пусть так. Но какое отношение имеет это семейство греческих наркодилеров к моему предшественнику? Зачем ему вдруг понадобилось посылать коробку сигар старшему сыну Николаидисов в семизвездочный отель на Ближнем Востоке? Может быть, бывший Всадник баловался наркотиками, которыми Крестос его обеспечивал? Но это казалось маловероятным.

Я уже собирался прекратить расследование, полагая, что мы зашли в тупик, что эти два подонка – мой бывший начальник и Крестос – просто были приятелями. И тут мне повезло: в одну мрачную лондонскую ночь я никак не мог заснуть. Из окна своей квартиры в Белгравии я рассматривал крыши домов, размышляя о том, что эти двое, возможно, обедали вместе в одном из самых дорогих и модных ресторанов, и вдруг понял, что решение самой трудной нашей проблемы лежит на поверхности.

А что, если русские вовсе не имеют отношения к оплате наших агентов-предателей, а это делают Крестос Николаидис со своим семейством? Почему? Допустим, греки везут наркотики в Москву, а эти выплаты являются той суммой, которую им приходится отстегивать испытывающим финансовые трудности русским, чтобы получить «лицензию» на такие поставки. Этакий своеобразный налог на предпринимательскую деятельность.

Следовательно, греки используют свой черный нал и умение отмывать грязные деньги для перевода собственных средств на счета наших предателей. Русские же разведывательные службы в этом процессе никак не участвуют. Следуя такому сценарию, некто, получивший большую сумму денег (скажем, Синий Всадник), мог послать дорогую коробку сигар человеку, только что заплатившему ему, – например, Кростосу Николаидису, отдыхающему в Дубае.

Отогнав всякие мысли о сне, я вернулся в офис и дал ход серьезному расследованию, призвав на помощь греческое правительство. Меня интересовали наиболее засекреченные финансовые операции семейства Николаидис.

Именно информация, полученная по этому делу, привела нас в Швейцарию, на тихие улицы Женевы, имеющей репутацию необыкновенно чистого и красивого города, хотя, на мой взгляд, грязи там предостаточно.

Глава 10

Офис самого секретного в мире частного банка располагается за безликим белокаменным фасадом в центре одного из деловых кварталов Женевы. Вывеска с названием банка отсутствует, но вот уже две сотни лет это здание занимает компания «Клеман Ришлу и К^о». И кто только не входит в число ее клиентов: африканские диктаторы, руководители множества преступных корпораций, богатые наследники нескольких видных деятелей Третьего рейха.

Ришлу был банкиром интересовавшего нас греческого семейства и, как я считал, единственной зацепкой, позволявшей нам продвинуться в своем расследовании. И теперь предстояло убедить руководство банка предоставить нам список торговых операций Николаидисов за последние пять лет. Изучив эти документы, можно было узнать, действительно ли Кристос являлся кассиром русских, и если да, то кого из американцев они включили в платежную ведомость.

Действовать через суд не хотелось, ведь тогда Ришлу мог бы с полным основанием заявить, что разглашать подобную информацию непозволительно: это, мол, противоречит законам о тайне банковских вкладов, принятым швейцарским правительством. Стоит ли после этого удивляться, что страна, где действует подобное законодательство, стала излюбленным местом для тиранов и преступников со всего мира.

Именно по этой причине я обратился непосредственно в «Клеман Ришлу и К^о», назвавшись живущим в Монако юристом, представляющим интересы парагвайских военных. В этом качестве я переступил мраморный порог банка с портфелем-дипломатом, набитым сфабрикованными документами, обещавшими перспективы вкладов на миллионы долларов. Готовый к обсуждению строго секретных финансовых вопросов, я уселся, дожидаясь управляющего, в конференц-зале, украшенном фальшивым антиквариатом.

Эта встреча стала одним из самых памятных событий моей профессиональной жизни, и даже не из-за Кристоса Николаидиса, а благодаря полученному здесь уроку. Обучение началось сразу же после того, как распахнулась отделанная дубом дверь.

Честно говоря, бульшая часть моей работы подобна гребле по канализации в лодке со стеклянным дном, но даже на этом фоне Маркус Бухер сильно выделялся, причем не в лучшую сторону. Будучи проповедником (не имеющим духовного сана) в аскетической кальвинистской церкви, он при этом, как и большинство банкиров, по локоть запачкал руки в крови и дерьме. Можно сказать, что к своим пятидесяти с лишним годам он добился немалых успехов: поместье в Колоньи на берегу Женевского озера, «бентли» в гараже. С другой стороны, если учесть положение, которое Бухер занимал в банке, все это не казалось особым достижением – ведь его семейство владело здесь большей частью акций.

Бухер особенно напирал на то, что комната, где мы беседовали, была звукоизолирована «согласно стандартам американских разведывательных служб». Впрочем, о скрытой камере, которую я заметил в раме портрета на стене, банкир упоминать не стал. Она была расположена таким образом, чтобы фиксировать любой документ, который держал перед собой клиент. Из чистой вредности я ненароком переставил стулья, и теперь в объективе был виден лишь крохотный уголок моего портфеля.

«Так-то вам, господа профессионалы», – мысленно усмехнулся я.

Пока Бухер изучал представленные мною фальшивки, по-видимому подсчитывая в уме комиссию, которая полагалась банку при таких крупных суммах, я взглянул на часы: 12.57, скоро обед.

К несчастью для Николаидисов, сосредоточивая все больше и больше денег в банке «Клеман Ришлу и К^о», они упустили из виду одну важную деталь: единственная дочь Бухера тоже

занималась банковским бизнесом. Девушке исполнилось двадцать три, она не имела особого опыта в общении с мужчинами, да и вообще в жизни, и работала в более респектабельном, чем ее отец, заведении – банке «Швейцарский кредит» в Гонконге.

Я вновь взглянул на часы: 12.59. Наклонившись вперед, я тихо сказал Бухеру:

– На самом деле я не отличу парагвайского военного от выгребной ямы.

Он смущенно взглянул на меня и рассмеялся, думая, что так принято шутить у американцев. Я заверил его, что говорю совершенно серьезно, и пришел к ним совершенно по другому поводу.

Назвал ему имя и фамилию человека, который меня интересует, предположительный номер его банковского счета и сказал, что мне нужна распечатка банковских операций Кристоса Николаидиса, а также других членов этой семьи и информация обо всех их дочерних компаниях за последние пять лет. В глубине души я надеялся, что все рассчитал правильно, иначе неприятностей не оберешься. Но пути назад уже не было.

Бухер поднялся с места, праведный гнев кипел в его груди. Он был крайне возмущен тем, что некоторые люди получают доступ в банк обманным путем. И заявил, что, мол, сразу догадался: документы фальшивые. Только американец может вообразить, что швейцарский банкир сообщит ему подобную информацию, если даже он ею и располагает. Бухер приблизился ко мне вплотную, и я понял, что сейчас удостоюсь исключительной привилегии, которой были лишены многие диктаторы и организаторы массовых убийств, – меня вышвырнут из швейцарского банка.

Ровно час дня. Бухер застыл на месте, метнув взор в сторону стола, где вибрировал его мобильник, чей номер, как он полагал, знают только члены семьи. Я молча наблюдал, как он проверяет, кто звонит. Решив разобраться с этим позже, банкир вновь обрушился на меня, облаченный в свой гнев, как в доспехи.

– В Гонконге сейчас восемь часов, – заметил я, не вставая со стула и готовый сломать Бухеру руку, если он осмелится тронуть меня.

– Что?! – раздраженно воскликнул он, не понимая, к чему я клоню.

– В Гонконге, – медленно произнес я, – уже поздно.

В глазах банкира появился страх: этот тип наконец-то понял, что я сказал. Бухер смотрел на меня, и в голове у него крутился вопрос, на который не было ответа: откуда, черт возьми, этому янки известно, что звонят из Гонконга? Повернувшись, он схватил телефон.

Я не сводил с него глаз. Бухер убедился: я прав, звонок действительно был из Гонконга. Дочь банкира, стараясь унять панику в голосе, сообщила, что у нее серьезные неприятности. Хотя в Женеве было обеденное время, но для Маркуса Бухера в этот миг дневной свет померк.

А случилось у девушки вот что. Двумя часами ранее в роскошной квартире высотного дома, где жила дочь банкира, внезапно разом вышли из строя стационарный и мобильный телефоны, кабельное телевидение, исчез доступ в Интернет. Целая дюжина ремонтных бригад компании «Гонконг телеком» рыскала по дому, пытаясь найти неисправность. Одна такая команда техников из трех человек – все в предписанных должностной инструкцией белых комбинезонах и с удостоверяющими личность бейджиками на шее – появилась в апартаментах Клэр Бухер.

К тому времени, когда девушка решила позвонить отцу, она поняла, что люди, находившиеся в ее квартире, судя по всему, были не теми, за кого себя выдавали. Во-первых, двое ремонтников общались между собой не на китайском, а на английском. Вторым подозрительным обстоятельством было оборудование, которое они прихватили для наладки коммуникаций: хотя Клэр не слишком разбиралась в таких вещах, она точно знала, что для устранения неисправности на линии связи не требуется натовский пистолет беретта калибра девять миллиметров с глушителем.

Я наблюдал за ее отцом, лицо которого приобретало нездоровый серый оттенок, по мере того как дочурка объясняла ему ситуацию. Наконец Бухер поднял на меня глаза, в его взгляде были отчаяние и ненависть.

– Кто вы? – спросил он почти шепотом.

– Судя по тому, что мне удалось подслушать, я единственный человек в мире, который может вам помочь. По счастливой случайности глава гонконгского «Телекома» – мой должник: достаточно сказать, что я помог ему заключить успешный телефонный контракт в Парагвае.

Мне показалось, что Бухер сейчас набросится на меня, и я уже приготовился в случае необходимости дать ему достойный отпор. Тем не менее я продолжал говорить:

– Уверен, что при определенных обстоятельствах я мог бы позвонить ему и попросить, чтобы техники поискали неисправность где-нибудь в другом месте.

Банкиру удалось взять себя в руки. Он смотрел на меня, еще не зная, что заблудился в дремучем лесу, а потом вышел на перепутье, которое во многом определит всю его последующую жизнь.

Я видел, как на лице Бухера отражается яростная борьба, происходящая в его душе: он не мог оставить в беде дочь, но и нарушить то, что считал своими принципами, тоже был не в состоянии. Бедняга словно бы впал в прострацию: мне надо было помочь ему принять верное решение. Как я уже упоминал, день для него выдался нелегким.

– Вынужден вам сообщить: если откажетесь сотрудничать со мной, техникам придется ликвидировать вашу дочь. А уж что они с ней сделают до того... Сами понимаете, я никак не смогу на это повлиять. Подобное не в моей власти.

Мне не нравится слово «изнасиловать», тем более не хотелось употреблять его в разговоре с отцом девушки. Банкир ничего не ответил, только отвернулся, и его вырвало на пол. Бухер вытер рот рукавом и выпрямился. Ноги его тряслись.

– Ладно, вы получите необходимую информацию, – сказал он, качнувшись вперед.

Ошибаются те, кто полагает, будто любовь делает людей слабыми. На самом деле любовь – это источник силы. В большинстве случаев она превосходит все другие эмоции и убеждения: что такое по сравнению с ней патриотизм и честолюбие, религия или воспитание. А из всех разновидностей любви самая сильная та, что испытывает родитель к своему ребенку. Вот какой урок я получил в тот день, за что всегда буду благодарен судьбе. Понимание этого выручило меня несколькими годами позже, на руинах так называемого «Театра смерти».

Я схватил Бухера за руку, когда он направлялся к выходу, до крайности перепуганный и готовый выдать мне любую информацию ради того, чтобы спасти свою дочь.

– Пойдите!

Банкир повернулся ко мне. Казалось, бедняга вот-вот расплачется.

– Неужели вы думаете, что я позвоню в полицию, когда эти ваши «техники» все еще в квартире Клэр? – в полном отчаянии спросил он.

– Нет, конечно. Не дурак же вы, в самом деле.

– Тогда, ради всего святого, позвольте мне найти эти записи!

– А что, если вы подсунете мне липовые сведения, сделаете распечатку данных другого клиента? Нет уж, я лучше пойду с вами, и мы вместе заглянем в ваш компьютер.

Бухер покачал головой, охваченный паникой:

– Это невозможно. Никому из посторонних не разрешено заходить в операционный отдел. Сотрудники сразу все поймут.

Можно подумать, что я этого не предусмотрел.

– Как вы думаете, – возразил я Бухеру, – почему я выбрал именно это время: час дня в пятницу, в самом конце недели? Сейчас все ушли на обед.

Взяв портфель, я вышел вслед за банкиром из конференц-зала и проследил, как он при помощи электронного пропуска открыл дверь во внутренние помещения.

Мы присели у терминала. С помощью дактилоскопического сканера Бухер вошел в систему и набрал номер банковского счета. И вот уже передо мной распечатка вожделенных записей: подробная информация о предположительно секретных банковских операциях Кристоса Николаидиса со ссылками на другие семейные счета.

Я долго смотрел на эти выдержки из гроссбухов коррупции и смерти. Они, безусловно, свидетельствовали о том, что Николаидисы, обладавшие почти миллиардным состоянием, были кассирами русских. Более того, как я и надеялся, документы до конца раскрывали весь механизм этих махинаций. Регулярные денежные переводы на другие счета в том же банке позволили выявить фамилии еще шести человек, которых я никак не мог заподозрить в предательстве.

Двое из них были агентами ФБР, контрразведчиками, а еще четверо – профессиональными дипломатами, работающими в посольствах США в различных странах Европы. В число этих дипломатов, между прочим, входила женщина, с которой я однажды переспал. Что будет с ними дальше? За то, что эти люди совершили, расплачиваться всегда приходится по одному тарифу. В глубине души я надеялся, что предатели найдут себе хороших адвокатов, которые выторгуют для них пожизненное заключение, если обвиняемые признают свою вину и будут сотрудничать со следствием. Почему-то обыватели считают нас железными, лишенными сердца и нервов типами, но на самом деле это не так. Поверьте, это ужасно – держать человеческие жизни на своей ладони.

Вот почему я не испытал предвкушаемого удовлетворения, когда положил добытые материалы в портфель и повернулся к Бухеру. Я пообещал банкиру, что в течение двух часов дозвонюсь до главы гонконгского «Телекома», который прикажет «техникам» удалиться. При сложившихся обстоятельствах я не считал нужным пожимать ему на прощание руку, просто встал и вышел без лишних слов. Банкир остался один: весь костюм пропитался рвотой, прижатая к груди рука дрожала. Бедняга не мог понять: учащенное сердцебиение – всего лишь симптом нервного расстройства или нечто куда худшее.

Не знаю, оправился ли Бухер когда-нибудь от этого потрясения. Возможно, я бы даже испытывал к нему сочувствие, если бы не одно необычное событие, случившееся в моем детстве.

Вместе со своим приемным отцом, Биллом Мердоком, я совершил путешествие в маленькую французскую деревушку Ротау на границе с Германией. С тех пор прошло больше двадцати лет, я пережил множество приключений, но какая-то доля моего существа до сих пор так и осталась там, или вернее будет сказать, что частичка этого места никогда не покидала моей души.

Глава 11

Если судьба когда-нибудь забросит вас в тот уголок мира, где встречаются Франция и Германия, и если у вас достаточно крепкие нервы, обязательно сверните в сторону от деревни Ротау и поезжайте через сосновые леса к предгорьям горного массива Вогезы.

Вы вскоре окажетесь в уединенном местечке под названием Натцвайлер-Штрутхоф. Когда-то здесь был нацистский концлагерь, теперь почти забытый, в отличие от таких включенных во все путеводители ужасных мест, как Аушвиц и Дахау. Выехав из соснового леса на перекресток, вы увидите обычный дорожный знак: одна стрелка указывает на местный бар, другая направляет вас в газовую камеру. И это вовсе не шутка.

Десятки тысяч узников прошли через ворота этого лагеря, но почему-то мало кто о нем слышал. И невольно возникает вопрос: если даже такая бездна человеческих страданий не смогла вызвать потрясение, достаточно сильное, чтобы быть зарегистрированным на шкале Рихтера двадцатого века, то чего же тогда вообще стоит прогресс?

Я попал туда, когда мне было двенадцать. В летние каникулы Билл и Грейс, как обычно, сняли в августе номер в парижском отеле «Георг Пятый». Они оба интересовались искусством. Моя приемная мать любила старую классическую живопись и хотела, чтобы каждый, кто приходил к ней в дом, сразу видел: хозяйка не только богата, но еще и обладает изысканным вкусом. Билл, благодарение богу, в этом отношении отличался от жены: для него не было большего счастья, чем найти новую галерею или побродить по мастерской какого-нибудь молодого начинающего художника.

Грейс не проявляла к этому никакого интереса и давным-давно запретила мужу вешать на стены свои новейшие приобретения. Приемный отец, бывало, говорил, подмигивая мне:

– Она права. Чем бы это ни было, искусством такое назвать трудно. Я называю это благотворительностью: кто-то жертвует деньги в специальные фонды, я же предпочитаю лично поддерживать голодающих художников.

Билл, конечно, шутил: на самом деле он прекрасно знал, что делает. Много лет спустя я убедился, что мой приемный отец был настоящим экспертом в современной живописи. Вообще-то, это довольно странно, учитывая полное отсутствие у него соответствующего образования: интересы предков Билла лежали исключительно в сфере химической промышленности. Его мать происходила из семьи крупных фабрикантов, ее девичья фамилия была Дюпон.

Мы жили в Париже уже вторую неделю, когда моему приемному отцу позвонил из Страсбурга какой-то тип и сказал, что у него есть рисунки Роберта Раушенберга еще тех времен, когда этот великий представитель поп-арта был никому не известным моряком. На следующий день мы с Биллом взяли сумки и сели в самолет, оставив Грейс делать покупки в «Гермесе» – модная одежда была второй ее страстью после классической живописи.

После того как Билл купил рисунки, встал вопрос, чем нам заняться в Страсбурге в воскресенье.

– Думаю, стоит съездить в Вогезские горы, – сказал мне приемный отец. – Есть там одно место, которое тебе непременно следует увидеть. Грейс наверняка сказала бы, что ты для этого еще слишком мал, но я так не считаю. Видишь ли, иногда жизнь кажется нам очень тяжелой, поэтому важно научиться правильно расставлять приоритеты.

Сам Билл узнал про Натцвайлер-Штрутхоф от своего отца: во время Второй мировой войны тот служил подполковником в Шестой армии США. Отец Билла прибыл в лагерь сразу после того, как его покинули эсэсовцы. Ему было поручено составить отчет, этот документ был впоследствии оглашен на Нюрнбергском процессе, где судили военных преступников.

Не могу сказать точно, читал ли Билл отчет, написанный его отцом, но нужную нам извилистую дорогу он нашел без труда. Стояла замечательная летняя погода. Около полудня мы подъехали к автостоянке и медленно вошли в Дом смерти.

Французы устроили здесь мемориал: в этом лагере погибли многие участники Сопротивления. Билл показал мне старое здание гостиницы, некогда превращенное немцами в газовую камеру, и крематорий с печами и лифтами для транспортировки трупов. Я не выпускал руки Билла, что случалось крайне редко.

Мы прошли мимо виселицы, на которой совершались публичные казни, миновали здание, где нацисты проводили над людьми медицинские опыты, и вошли в барак номер один для узников лагеря. Здесь был размещен музей, внутри которого мы с Биллом на время разошлись.

Повсюду висели экспонаты: старая одежда заключенных, схемы устройства концлагеря Натцвайлер-Штрутхоф. В дальнем углу помещения, рядом с койками, где, казалось, витали призраки узников, я нашел на стене фотографию. Там было много снимков, посвященных холокосту, но этот запомнился мне на всю жизнь. На старом черно-белом фото была запечатлена приземистая женщина в типичной для того времени крестьянской одежде. Она шла по широкому проходу между двумя рядами колючей проволоки под током. Судя по освещению, дело было вечером.

Так получилось, что в кадр не попали ни охранники, ни их собаки, ни смотровые вышки, хотя, конечно, все это там присутствовало, – лишь женщина с ребенком на руках, а еще двое детей цепляются за ее юбку. Мужественная, непоколебимая, поддерживающая их маленькие жизни, как это может делать только мать, она ведет ребятишек в газовую камеру. Мне показалось, что я слышу эту страшную тишину, физически ощущаю ужас, разлитый в воздухе.

Я не мог оторвать глаз от фотографии, одновременно вдохновленный и опустошенный этим застывшим образом семьи и бесконечной материнской любви. Тихий голос внутри, детский голосок, повторял слова, которые мне никогда не забыть: «Как жаль, что я не знаком с ней». Потом на мое плечо опустилась чья-то рука. Это был Билл. Мой приемный отец плакал, я видел слезы в его глазах.

Ошеломленный, Билл указал на горы обуви, расчесок, очков, оставшихся от узников лагеря, и заметил:

– Никогда не думал, что обычные вещи способны вызвать столь сильные чувства.

А потом мы с ним шли вдоль рядов колючей проволоки назад, к лагерным воротам. Когда мы поднимались вверх по извилистой дороге, Билл спросил:

– Ты видел экспозицию, посвященную цыганам?

Я отрицательно покачал головой.

– В процентном соотношении их погибло даже больше, чем евреев.

– Я этого не знал, – сказал я, стараясь держаться как взрослый.

– Да и я тоже. Для обозначения геноцида цыган нет специального термина. На своем языке они называют это пораймос – цыганский аналог холокоста.

Оставшуюся до машины часть пути мы прошли молча и в ту же ночь вернулись самолетом в Париж. По какому-то молчаливому согласию мы с Биллом никогда не рассказывали Грейс об этой поездке. Наверное, оба сознавали, что она нас просто не поймет.

Через несколько месяцев, незадолго до Рождества, поднимаясь по лестнице в нашем тихом домике в Гринвиче, я услышал рассерженные голоса приемных родителей.

– Пять миллионов долларов? – недоверчиво спрашивала мужа Грейс. – Ты, конечно, вправе делать что хочешь. Это твои деньги.

– Вот уж точно, – подтвердил Билл. – Деньги и впрямь мои.

– Бухгалтер сказал, что эта сумма будет переведена в детский приют в Венгрии. Этого я понять не могу. Почему вдруг Венгрия? Что ты вообще знаешь об этой стране?

– Очень мало. Но знаю, что там полно цыган, а этот приют предназначен для цыганских детей-сирот, – сказал Билл, стараясь говорить спокойно.

Грейс взглянула на мужа так, словно он сошел с ума:

– Для цыганских детей? А при чем здесь цыгане?!

Обернувшись, Грейс увидела, что я смотрю на них. Глаза Билла встретились с моими, и мы прекрасно поняли друг друга. Пораймос, цыганский аналог холокоста.

После Рождества я поступил в Колфилдскую академию, просто ужасную, насквозь фальшивую среднюю школу, администрация которой гордилась тем, что «предоставляет каждому учащемуся все возможности для успешной реализации своих способностей». Плата за обучение в этом элитном учебном заведении была запредельной: тому, кто имел меньше шести поколений богатых предков, даже соваться туда не стоило.

На второй неделе моего пребывания в школе у нас начались занятия по ораторскому искусству – только в Колфилде могли такое выдумать. Один из учеников извлек из шляпы бумажку, развернул ее и огласил тему: материнство. Затем не менее получаса я слушал, как мои одноклассники расписывают, что сделали для них мамочки (как оказалось, очень немного) и какие смешные случаи происходили на их роскошных виллах где-нибудь на юге Франции.

Наконец вызвали меня. Я встал и, сильно нервничая, начал говорить о прошлом лете, соснах и длинной дороге в горах. Мне хотелось рассказать про ту старую фотографию и объяснить, как я ощутил, что мать любила своих детей больше всего на свете. Когда-то в одной книге, название и автора которой я сейчас уже не вспомню, мне встретилось выражение «потoki скорби». Именно такие потоки захлестнули меня, когда я рассматривал тот снимок. Но когда я попытался связать все это воедино, у меня ничего не вышло, и ребята стали смеяться и спрашивать, уж не накурился ли я какой-нибудь дряни. Даже учительница, совсем молоденькая девушка, которая воображала себя очень чувствительной и сострадательной особой, но на самом деле отнюдь не была таковой, велела мне сесть на место и прекратить нести чушь. Сказала, что я вряд ли добьюсь в их элитной школе особых успехов, что заставило одноклассников смеяться еще громче.

На протяжении пяти последующих лет, проведенных в Колфилде, я больше ни разу не держал речь в классе, какими бы неприятностями ни грозило мне подобное молчание. Из-за этого окружающие считали меня угрюмым и нелюдимым, и, пожалуй, они были правы. Вряд ли хоть кто-то из числа моих бывших однокашников стал впоследствии тайным агентом и лишил жизни столько народу, как я!

И вот что странно: казалось бы, за последние двадцать лет случилось столько всяких событий, однако воспоминания о той давней поездке не утратили своей яркости. Наоборот, они стали еще более четкими, и всякий раз перед сном старая черно-белая фотография встает перед моим мысленным взором. И мне так и не удалось выбросить все это из головы, как я ни пытался.

Глава 12

Я вновь вспомнил про этот снимок, когда выходил из дверей банка «Клеман Ришлу и К^о» на женеvское солнышко. Конечно, мне следовало бы испытывать больше сочувствия к Маркусу Бухеру и его дочери, но я никак не мог забыть, что именно швейцарские банкиры вроде него способствовали в свое время возвышению Третьего рейха, финансируя нацистов.

Нимало не сомневаюсь, что запечатленные на фотографии мать с детишками, как и миллионы других несчастных, которых привозили в лагеря смерти в вагонах для скота, с радостью поменялись бы судьбой с Бухером и его дочерью: что такое по сравнению с их страданиями несколько часов дискомфорта, которые испытали эти двое. Как сказал Билл много лет назад, «важно научиться правильно расставлять приоритеты».

Размышляя о темном происхождении многих хранящихся в банках Женевы состояний, я прошел до рю де Рон, повернул направо, остановился у входа в Старый город и сделал шифрованный звонок по мобильнику на один из греческих островов.

Распечатка банковских операций, которую я хранил в портфеле, пристегнув его наручниками к запястью, была смертным приговором Кростосу Николаидису. В том мире, где я вращался, не существовало системы апелляций и нечего было рассчитывать на то, что казнь отменят в последнюю минуту. Как выяснилось в дальнейшем, само по себе убийство Николаидиса не было ошибкой, однако, совершая акт возмездия, мы допустили явный промах.

Целая команда, в которую входило пятеро наемных убийц – трое мужчин и две женщины, – ждала моего звонка на Санторини. Это самый красивый из всех греческих островов: лазурная гавань, ослепительной белизны дома на краю скал и симпатичные ослики, доставляющие гостей наверх, в ювелирные лавки.

Агенты-киллеры, облаченные в легкие хлопчатобумажные футболки и брюки капри, ничем не отличались от тысяч туристов, которые каждый день приезжают на остров. Свое смертоносное оружие они хранили в футлярах для видеокамер.

За несколько месяцев до того, как таинственное семейство Николаидис попало в поле зрения «Дивизии», нас заинтересовал бывший ледокол «Арктик». Этот зарегистрированный в Либерии корабль длиной триста футов, способный выдержать любую атаку стихий, был перестроен (что обошлось не просто в кругленькую, а, прямо скажем, в гигантскую сумму) в роскошное круизное судно, на борту которого имелись посадочная площадка для вертолетов и гараж для «феррари». Нам показалось странным, что этот корабль, якобы предназначенный для сдачи внаем за большие деньги, постоянно арендовал один-единственный человек – Кростос Николаидис, который обосновался на бывшем ледоколе вместе со своей свитой из гламурных красоток, деловых партнеров, всевозможных прихлебателей и телохранителей.

Все лето мы следили за передвижениями корабля через спутник и, преследуя изменников и наркодилеров в Грозном и Бухаресте, не упускали из виду бесконечную вечеринку, плавно перетекающую из Сен-Тропе на Капри и далее, пока «Арктик» не бросил якорь в гавани Санторини, греческого острова вулканического происхождения.

Здесь судно наконец-то надолго остановилось. Николаидис со своими гостями каждый день перемещались с огромной, залитой солнцем палубы в рестораны и ночные клубы городка и обратно.

Вот как получилось, что киллеры заблаговременно отправились в Грецию и теперь только ждали моего сигнала. В тот день, выйдя в Женеве из банка «Клеман Ришлу и К^о», я достал мобильник и набрал номер. Когда трубку наконец взяли, я сказал человеку, сидевшему в тот момент в кафе на вершине утеса, всего три слова:

– Это ты, Рено?

– Вы ошиблись, – ответил он и отключился.

Жан Рено – так звали актера, который играл наемного убийцу в знаменитом фильме «Леон». Сидящий в кафе командир нашей группы знал: эти слова означали смертный приговор.

Он кивнул своему коллеге, который немедленно вызвал остальных трех агентов, затерявшихся среди туристов в других кафе. Все пятеро встретились у входа в ресторан «Растони». На вид ни дать ни взять богатые западноевропейские отпускники, собравшиеся пообедать. Две женщины из команды киллеров должны были стрелять первыми. И вот в этом-то и заключалась роковая ошибка. Но не будем забегать вперед.

Время близилось к двум часам дня, и в ресторане было полно народу. Мужчины (как вы помните, их было трое) поинтересовались у хозяина, есть ли свободный столик, а женщины прошли в бар, якобы поправить макияж, а на самом деле чтобы хорошенько разглядеть в зеркале обстановку и оценить позицию каждого человека, находившегося на тот момент в сводчатом зале.

Кристос и его свита – три албанца-телохранителя и стайка девиц, от чрезмерного общения с которыми его наверняка предостерегала в свое время мать, – сидели за столиком, устремив взоры в сторону гавани.

– Все готово, – обратилась одна из наших женщин к своим коллегам-мужчинам на сносном итальянском. Это прозвучало не как вопрос, а как констатация факта.

Те кивнули.

Женщины убрали помаду, раскрыли свои большие пляжные сумки, извлекли оттуда футляры видеокамер, а из них – стальные пистолеты «SIG P232» и оттянули затворы.

Телохранители Кристоса, облаченные в дорогие фирменные джинсы и футболки, обтягивающие их мускулистые фигуры, и вооруженные автоматическими пистолетами чешского производства, не имели ни единого шанса против истинных профессионалов.

Двое албанцев даже не заметили опасности, лишь услышали хруст костей, когда пули уже вонзались им в грудь и голову. Третий вскочил с места, став прекрасной мишенью для командира нашей группы. Обучен телохранитель был, как видно, неважно: агент успел выпустить в него три пули. Это оказалось явно лишним – уже от первой сердце албанца разорвалось.

Ясное дело, в ресторане поднялся шум, перепуганные посетители начали кричать. Кристос выскочил из-за столика, на ходу отдавая какие-то команды, и полез под просторную полотняную сорочку за береттой, заткнутой за пояс брюк.

Как и большинство крутых парней, не прошедших серьезной подготовки, Кристос полагал, что быстрее начнет стрельбу, если защелка предохранителя будет спущена заранее. Когда же перестрелка действительно случилась, он потерял голову: вытаскивая пистолет, Николаидис случайно задел курок и прострелил себе ногу. Пытаясь превозмочь боль и унижение, он повернулся лицом к нападавшим и увидел двух женщин средних лет, стоявших широко расставив ноги, словно они собирались пуститься в пляс, – только оркестра не хватало.

Женщины, однако, открыли огонь с расстояния семи ярдов, причем каждая сделала по два выстрела. Кристос рухнул на пол как подкошенный.

Пятеро агентов тут же принялись палить по зеркалам, создавая страшный шум и жуткую панику. Охваченные ужасом посетители ресторана ринулись к дверям, какой-то японский турист попытался заснять происходящее на мобильник. Одна из пуль попала рикошетом в ягодицу девушки из компании Кристоса. Наша женщина-агент позже сказала мне, что, судя по тому, как была одета красотка, она, наверное, привыкла к тому, что ей всякий раз хорошо платят, когда больно бьют по заднице.

Эта поверхностная рана была единственным случайным повреждением – немалое достижение, если учесть обилие людей в ресторане и непредсказуемый характер любого заказного убийства.

Воспользовавшись поднявшейся паникой, агенты спрятали оружие и выскочили через переднюю дверь, громко крича, чтобы вызвали полицию. Собравшись в условленном месте, на маленькой, вымощенной булыжником площади, они оседлали четыре мотороллера «веспа». Их продавали только жителям острова, поэтому, чтобы получить эти машины, пришлось утром заплатить втридорога работникам местной ремонтной мастерской. Команда киллеров пронеслась по узким улочкам города, и командир группы вызвал по мобильнику из соседней бухты два быстроходных катера.

Через три минуты убийцы очутились у вагона фуникулера, и это позволило нашим агентам спуститься к морю гораздо быстрее, чем если бы они ехали на осликах: тысячу двести футов удалось преодолеть меньше чем за две минуты. Катера уже подходили к причалу. К тому времени как первые копы прибыли в ресторан «Растони», киллеры вовсю мчались по пенящейся голубой воде в ореоле белых брызг и были уже на полпути к соседнему острову.

Греческие полицейские, к своему крайнему изумлению, быстро обнаружили, что Кристос, старший и любимый сын Патроса Николаидиса, был застрелен двумя дамами в брюках капри и солнцезащитных очках от Шанель. Теперь понимаете, в чем заключалась моя ошибка? Не в том, что я приказал убить Кристоса. Нет, я дал маху, поручив сделать это женщинам. Я просто послал на задание лучших своих агентов, упустив из виду, где именно им придется работать. Как говорится, век живи – век учись: планируя операцию, надо учитывать все, даже самые мельчайшие детали.

Николаидисы жили в сельской местности на севере Греции, где все решения принимаются исключительно мужчинами. Представляете, какое это для них оскорбление – быть убитым киллером-женщиной, просто невероятное унижение, хуже самой смерти. Для старика-отца это означало, что Кристоса сочли каким-то никчемным кастратом, недостойным даже того, чтобы убивать его послали настоящего мачо.

Скорее всего, Патрос, этот безжалостный тиран и глава преступного клана, в любом случае удовлетворил бы свою жажду мести, но после того, как он узнал все обстоятельства дела, любой компромисс стал в принципе невозможен. У старика просто не осталось выбора: было задето его мужское достоинство, его честь, – и не думайте, пожалуйста, что такие понятия были ему чужды.

Женщина-агент ошиблась, давая оценку пострадавшей в перестрелке девушке. Несмотря на вызывающую одежду, та вовсе не была шлюхой. Она оказалась младшей сестрой Кристоса. Позже я узнал, что в «Растони» красotka заявила в один из редких дней, когда была трезвой. Когда посетители ресторана ринулись к выходу, она по битому стеклу подбежала к брату, отчаянно моля его не умирать.

Поняв, что словами здесь не поможешь, сестра Кристоса схватила мобильник и позвонила отцу, единственному настоящему мужчине, которого она знала (хотя имела многих за несколько лет беспорядочного секса). В результате Патрос и его албанская гвардия раньше меня узнали, чем закончилась учиненная нашими людьми расправа.

Через десять минут, когда я все еще находился близ Старого города, мне пришла из интернет-магазина «Amazon» эсэмэска, в которой сообщалось, сколько стоит DVD-диск с фильмом «Леон». Это означало, что Кристос мертв, а все пятеро наших агентов в целости и сохранности погрузились на катера, погони не было. Отложив телефон в сторону, я взглянул на часы. С того момента, как я своим звонком запустил механизм этой операции, прошло всего восемнадцать минут.

Между делом я по телефону распорядился выслать небольшие группы спецагентов для ареста остальных шести человек, сотрудничавших с врагом. Операция, начавшаяся несколько лет назад в Москве на Красной площади, близилась к завершению. И нет бы мне, улучив момент, порадоваться втихомолку, позволить себе ощутить хоть толику триумфа, но, увы, я склонен к самокопанию и вечно недоволен собой.

Пока я рылся в портфеле, передо мной откуда-то из тени возникла фигура ничем не примечательного мужчины средних лет, который быстро исчез в безликой толпе иностранных туристов. Это был выплывший из глубин моего подсознания Эдмунд Берк, давно умерший английский писатель и оратор. Помнится, он еще в восемнадцатом веке говорил, что главная проблема любой войны заключается в том, что она уничтожает все то, ради чего ведется: справедливость, порядочность, гуманность. Вот и сейчас меня мучила мысль, как часто приходится нарушать самые сокровенные принципы нашей страны во имя ее защиты.

Погрузившись в раздумья, я направился к маленькому мосту через реку. От границ Старого города до гостиницы, где я остановился, было восемь сотен шагов. Дорога заняла около четырех минут. Что такое четыре минуты с точки зрения истории? Ничтожнейший промежуток времени! Но как выяснилось впоследствии, именно в эти мгновения наши жизни находились в руках кучки безумцев.

Глава 13

Когда я вошел в отель, вестибюль был пуст: ни швейцаров, ни администратора у стойки. Обескураженный тишиной, я подал голос, но никто не откликнулся, и тогда я направился через вестибюль к бару.

Весь персонал, включая начальство, собрался здесь. Они смотрели по телевизору последние новости. В Женеве было около трех часов пополудни, а в Нью-Йорке – девять утра. На календаре – одиннадцатое сентября две тысячи первого года.

Первый самолет только что врезался в Северную башню Всемирного торгового центра, отснятый материал повторяли снова и снова. Диктор сообщил с экрана телевизора, что, судя по всему, это дело рук антиамериканских террористов. Предположение вызвало одобрительные возгласы нескольких идиотов, сидящих в баре. Будучи швейцарцами, эти люди говорили по-французски, но я провел в Париже достаточно времени, чтобы понять: они восхищены мужеством и изобретательностью тех, кто осуществил этот теракт.

А я думал о своих соотечественниках, которые сидят у себя дома в Нью-Йорке и смотрят репортаж, зная, что их близкие остались в этом горящем здании; представлял, как они в отчаянии молятся, чтобы те сумели каким-то чудом выбраться оттуда. Возможно, есть вещи и похуже, чем следить в прямом телевизионном эфире, как умирают члены твоей семьи, но лично я в тот момент просто не мог представить себе ничего более ужасного.

У меня в кармане лежал пистолет, изготовленный исключительно из керамики и пластика, чтобы обмануть металлодетекторы, как это случилось, например, во время недавнего визита в офис Бухера. Я был так зол, что всерьез подумывал, не пустить ли оружие в ход.

Пока я пытался обуздать свои эмоции, самолет рейса 175 авиакомпании «Юнайтед эрлайнс», вылетевший из Бостона, врезался в Южную башню. Это повергло в шок уже абсолютно всех зрителей, включая и тех идиотов. Присутствующие дружно ахнули, а потом бар погрузился в тишину. А может быть, было и по-другому, но я удивительно ясно помню это ужасное ощущение: все сдвинулось с привычной оси и мир рушится.

Находясь в одиночестве вдали от дома, я боялся, что теперь уже ничего не будет как прежде: впервые в истории какой-то неопознанный враг отобрал жизни американцев в континентальной части Соединенных Штатов. Более того, террористы уничтожили башни-близнецы: символ, олицетворявший саму нацию – амбициозную, современную, рвущуюся ввысь.

Никто не знал тогда, насколько велик нанесенный ущерб. Происходившее в баре словно бы распалось на какие-то бессвязные фрагменты: люди не отвечали на телефонные звонки, от недокуренной кем-то сигары осталась кучка пепла. Картины на экране телевизора все время менялись: показывали то недавно произошедшую трагедию, то ее ужасные последствия.

Люди молчали. Небось так же, как и я, гадали: а что же дальше? Куда врежется следующий самолет – в Белый дом, в атомную электростанцию на Три-Майл-Айленд?

Так и не вытащив пистолета из кармана, я протолкался сквозь собравшуюся толпу и поднялся в пустом лифте к себе в номер. Я позвонил в Вашингтон (сначала по обычной линии связи, а потом через спутник), но пробиться не сумел: коммуникации на восточном побережье США вышли из строя, не выдержав невероятной нагрузки.

В конце концов я дозвонился до ретрансляционной станции Агентства национальной безопасности в Перу, назвал им код Синего Всадника и соединился с «Дивизией» по экстренной спутниковой связи. Когда я разговаривал с директором нашего управления, звук был такой глухой, словно мы беседовали внутри туалетного бачка. Я попросил прислать самолет, чтобы вернуться в США, и поинтересовался, чем могу помочь.

Директор сказал, что, к сожалению, я не в силах что-либо сделать. Кроме того, он только что узнал в Совете национальной безопасности: все внутренние и международные рейсы вот-

вот приостановят. Мне следует сидеть и не рыпаться: никто сейчас не знает, откуда исходит опасность. Меня испугала даже не столько информация, которую я узнал от шефа, сколько нотка паники, прозвучавшая в его голосе. На этом директор закончил разговор, сообщив, что должен идти: людей из нашего здания эвакуируют, как и из Белого дома.

Я положил телефонную трубку и включил телевизор. С экрана лились настоящие потоки скорби, там вновь и вновь демонстрировали две рухнувшие друг за другом башни, тучи пыли и совершенно апокалиптические сцены, которые разыгрывались в Южном Манхэттене: взявшись за руки, люди выпрыгивали из окон бог весть с какой высоты. Весь мир сейчас следил за тем, что творится в Нью-Йорке. И никто не понимал, что происходит.

Я наблюдал, как копы и пожарные вбегают в бетонное здание, которое станет их братской могилой. Много позже я узнал, что нашелся-таки один-единственный человек, который увидел во всем этом жутком хаосе и неразберихе возможность начать новую жизнь. Это была женщина, одна из самых хладнокровных и хитроумных преступниц, которых я встречал. Будучи агентом спецслужб, я много чего повидал на своем веку. Но эту женщину не забуду никогда. Если отбросить соображения морально-этического характера, то следует признать: без сомнения, только гений мог в настоящем аду, который творился одиннадцатого сентября, спланировать идеальное убийство и позже осуществить его в грязной маленькой гостинице под названием «Истсайд инн».

Ну а что касается меня, то я провел тот страшный вечер, наблюдая по телевизору, как люди прыгают из окон. К двадцати двум часам по женевскому времени кризис пошел на спад. Президент вылетел обратно в Вашингтон, покинув свой бункер на авиабазе Оффут в Небраске, пожар в Пентагоне был локализован, возобновилось движение через мосты на Манхэттене.

Примерно в то же время мне позвонил референт Совета национальной безопасности и сообщил, что правительство получило от ЦРУ данные о гражданине Саудовской Аравии, некоем Усаме бен Ладене, и что на его базы в Афганистане готовятся атаки, замаскированные под действия группировки мятежников «Северный альянс». Спустя двадцать минут я увидел новые репортажи, на этот раз о взрывах в афганской столице Кабул, и понял: так называемая война с террором началась.

Поскольку сидеть в четырех стенах было неважно, я отправился на прогулку. «Война с террором» – это звучало столь же неконкретно и расплывчато, как и «война с наркотиками». А насколько успешна была последняя, мне, увы, хорошо известно по личному опыту.

Улицы Женевы были пустынные, в барах тихо, в трамваях – ни одного пассажира. Позднее я узнал, что то же самое творилось во всех городах, от Сиднея до Лондона, словно весь западный мир погрузился во мрак из сочувствия к Америке.

Проходя через так называемый Английский сад, я наткнулся на кучку марокканских наркоторговцев, которые жаловались друг другу на застой в делах. На какой-то миг мне даже подумалось: «А не всадить ли в них пару пуль – просто так, для разрядки?» Потом я двинулся дальше по аллее вдоль озера. Впереди виднелся Колоньи – живописный и фешенебельный пригород Женевы, где возвели себе особняки король Саудовской Аравии Фахд, имам мусульманской общины исмаилитов-низаритов Ага-хан и половина жуликов со всего мира. Я сел на скамейку рядом с озером и долго глядел через водную гладь на здание ООН напротив, залитое сверкающим светом и абсолютно бесполезное.

Ниже, почти на самом берегу озера, высилась серая громада отеля «Президент Вильсон», из которого открывался прекрасный вид на самый популярный пляж Женевского озера. Каждое лето саудовцы и другие богатые арабы снимают за бешеные деньги номера в передней части здания, откуда можно наблюдать за женщинами, загорающими на траве без бюстгалтера. Прибавьте сюда еще хорошо оснащенные мини-бары, и поймете, что они таким образом получают арабскую версию элитного стриптиз-клуба, за вход в который не надо платить.

В тот вечер, несмотря на поздний час, почти во всех номерах отеля горел свет. Думаю, многие постояльцы сообразили, в какое дерьмо они могут вляпаться, и теперь спешно укладывали свои бинокли в сумки, готовясь улететь домой первым же рейсом.

Какую бы месть ни готовил Запад Усаме бен Ладену и арабам в целом, одно было ясно уже сейчас: события последних двенадцати часов наглядно продемонстрировали, сколь сокрушительный провал потерпели американские спецслужбы. Главной миссией разведывательного сообщества США (на финансирование которого, заметим в скобках, тратились из бюджета просто астрономические суммы) было защитить свою страну. И вот вам результат: трагедия, по масштабам своим сопоставимая разве что с Пёрл-Харбором.

Гуляя той прохладной ночью по Женеве, я вовсе не собирался искать козла отпущения, прекрасно понимая, что на всех нас без исключения лежит частица вины. Каждый, кто носит синий значок, в ответе за случившееся. Равно как президент и конгрессмены, на которых мы работали, – ведь они утверждали наш бюджет и определяли приоритеты. В отличие от нас, эти люди не были засекречены и, по крайней мере, имели возможность высказаться. Хотя я подозревал, что американскому народу придется очень долго ждать от них извинений, ну разве что в следующем тысячелетии сподобятся.

В Альпах поднялся ветер, он нес с собой запах дождя. Я забрел далеко от отеля, и надо было отправляться в обратный путь, но я все мешкал.

Наверное, этот вопрос еще пока нигде не обсуждался, но я был уверен: очень скоро Южный Манхэттен окажется не единственным местом, лежащим в руинах. Вся разведывательная структура Америки затрещит по швам, и ее придется воссоздавать заново. Ничто в мире спецслужб не останется прежним, в том числе и «Дивизия»: теперь правительство будет озабочено не контролем над разведслужбами, а тайным надзором за исламским миром.

Такое чувство, что я проснулся сегодня утром и прожил первую половину дня где-то на другой планете: мир кардинальным образом изменился, но не у меня на глазах, а где-то за моей спиной.

Прекрасно сознавая, что навряд ли впишусь в новый мир спецслужб, которому еще только предстояло родиться, я, подобно Маркусу Бухеру, внезапно оказался на перепутье. Растерялся, не зная, что ждет меня впереди. Можно, конечно, отправиться на поиски счастья, но вот только в чем оно, это самое счастье? Чего я вообще хочу в этой жизни?

Так я сидел в одиночестве и думал, а вокруг бушевала гроза. Мысленным взором я окинул прожитые годы и не то чтобы нашел ответ, но, по крайней мере, определил направление движения. Из тьмы прошлого выплыла мне навстречу далекая деревушка Кхун-Юам – это в Таиланде, на самой границе с Бирмой. Оглянувшись назад, я понял, что память о ней долгие годы таилась во мне, ждала своего часа.

Места в тех краях, в районе так называемого Золотого треугольника, дикие, и повсюду царит беззаконие. И вот, едва-едва вступив на шпионскую стезю и пробыв всего месяц в Берлине, я внезапно оказался там, на краю мира, среди холмов. Кхун-Юам ничем не отличалась от других окрестных деревень, разве только тем, что в пяти километрах от нее в джунглях стояли мрачные постройки из шлакобетона, окруженные сторожевыми вышками и оградой с пропущенным сквозь нее электрическим током.

Официально это место считалось станцией GPS – системы глобального позиционирования, а на самом деле было тайной тюрьмой ЦРУ, частью реально существующего (несмотря на яростные уверения в обратном) американского гулага – здесь, вдали от цивилизации, держали в заключении тех, кого невозможно было легально подвергнуть пыткам у себя на родине.

Случилось так, что один из стражников этой тюрьмы умер при подозрительных обстоятельствах. Обычно такими делами занимался токийский офис, но они были настолько заняты очередным скандалом с китайскими шпионами, что мне неожиданно пришлось покинуть

Европу и вылететь на старом турбовинтовом самолете в Мэхонгсон – город, известный под названием Земля Трех Туманов.

Обычно до станции GPS можно было быстро добраться на мотоцикле, но только не тогда, в самый разгар сезона дождей. Пришлось арендовать полноприводную «тойоту» у человека, который, как я догадывался, был местным наркобароном. На этом автомобиле я и направился в Кхун-Юам.

Дорога шла среди живописных гор, и вот наконец я очутился у древнего канатного паром. То был единственный способ перебраться через ревущую реку, уровень воды в которой резко повысился из-за дождей. Берега этого притока могучего Меконга стали местом целого ряда тайных операций и многих бедствий, постигших американцев во время войны во Вьетнаме.

Я вышел из машины, бледный, худой, под глазами темные круги – шутка ли, провести в пути тридцать два часа, – поддерживаемый лишь собственными амбициями и сознанием важности своей миссии. Пока я вместе с торговцами и деревенскими жителями ждал на берегу, наблюдая, как ржавый трос в ореоле брызг тащит к нам плоскодонный паром, буддийский монах в одеянии шафранового цвета обратился ко мне, поинтересовавшись на хорошем английском, не хочу ли я выпить чашечку масала – местного напитка из черного чая, заваренного с добавлением молока и специй. Поскольку в продаже здесь не было ничего, кроме отвратительного тайского пива, я с радостью согласился.

Мы разговорились, и оказалось, что монах, как и я, направлялся вглубь страны. (Официально я числился экспертом Всемирной организации здравоохранения, изучающим эндемические заболевания.) Монах попросил его подвезти, и я не смог отказать. Мы пересекли реку в «тойоте», баржа погружалась, едва держась на поверхности воды, которая перехлестывала через планшир. Ржавый трос толщиной в два дюйма – единственное, что спасало нас от того, чтобы очутиться в одном из самых высоких водопадов страны, находившемся всего в полумиле ниже по течению. Ни одна поездка еще не стоила мне таких нервов.

Когда мы выбрались из узкого прохода – джунгли образовывали нечто вроде полога над нашими головами, – монах пристально посмотрел на меня и спросил, кем я работаю. Поскольку медицинское образование у меня имелось, я прочитал своему спутнику целую лекцию о лихорадке денге. Но вскоре стало ясно, что он не поверил ни единому моему слову. Возможно, этот человек слышал о постройках из шлакобетона в Кхун-Юаме.

Поскольку сам он жил в ашраме недалеко от Нью-Йорка, то знал об Америке достаточно много и со знанием дела рассуждал о так называемых легких наркотиках и слишком напряженном темпе современной жизни. У меня возникло ощущение, что разговор со мной монах завел не случайно.

– У вас какой-то загнанный вид, – сказал он напоследок, скорее сожалея, чем констатируя факт, как это принято у буддистов.

Загнанный? Я от души рассмеялся, услышав применительно к себе подобный эпитет, и заявил, что, вообще-то, я из породы прирожденных охотников, а не трусливых зайцев.

– Типичное заблуждение жителя Запада, – тихо произнес монах. – На самом деле, лишившись Божьей милости, каждый человек бежит от чего-то.

Наши глаза встретились. Улыбнувшись, я спросил, уж не собирается ли он агитировать меня уйти в монастырь. Мой спутник в ответ рассмеялся и поинтересовался, не доводилось ли мне слышать, каким образом местные жители ловят обезьян.

Я отрицательно покачал головой:

– Я много чего знаю и умею, но это как-то прошло мимо меня. Видите ли, мы обычно не едим обезьян в Гарварде, разве что на День благодарения или на Рождество.

– Ну так я вам расскажу. Крестьяне прикрепляют цепью к основанию дерева кувшин с узким горлышком и выпуклым днищем. Они кладут на дно орехи и другие лакомства, которые

любят обезьяны. Ночью зверушка выбирается из зарослей и сует лапу в узкую горловину. Хватает угощение, лапа ее при этом сжимается в кулак и застревает, не в силах пролезть назад. В результате обезьяна оказывается в ловушке. Утром из деревни приходят люди и бьют ее чем-нибудь по голове. – Мгновение он смотрел на меня, а потом с улыбкой заключил: – Конечно, это не просто история, но притча в духе дзен-буддизма. А мораль здесь такая: если хочешь обрести свободу, расстанься со всем, что тебе дорого.

Я сказал, что и сам уже понял это. История хорошая, но ко мне она в данный момент никакого отношения не имеет.

– Да, пожалуй, – согласился мой собеседник. – Но ничего не происходит просто так, и, возможно, я тоже не случайно встретился на вашем пути. Вы еще так молоды, доктор. Как знать, вдруг когда-нибудь эта притча вам пригодится.

И конечно же, монах был прав: такое время пришло, но совсем не так, как я воображал. Это случилось, когда я сидел той ночью в Женеве, пережидая грозу и размышляя о страшной трагедии в Нью-Йорке, вспоминая, как симпатичная женщина в короткой юбке вербовала самых способных выпускников университета для того, чтобы они защищали свою страну.

Мне всего тридцать один год, и сегодня наша эра закончилась. Я больше не нужен, и вовсе не потому, что я плохой спецгент. Просто нас готовили к танковой войне в Европе, а сражаться приходится с партизанами в Афганистане. И нравится мне это или нет, но история прошла мимо меня.

Я мечтал о том, что в какой-то иной жизни рано или поздно обрету нечто такое, чему даже трудно подобрать название... Наверное, большинство людей зовут это любовью. Бродить с кем-нибудь вдвоем по пляжу и не думать, с какого расстояния тебя достанет снайперская винтовка. Навсегда забыть это ощущение, когда ты начинаешь чувствовать пулю задолго до того, как услышишь звук выстрела. Разве плохо встретить хорошую женщину и обрести наконец тихую гавань?

Я вдруг отчетливо понял, что если не покину мир спецслужб сейчас, то впоследствии уже не смогу этого сделать никогда. Трудно повернуться спиной ко всем, кого ты знаешь, это по силам далеко не каждому человеку. Но я повторял себе вновь и вновь: «Если хочешь обрести свободу, расстанься со всем, что тебе дорого».

Глава 14

Я написал заявление об отставке той же ночью в женеvской гостинице и на следующее утро отправил его с курьером дипломатической почтой, а сам немедленно вылетел в Лондон.

Целых три недели я провел, завершая незаконченные дела и передавая свою карто-теку ЦРУ: первой жертвой реорганизации американского разведывательного сообщества пала «Дивизия». Она была расформирована после сорока лет существования, а ее функции переданы ФБР.

По иронии судьбы последний день моей работы прошел в Берлине, городе, где когда-то все для меня по-настоящему началось. Я запер офис на ключ и вместе со своими сотрудниками отправился в аэропорт Темпельхоф, откуда нам предстояло лететь домой. Пожал всем руки на прощание и сказал, что зарезервировал себе билет на следующий рейс.

А потом потихоньку вышел через переднюю дверь аэропорта уже с совершенно новым удостоверением личности и велел таксисту ехать в автосалон, где получил заказанный ранее внедорожник мощностью пятьсот лошадиных сил. Теперь я был более или менее готов к поездке по автобану.

Я забросил свои сумки на заднее сиденье и к вечеру уже миновал Франкфурт, а несколькими часами позже пересек границу. Осень в том году выдалась поздняя, и никогда еще раньше сельские пейзажи Франции не казались мне такими красивыми даже при лунном свете. Я стремительно проезжал мимо деревушек с романтическими названиями и наконец обнаружил то, что искал, – рйаге, платную автомобильную дорогу.

Если вы въезжаете в Париж с юга, то обязательно увидите одно замечательное место, где французы принимают на попечение иммигрантов. Оно находится между двумя высотными зданиями, обзор города отсюда почти закрыт. Только Эйфелева башня маячит на горизонте.

Было раннее утро, морозный воздух придавал пейзажу искрящуюся прозрачность. Я и раньше много раз любовался этим видом, но все равно у меня перехватило дыхание. Чувство освобождения, которое всю ночь росло и накапливалось во мне, внезапно вышло из берегов и хлынуло наружу. Я свернул к обочине. Оказаться в Париже, когда ты молод и свободен, – что может быть лучше в этой жизни?

Я снял квартиру в той части Восьмого округа, которую французы называют Золотым треугольником, неподалеку от красивейшей улицы Франциска Первого. День за днем я от рассвета до заката писал книгу, предназначенную для узкого круга читателей. И очень жаль, что в их числе оказалась некая молодая женщина из Нью-Йорка.

Я напряженно работал полгода, и наконец книга была закончена, текст тщательно выверен и снабжен примечаниями. Я чувствовал себя так, словно отмылся от грязи прежней жизни: дописал заключительную главу и пустил эту жизнь, как похоронную баржу, вниз по течению, в прошлое. Я гордился своей книгой. Можете считать меня наивным романтиком, но я полагал, что принес обществу пользу: ведь если мой профессиональный опыт поможет сокрушить хотя бы одного такого человека, как Кристос Николаидис, то, образно выражаясь, свеча горела не зря.

После того как целая команда аналитиков из разведслужб тщательно изучила мой опус, книга была напечатана небольшим издательством, которое специализировалось на душеразди-рающих мемуарах: воспоминаниях беглецов с коммунистической Кубы и рассказах об убий-ствах женщин во имя чести в арабских странах. Иными словами, это был тайный филиал ЦРУ.

Разумеется, в таком издательстве привыкли иметь дело с авторами, скрывающими свое подлинное имя, но мой случай оказался весьма непростым. Когда я сдавал свой служебный значок, начальство пришло к выводу, что мне известно о национальной безопасности слишком

много. Никто не должен был узнать, какую именно работу я выполнял. Вот так и получилось, что мир спецслужб ненароком как бы отобрал у меня имя и биографию.

Когда моя книга наконец вышла, автором ее значился Джуд Гарретт: в целях конспирации специально была разработана целая легенда. Если бы кто-нибудь захотел навести справки, он получил бы следующую информацию: «Джуд Гарретт, выпускник Мичиганского университета, более четырнадцати лет обеспечивал правопорядок: сначала в полиции округа Майами, потом как специальный дознаватель ФБР. Погиб при выполнении особо важного задания в Чикаго. Рукопись этой книги, для которой Гарретт долгое время собирал материал, была обнаружена в его рабочем кабинете вскоре после смерти и представляет собой последнее документальное свидетельство одного из лучших в мире мастеров расследования».

Отчасти это было правдой. Агент Джуд Гарретт существовал на самом деле, и он действительно погиб в автокатастрофе в Чикаго, возвращаясь со службы домой. Одиноким холостяком, человек не слишком общительный и мало чем интересовавшийся, кроме работы, – издатели просто присвоили личность Гарретта, увековечив его после смерти.

Ну что ж, меня вполне все устраивало: и биография Гарретта, и то, что он погиб.

«Кому, в самом деле, – рассуждал я, – придет в голову разыскивать мертвеца?»

Но, представьте, такие люди нашлись.

Когда книга наконец-то была опубликована и похоронная баржа почти скрылась из виду, я впервые за всю свою взрослую жизнь стал вести открытое существование, без тайн и секретов. Смотрел во все глаза на смеющихся женщин, прогуливающих, изящно покачивая бедрами, по широким парижским бульварам, а когда весна сменилась летом, мне стало казаться, что в моей жизни возможны любые перемены.

Знаете, в чем главный минус шпионского ремесла? Оно тебя не отпускает, даже если ты вышел в отставку. Тогда мне не хотелось этого признавать, но в кильватере моей прошлой жизни плавало слишком много обломков кораблекрушения: люди, которым ты причинил боль, никогда не забывают об этом. А где-то в глубине сознания прочно засела мысль, которую мне вдолбили, когда я был совсем молод и шпионская карьера еще только начиналась: в этой профессии нельзя учиться на своих ошибках, достаточно сделать всего одну – и ты покойник. Единственное, что может тебя спасти, – интуиция и высочайший профессионализм. Заруби себе это на носу, выжги это правило клеймом в своей душе.

Должно быть, я внимательно слушал преподавателей, да и с момента моей отставки прошло всего девять месяцев, – так или иначе, я быстро засек подозрительное такси с пассажиром, которое кружило вокруг квартала, где я жил. В Париже подобное не бывает случайным: при здешней хаотичности уличного движения автомобиль может снова появиться в том же месте лишь через много часов.

Это было в пятницу вечером, в час пик. Я сидел в кафе на пляс де ля Мадлен, ожидая своего нового знакомого, пожилого врача. Он был гурман, а ночи, проведенные в обществе юных русских подружек, обычно обходились ему еще дороже, чем обеды, которыми он их кормил, поэтому бедняге вечно не хватало денег. На мой взгляд, благородная бедность – огромный плюс, когда речь идет о враче. Когда такой доктор ставит диагноз или выписывает рецепт, он готов выслушать предложения самого пациента, если вы правильно понимаете ход моей мысли.

В первый раз я не заметил белое такси, во всяком случае, это как-то не отложилось в моем сознании, хотя в силу профессиональной привычки я постоянно наблюдал за транспортным потоком. И когда эта машина появилась во второй раз, я уже знал, что она была здесь раньше. В сердце сильно кольнуло, но я не подал виду, сумев совладать с собой. Только краешком глаза следил за такси, досадуя про себя из-за того, что свет фар и движущийся транспорт не позволяли разглядеть, кто сидит на заднем сиденье. Впрочем, не так это было и важно, просто интересно, что за люди явились убить меня.

Поток машин унес такси прочь. Я знал, что времени у меня мало: при первом появлении киллеры фиксируют твое местонахождение, во второй раз – рассчитывают угол обстрела, а в третий – ведут огонь на поражение. Бросив на столик десять евро, я быстро вышел на тротуар.

Я слышал, что доктор окликнул меня, но мне сейчас было не до объяснений. Я резко свернул налево, в «Эдьяр», самый лучший парижский гастроном, и быстро прошел мимо пирамид фруктов, выглядевших как на картинке, в винный отдел, где было очень много народу.

События разворачивались стремительно, как всегда и бывает в подобных ситуациях, и, хотя у меня отсутствовали какие-либо доказательства, инстинкт подсказывал, что за этим стоят греки. У старика Николаидиса, что и говорить, был повод для мести: он потерял любимого сына, я уж не говорю о том, какой сильнейший удар мы нанесли его самолюбию. Да, прошло время, но наверняка жажда наказать обидчиков только усиливалась с каждым Рождеством и днем рождения, проведенными без Крестоса. К тому же старик водил дружбу с албанцами, а всем известно, что лучших профессиональных убийц в Европе не найти.

Из винного отдела «Эдьяра» дверь вела на боковую улочку. Я не мешкая вышел через нее и повернул налево. То была улица с односторонним движением, и я быстрым шагом двинулся навстречу потоку машин – единственная правильная стратегия при сложившихся обстоятельствах. По крайней мере, ты увидишь приближающегося стрелка.

Следя за дорогой перед собой, я вдруг осознал, что действую согласно продуманному плану. Куда бы я ни шел, благодаря какому-то внутреннему импульсу всякий раз выбирал оптимальный маршрут. В моем подсознании словно бы запустилась скрытая программа бегства. Больше всего я жалел, что в тот день не взял с собой пистолет. Я ведь думал, что выхожу ненадолго: выпью чашку кофе, побеседую с доктором и приеду обратно на такси. Пистолет остался в сейфе, в квартире. Теперь беспечность дорого мне обойдется: если даже я сейчас увижу киллеров, то мало что смогу сделать. Придется вернуться домой, открыть свой дурацкий сейф и вооружиться.

Повернув направо, я быстро прошел еще один квартал, свернул налево и вышел на улицу Фобур-Сент-Оноре, как раз там, где хотел: возле дороги, ведущей от Елисейского дворца. Кто бы ни сидел в такси, грек или албанец, он наверняка знал, что это едва ли не самая безопасная улица в Париже, находящаяся под постоянным наблюдением антитеррористических служб. Только теперь я почувствовал себя достаточно спокойно, чтобы взять такси.

Добравшись до своего дома, я попросил шофера остановиться напротив черного хода. Быстро выскочив из такси и пригнувшись, я смогу открыть замок и проникнуть в здание так, что никто меня не увидит. Водитель-араб, наверное, решил, что я сумасшедший. Впрочем, если в его религии считается разумным забивать камнями до смерти женщину за супружескую измену, то мы квиты.

Захлопнув за собой входную дверь, я пробежал по подземному паркингу. Здание из белого камня, построенное в 1840-х годах графом дю Криссье, когда-то было величественным особняком, но со временем сильно обветшало. В прошлом году его отреставрировали и превратили в доходный дом. Я снял там одну из квартир на первом этаже. Хотя она и была совсем маленькой, отставной спецagent вряд ли мог позволить себе такое элитное жилье. Однако мое материальное положение изменилось: три года назад, когда я находился в непродолжительной командировке в Италии, умер мой приемный отец, Билл Мердок.

На похороны меня не пригласили, и это было обидно. Грейс лишь прислала коротенькое письмо, в котором сообщала, что Билл скоропостижно скончался и его уже погребли. Приемная мать ревновала меня к мужу до самой его смерти. Через несколько месяцев я получил от адвоката письмо, из которого узнал, что группа компаний, принадлежавшая Биллу и управляемая офшорным доверительным фондом, перешла к Грейс. Это не стало для меня неожиданностью: они были женаты сорок лет. В письме также говорилось, что по завещанию никаких денег для меня предусмотрено не было, но Грейс все же решила выделить мне долю наслед-

ства, обеспечивающую годовой доход в восемьдесят тысяч долларов до конца жизни. И хотя об этом не было сказано прямо, тон письма недвусмысленно свидетельствовал: отныне приемная мать считала себя свободной от каких-либо обязательств по отношению ко мне.

Два года спустя, почти день в день, умерла сама Грейс. Я счел, что ее поведение дает мне право не ехать на пышные семейные похороны, включавшие отпевание в старой епископальной церкви Гринвича.

И вновь, уже не впервые, я остался один на всем белом свете. Я улыбнулся при мысли, что, если бы моя приемная мать умерла первой, Билл наверняка оставил бы мне значительное наследство. А так Грейс завещала все Метрополитен-музею в Нью-Йорке с условием, чтобы на эти средства перестроили галерею, где хранятся полотна старых мастеров.

Все это я узнал из письма того же адвоката. Он также сообщил, что необходимо решить один небольшой вопрос, касающийся имущества Билла. Я ответил, что загляну в его офис в Нью-Йорке, когда в следующий раз буду дома, и выбросил это из головы. Чеки от Грейс приходили регулярно, так что я мог вести жизнь гораздо более комфортабельную, чем позволяла назначенная государством пенсия.

Самое осязаемое преимущество – эта квартира в Париже. Я промчался через кухню бывшего особняка, превращенную в техническое помещение, и взбежал по пожарной лестнице. Открыв дверь рядом с лифтом, я очутился в маленьком холле.

Там я обнаружил женщину. Это была мадам Данута Фурер, моя семидесятилетняя соседка, занимавшая в доме самую большую квартиру. Эта холеная вдова какого-то промышленника-аристократа обладала сверхъестественной способностью – дать любому почувствовать себя уроженцем страны третьего мира.

Бросив выразительный взгляд на мою выбившуюся из брюк рубашку и заметив, как я лихорадочно облизываю языком пересохшие губы, она спросила на своем непостижимо изысканном французском:

– Что-то случилось, мистер Кэмпбелл?

Мадам Фурер знала меня как Питера Кэмпбелла, пребывающего в годичном отпуске управляющего хедж-фондом – единственная профессия, которая, на мой взгляд, позволяла мужчине моего возраста жить в такой квартире и при этом не работать.

– Ничего страшного, мадам, просто я забыл выключить духовку.

Она вошла в подъехавший лифт, а я отпер стальную дверь своей квартиры. Закрыв ее изнутри на засов и не включая света, я пробежал через гостиную с красивыми эркерами, где размещалась маленькая, но постоянно растущая и пополняющаяся коллекция современного искусства. Биллу она бы понравилась.

В темноте я распахнул дверцу платяного шкафа и набрал код небольшого сейфа, где хранились крупная сумма наличными, стопка бумаг, восемь паспортов на разные фамилии и три пистолета. Я вытащил девятимиллиметровый Glock с удлиненным стволом, отличавшийся повышенной точностью при стрельбе, проверил его исправность и прихватил запасную обойму.

Сунув пистолет за пояс брюк, я задал себе вопрос, уже давно крутившийся в голове: «Если это греки, то как, черт возьми, они меня разыскали?»

Неужели помогли русские, которым опять понадобились наличные? А может быть, я совершил в банке «Ришлу» какую-то едва заметную ошибку, о которой Маркус Бухер сообщил своим клиентам, и в результате тем удалось установить мою личность? Пусть даже и так, но как греки вышли на меня спустя столько времени? Боже милосердный, я ведь живу в Париже под другим именем!

Раздался стук в дверь, настойчивый и решительный.

Я не прореагировал. Всегда знал, что врагу не составит большого труда проникнуть в здание: наш консьерж Франсуа, известный подлиза и угодник, частенько оставляет входную

дверь открытой. Стоит ему услышать, что мадам Фурер спускается на лифте, как он тут же выскакивает на улицу будить шофера лимузина, а потом суетится вокруг пожилой дамы, чтобы она уж наверняка одарила его на Рождество.

Без малейших колебаний я проделал то, что нас учили делать в таких случаях: быстро и бесшумно переместился вглубь квартиры. Опытные наемные убийцы могут действовать следующим образом: прикрепляют к двери пару унций семтекса (это один из видов пластичной взрывчатки с добавкой глины), а потом нажимают кнопку звонка.

Преступник укрывается, скажем, в кабине лифта и взрывает бомбу, запустив ее механизм звонком с мобильного. 21 декабря 1988 года восемь унций семтекса, пронесенных на борт самолета авиакомпании «Пан Американ», следующего рейсом 103, вдребезги разнесли лайнер над шотландским городом Локерби. Можете себе представить, что могло сотворить вдвое меньшее количество этой взрывчатки со стальной дверью и тем, кто подошел бы взглянуть в глазок.

Я миновал гостиную, накинул пиджак, чтобы не виден был пистолет за поясом, и направился дальше. Когда это здание еще было особняком графа дю Криссье, его слуги использовали лифт в качестве бессловесного официанта, доставлявшего готовые блюда из кухни в столовую. Конечная остановка находилась в кладовой дворецкого, которую теперь переделали в жилое помещение, оборудовав там запасную спальню. Именно туда я сейчас и шел.

В ходе модернизации шахта была оснащена электропроводкой. Сказав управляющему, что якобы хочу провести в квартиру высокоскоростной Интернет (надо же было контролировать, как идут дела в моем несуществующем хедж-фонде), я получил разрешение на доступ в шахту лифта для моего подрядчика, который когда-то устанавливал оборудование слежения для «Дивизии». Я попросил его приладить внутри лесенку, ведущую в подвал, подозревая, что теперь арендная плата достигнет заоблачных высот. А сейчас это место и вовсе стало для меня бесценным.

Я открыл дверь кладовки, вытащил съемную панель и меньше чем через минуту уже шел по узкой улочке на задворках нашего здания. В любой момент я был готов увидеть, как фасад девятнадцатого века и эркеры, вошедшие в список культурно-исторического наследия, летят беспорядочной кучей в сторону Елисейских Полей.

Но ничего не произошло. Что же остановило киллеров? Думаю, потеряв объект на плясе де ля Мадлен, они тут же вернулись в мою квартиру и, не зная точно, там я или нет, постучали в дверь.

До чего же хорошо, что я не ответил на стук. Уверен: их было двое, именно столько наемных убийц я бы и сам послал. Сейчас они наверняка прячутся где-то у лифта, поджидая моего возвращения. Это дает мне шанс: если я войду через парадный вход и поднимусь по лестнице, непременно застану киллеров врасплох. Я не был лучшим стрелком в разведшколе, но все же стреляю достаточно искусно, чтобы вывести из игры обоих.

Я свернул с узкой улочки на проспект и замедлил шаг, изучая прохожих глазом профессионала, чтобы убедиться: у тех парней в здании нет поддержки снаружи. Я видел женщин, возвращающихся из фешенебельных магазинов на авеню Монтень; парочку, прогуливающую собак; какого-то мужчину в бейсболке, стоящего ко мне спиной, по виду туриста, разглядывающего витрину в кондитерском магазине рядом с моим домом. Никого похожего на тех, кого я разыскивал. Я перевел взгляд на мостовую и принялся изучать поток транспорта, но и там не увидел ни белого такси, ни стрелков в припаркованной машине.

Я подошел вплотную к парочке: женщина под пятьдесят, на высоких каблуках, и ее дружок, лет на двадцать моложе. Вряд ли они полностью закроют меня от взора сидящего на крыше снайпера, но, несомненно, усложнят его задачу. Таким образом, находясь под прикрытием, я неуклонно сокращал расстояние до своего дома: восемьдесят ярдов, сорок, двадцать...

Когда я миновал кондитерский магазин, мужчина в бейсболке бросил мне в спину:

– Не легче ли было просто открыть нам эту гребаную дверь, мистер Кэмпбелл?

Сердце мое замерло и рухнуло куда-то в область желудка. В следующее мгновение в моем сознании возникли две совершенно ясные, но противоречащие друг другу мысли. Первая: вот так, значит, все и заканчивается? Отставной агент пал жертвой собственных интриг на парижской улице, убит выстрелом в голову, предположительно человеком, находившимся внутри кондитерского магазина. Я представил, как лежу, истекая кровью, на тротуаре, а киллер прячет пистолет в карман и вместе со своим дружкой, тем самым типом в бейсболке, направляется – куда же еще? – к белому такси.

Вторая мысль: нет, что-то непохоже, что меня собираются убить. Даже если на крыше здания или в номере отеля «Плаза Атени» притаился снайпер, парень в бейсболке просто дал бы ему сигнал, и стрелок выполнил бы свою работу. Это только в кино плохие парни испытывают патологическую потребность рассказать вам историю своей жизни, прежде чем спустить курок. В реальном мире никто с тобой разговаривать не станет: вокруг полно опасностей, а убийца слишком возбужден, поэтому стремится закончить дело поскорее. Будучи профессионалом, я прекрасно это знал. Хотя, с другой стороны, из всякого правила есть исключения.

Да уж, ситуация: не знаешь, от чего напрудить в штаны – от страха или от облегчения. Я взглянул на мужчину, который окликнул меня: худощавый, чернокожий, лет пятидесяти с небольшим, красивое, слегка потрепанное жизнью лицо. Скорее бракованный фарфор, чем антиквариат из Лиможа, вынес я про себя вердикт. И убедился в справедливости своей оценки, когда незнакомец подошел немного ближе и я увидел, что он сильно хромает на правую ногу.

– Вы, кажется, назвали меня «мистер Кэмпбелл»? Вы ошиблись, – сказал я по-французски, стараясь воспроизвести свойственную парижанам пренебрежительную интонацию. – Вероятно, с кем-то меня перепутали.

Я старался выиграть время и понять, что происходит.

– Думаю, мы сойдемся на том, – ответил он по-английски, – что Питер Кэмпбелл – вымышленный персонаж, никакой лицензией, дающей право торговли на Уолл-стрит, этот человек не владеет, а хедж-фонда, которым он якобы управляет, в природе не существует.

Ну и ну! Откуда, черт возьми, ему это известно?! Я как бы ненароком подвинулся, так что мой собеседник оказался между мною и окном кондитерской.

– Итак, если вы не Кэмпбелл, то возникает вопрос: кто же вы на самом деле? – спокойно продолжал он. – Может быть, Джуд Гарретт, агент ФБР и писатель? Вряд ли, ведь тот мертв. Да, кстати, что касается Гарретта, тут есть еще одна весьма любопытная деталь. Видите ли, я беседовал с его кузиной в Нью-Орлеане, и ее очень удивили литературные достижения двоюродного брата. Сказала, что Джуд навряд ли прочитал за всю свою жизнь хоть одну книгу – какой уж из него писатель!

Надо же, этот тип столько знает обо мне, а я до сих пор жив! Киллер он все-таки или нет? Я оглядел крыши домов в поисках снайпера.

Чернокожий внимательно смотрел мне в глаза, следя за каждым моим движением, и продолжал гнуть свою линию:

– Вот что я думаю, мистер Кэмпбелл, или как вас там зовут на самом деле. Вы живете под фальшивым именем. И издали эту книгу, приписав авторство умершему человеку, чтобы сбросить свою шкуру. Скорее всего, вы работали на правительство и ваше подлинное имя известно лишь очень узкому кругу людей. Полагаю, было бы не слишком разумно с моей стороны спрашивать, какую именно работу вы выполняли. Да, по правде сказать, меня это и не очень волнует. Ваша книга – лучшая из всех, что я прочитал по технике расследования, и я просто хочу поговорить о ней.

Я удивленно уставился на него, а потом выпалил по-английски:

– Вы всего лишь хотите поговорить о книге?! А ведь я собирался вас застрелить!

– Меня это не удивляет, – сказал он, понижая голос. – Как к вам обращаться – «мистер Гарретт»?

– Кэмпбелл, – процедил я сквозь зубы. – Моя фамилия Кэмпбелл.

– Ладно, пусть будет мистер Кэмпбелл. Так вот, боюсь, что я и впрямь вел себя как потенциальный убийца. Вы уж, пожалуйста, на меня не обижайтесь.

Тут я окончательно перестал что-либо понимать. А незнакомец с мрачным видом протянул мне руку. Впоследствии я узнал, что этот человек практически никогда не улыбается.

– Бен Брэдли, – сказал он тихо. – Лейтенант убийного отдела, полицейское управление Нью-Йорка. В настоящее время восстанавливаюсь после тяжелого ранения.

В полной растерянности я пожал ему руку – а что еще мне оставалось делать? Вот так поворот: коп, заново учившийся ходить, встретился с вышедшим в отставку тайным агентом.

В тот вечер, когда состоялось наше знакомство, мы оба думали, что сошли с дистанции и наша профессиональная жизнь осталась в прошлом. И даже не подозревали, насколько важной, я бы даже сказал судьбоносной, оказалась эта встреча. Впоследствии я не раз удивлялся тому, до чего же причудливо все переплелось: загадочное убийство в гостинице «Истсайд инн», гибель Крестоса Николаидиса на острове Санторини, провал секретной операции в Бодруме, наша дружба с Беном Брэдли и даже притча, которую много лет назад рассказал мне в Таиланде буддийский монах. Если бы я верил в судьбу, мне пришлось бы признать, что все направляла свыше чья-то рука.

Очень скоро я узнал: мне предстоит новое задание, которое определит мое будущее. В один прекрасный день меня вновь, против моей воли, насильно втащили в мир спецслужб, и я, похоже, навсегда распрощался с надеждой обрести нормальную жизнь. Не зря говорят: если хочешь рассмешить Бога, расскажи Ему о своих планах.

Почти не располагая информацией, испытывая недостаток времени, я получил задание, которого любой спецагент страшится больше всего: мне предстояло разыскать человека, не имеющего никаких корней и связей, не состоящего на учете в полиции, не упомянутого ни в одной базе данных. Этакое неклеяменое животное, призрак.

Боюсь, дальнейшее мое повествование окажется не слишком приятным. Если вы хотите спокойно спать по ночам и, глядя на своих детей, думать, что их жизнь будет достойной и счастливой, вам лучше не знакомиться с этим человеком.

Часть вторая

Глава 1

Не важно, сколько пройдет лет – даже если мне повезет, я доживу до преклонных лет и буду греть на солнышке свои старые кости, – он навсегда останется для меня Сарацином. Такое кодовое имя я дал этому человеку в самом начале операции, а впоследствии потратил уйму времени, чтобы установить его подлинную личность, и теперь мне трудно называть его как-то иначе.

Сарацин – это араб, а если мы совершим экскурс в историю, то узнаем, что в былые времена этим словом обозначали мусульманина, который сражается против христиан. Копнув еще глубже, мы обнаружим, что когда-то сарацинами называли странников, кочевников. Все эти определения вполне подходили человеку, о котором я говорю.

Даже сегодня сведения о нем весьма фрагментарны. И это неудивительно: бульшую часть своей жизни он провел в тени, намеренно замата следы, как бедуин в пустыне.

Однако каждый в этом мире оставляет свой след, он тянется даже в море за кораблем, и хотя часто это лишь едва мерцающий в темноте свет, мы все-таки можем его увидеть. Я обошел половину восточных базаров и мечетей, проник в секретные архивы арабских государств, беседовал с десятками людей, которые могли знать этого человека. После того, что случилось в то ужасное лето, множество аналитиков и психологов неделями допрашивали его мать и сестер. И если меня вдруг обвинят в том, что я по своему усмотрению вкладываю слова в его уста и мысли – в голову, то я, пожалуй, не стану оправдываться: ведь мне известно о Сарацине и его семье больше, чем кому-либо другому в целом мире.

Не подлежит сомнению, что в юном возрасте он присутствовал на казни – публичном отсечении головы. Это случилось в Джидде, втором по величине и, по общему мнению, самом современном городе Саудовской Аравии. Запомните эту деталь, она чрезвычайно важна.

Джидда расположена на побережье Красного моря, и когда Сарацину было четырнадцать, он жил с родителями и двумя младшими сестрами в скромном доме на окраине города, достаточно близко к воде, чтобы ощущать запах соли. Я знаю об этом, потому что много лет спустя лично побывал возле того старого дома и сфотографировал его.

Как и многие саудовцы, отец мальчика, зоолог по специальности, презирал Соединенные Штаты и «его продажную девку» (как писали в арабских газетах) Израиль. Эта ненависть не была результатом пропаганды, в основе ее лежало не тяжелое положение палестинцев и даже не религиозный фанатизм – она имела гораздо более глубокие корни.

Долгие годы отец Сарацина слушал по радио и Вашингтон, и Тель-Авив, но, в отличие от большинства жителей Запада, верил словам наших политических лидеров о том, что их цель – принести демократию на Ближний Восток. Такая перспектива возбуждала гнев в глубоко набожном мусульманине. Будучи хорошо образованным, по крайней мере по местным стандартам, зоолог знал, что демократия предполагает отделение религии от государства. Для большинства правоверных мусульман религия и государство – одно и то же, и они совершенно не желают разделять эти два понятия.

Отец Сарацина полагал, что неверные насаждают демократию на Востоке по одной-единственной причине – с целью расколоть и завоевать, опустошить и уничтожить арабский мир. Именно эту кампанию начали проводить христиане еще во времена Первого крестового похода тысячу лет назад, и она продолжается до сих пор.

Не торопитесь заклеить этого зоолога как экстремиста, ибо в сумеречном мире политики Ближнего Востока этот человек представлял собой умеренное крыло саудовской обще-

ственности. Был, впрочем, один нюанс, который выделял его из общей массы, – отношение к королевской семье.

Вообще-то, в Саудовской Аравии много чего нельзя делать: например, проповедовать христианство, посещать кинотеатры, водить машину, если ты женщина, отречься от своей веры. Но самый главный запрет: нельзя критиковать правящую в Саудовской Аравии династию, куда входят король, две сотни могущественных принцев и еще приблизительно двадцать тысяч членов августейшей семьи.

Весь тот год в Джидде перешептывались: король допустил в священную страну Пророка солдат из нечестивой Америки. С другой стороны, саудовскую общественность будоражили сведения, доходившие из Европы от диссидентов-соотечественников: дескать, наследные принцы растрачивают состояния в казино Монте-Карло, проливают золотые дожди на юных женщин из парижских модельных агентств. Как и все жители Саудовской Аравии, зоолог знал о позолоченных дворцах и расточительном образе жизни, который вел король. Однако иметь плохой вкус и проявлять экстравагантность – это не харам (таким словом называют в шариате запретные действия). А вот проституция, азартные игры и алкоголь – абсолютное табу.

Конечно, живя в Саудовской Аравии, вы можете выразить свое недовольство политикой короля и поведением его семьи, назвать все это оскорблением Аллаха. Если очень хочется, можно даже потребовать их насильственного выдворения из страны, но при этом вы должны быть уверены, что крамольные мысли не выходят наружу из вашей головы, пусть даже в самой отвлеченной форме. Величайшее безрассудство говорить на подобные темы с кем-то, кроме разве что жены или родного отца. Аль-Мабахит Аль-Амма (так называется в Саудовской Аравии тайная полиция) никто не указ, эта организация живет по своим законам и имеет широко разветвленную сеть информаторов, которые все слышат и знают.

Однажды весной, ближе к вечеру, четверо агентов этой полиции, все в белых туниках и головных уборах в красно-белую клетку, явились к нашему зоологу на службу. Предъявив свои удостоверения, они забрали его прямо из кабинета, провели через целую анфиладу лабораторий и других помещений и сопроводили на автостоянку.

Прочие двадцать сотрудников отдела морской биологии Красного моря лишь безмолвно наблюдали, как за их коллегой захлопнулась дверь. Никто не произнес ни слова, включая трех ближайших друзей арестованного, один из которых, несомненно, и был доносчиком.

Мы никогда не узнаем, в чем именно обвиняли зоолога и как несчастный пытался себя защитить, поскольку судопроизводство в Саудовской Аравии осуществляется тайно, и никто в этой стране не заморачивается такими тонкостями, как свидетельские показания, адвокаты, присяжные или даже доказательства, считая все это лишь напрасной тратой времени.

Судебная система тут целиком основывается на собственноручно подписанных признаниях, которые и должна добыть полиция. Как ни парадоксально, но в число того немногочисленного, что преодолевает любые расовые, религиозные и культурные границы, входят пытки: действительно, милиция нищей языческой Руанды использует те же методы, что и богатые католики, возглавляющие полицию в Колумбии. Так что по большому счету мусульмане, допрашивавшие зоолога в тюрьме в Джидде, даже не изобрели ничего нового – все тот же аккумулятор грузового автомобиля со специальными зажимами для сосков и гениталий.

Родные зоолога узнали о постигшей их катастрофе, когда глава семьи не вернулся домой после работы. Проведя вечер в молитвах, близкие стали звонить коллегам в надежде выяснить, куда тот запропастился. Но тщетно: одни предусмотрительно не брали трубку, другие ссылались на свою неосведомленность – люди знали по горькому опыту, что все их разговоры прослушиваются и любого, кто пытается помочь семье преступника, моментально возмут на заметку. Впав в полное отчаяние, жена зоолога в конце концов поддалась уговорам четырнадцатилетнего сына и отпустила его на поиски отца. Сама она не могла этим заняться: законы

Саудовской Аравии не позволяют женщине находиться в общественных местах, если ее не сопровождает муж, брат или отец.

Мальчик, оставив дома мать и двух сестер, отправился в путь на своем мопеде, который отец недавно подарил ему на день рождения. Стараясь держаться подальше от оживленных мест, он поехал к зданию на морском побережье, где работал зоолог, и обнаружил его машину на парковке. Только в полицейском государстве ребенок молится, чтобы с его родителями не приключилось ничего более серьезного, чем автокатастрофа. Надеясь с помощью Аллаха найти отца в темном здании, где находился Институт биологии Красного моря, всего лишь раненым, мальчик приблизился к входу.

Охранник-пакистанец, расположившийся в алькове темного вестибюля, испуганно вздрогнул, увидев лицо ребенка, заглядывающего сквозь стеклянные двери. Пакистанец закричал на мальчика и на плохом арабском велел ему убираться вон. Охранник даже схватил дубинку, готовый открыть двери и пустить ее в ход, если потребуется.

Но мальчик не отступил. Он отчаянно кричал, умоляя Пророка о помощи, говорил что-то пакистанцу о пропавшем отце. И тогда охранник понял, что этот визит связан с событием, вызвавшим накануне целую волну передаваемых шепотом слухов. Он посмотрел на лицо несчастного ребенка, готового цепляться за самую крохотную надежду, и опустил дубинку. Трудно сказать почему, возможно, потому, что у охранника были собственные дети, тектонические плиты его миропорядка сдвинулись, и он сделал нечто совершенно ему несвойственное – пошел на риск. Повернувшись спиной к направленной на двери камере слежения и отчаянно жестикулируя, словно выгоняя незваного посетителя, пакистанец рассказал мальчику то небольшое, что знал сам: четверо агентов полиции во главе с полковником увели его отца в наручники. Их шофер, соотечественник охранника, которого тот угостил чашечкой чая, рассказал земляку, что они тайно следили за арестованным несколько месяцев. И еще один важный момент: полицейские говорили, что задержанного обвиняют в «общем разложении». Термин этот настолько расплывчатый, что почти лишен смысла, но он обычно означает смертный приговор.

– Передай родным, – добавил пакистанец, – что, если они собираются спасти твоего отца, им надо действовать быстро.

Сказав это, охранник широко распахнул двери, словно потерял терпение, и, работая на камеру, принялся свирепо вращать дубинкой. Мальчик побежал к своему мопеду, оседлал его, промчался через парковку и, почти скрывшись в облаке песчаной пыли, выехал за ворота.

Не берусь сказать наверняка, но думаю, что в тот момент мальчик в душе словно бы разрывался на две части: будучи еще совсем ребенком, он отчаянно желал, чтобы мама его утешила, но как мужчина, а теперь и глава семьи, оставшейся без отца, он нуждался в совете представителя сильного пола. Не забывайте, что он был арабом, а это подразумевает накопленный за две тысячи лет солидный багаж понятий о мужской гордости. Существовал только один способ разрешить этот внутренний конфликт, и мальчик отправился в плохо освещенную северную часть города, к дому бабушки.

По дороге несчастным ребенком овладела безысходность. Он хорошо понимал, что отец увезен агентами государственной безопасности, которые заперли его в тюремной камере. Теперь, чтобы изменить ход событий, потребуется очень большой блат. Именно пресловутый блат: связи, влияние, паутина давних знакомств и протекций, история рода – правит арабским миром в отсутствие демократии и эффективной бюрократической системы. Тому, у кого есть блат, открыты все двери, даже во дворцы. Перед тем же, у кого его нет, эти двери никогда не распахнутся.

Подросток не задумывался об этом раньше, но теперь понимал, что все члены его семьи, включая любимого дедушку, – люди скромные, не имеющие связей. Для них добиваться осво-

бождения человека, объявленного врагом правящей саудовской династии, было... ну все равно что идти с ножом против атомной бомбы.

Ближе к рассвету, когда после долгого семейного совета, на котором присутствовали его дяди, двоюродные братья и дедушка, им так и не удалось сделать ни одного по-настоящему важного телефонного звонка, наш парнишка понял, что был прав: шансов добиться успеха почти нет. Однако это вовсе не означало, что родные зоолога сдались: в течение следующих пяти месяцев члены семьи, которые едва держались на ногах от ужасных переживаний, упорно пытались проникнуть внутрь саудовского гулага и разыскать человека, пропавшего в его лабиринте.

И каков был результат всех этих титанических усилий? Полное отсутствие информации и какой-либо помощи со стороны властей и, конечно же, абсолютный запрет контактов с пропавшим зоологом. Подобно жертвам одиннадцатого сентября, он просто однажды утром ушел на работу и не вернулся.

Человек пропал в сюрреалистическом лабиринте среди живых мертвецов, заточенных в сотни переполненных тюремных камер. Здесь он быстро понял, что после воздействия свинцово-кислотной батареи в двенадцать вольт абсолютно все задержанные в конце концов подписывают признание своей вины. При этом заключенные делятся на две группы.

Первые отдают себя на волю судьбы или Аллаха и просто ставят подпись на этой проклятой бумажке. Вторые видят единственный выход в том, чтобы подмахнуть этот документ, дабы потом, представ перед судьей, отказаться от признательных показаний и объявить о своей невинности.

Именно такую стратегию выбрал наш зоолог. Местная юридическая система, однако, выработала эффективный способ борьбы с такими умниками: заключенного просто возвращали в полицию, где он объяснял, почему изменил свою точку зрения. Слишком тягостно вдаваться в подробности методов «усиленного воздействия», применяемого в подобных случаях. Достаточно сказать, что никто, представ перед судьей, не отказался от своих показаний вторично. Такого за все время не случилось ни разу.

И зоолог наконец полностью признал свою вину в подстрекательстве и общем разложении. Однако тут его путешествие внутри пенитенциарной системы внезапно замедлилось.

Причиной этого стали проблемы с транспортом в деловой части Джидды: было необходимо отправить уведомление хотя бы за десять дней, чтобы закрыть расположенную рядом с главной мечетью огромную автостоянку. Только тогда можно было возвести в ее центре помост из белого мрамора.

Глава 2

Зрители стали собираться рано утром, когда увидели ограждение и специальную команду плотников, возводящих помост. Публичные объявления о предстоящей казни в королевстве вывешивались редко, обычно такого рода новости люди передавали друг другу, позвонив по мобильному телефону или скинув эсэмэску.

В течение нескольких часов огромные толпы людей стекались к автомобильной парковке. Проезжавший мимо со своим отцом двенадцатилетний парнишка, лучший друг Сарацина, узнал, что означают все эти приготовления. Была пятница, которая у мусульман традиционно является днем отдыха, и повсюду были такие пробки, что ребенку потребовался целый час, чтобы добраться домой. Он тут же схватил велосипед и проехал восемь миль, чтобы рассказать другу об увиденном.

Опасаясь самого худшего, но ничего не сказав матери и сестрам, Сарацин сел на свой мопед, посадил на него друга, и они направились в сторону Корниша – дороги-набережной, идущей вдоль Красного моря к деловой части Джидды.

Как только море предстало взору мальчиков, в главной мечети закончилась молитва. Сотни людей покинули храм и присоединились к толпе зрителей на автостоянке. В свете яркого летнего дня мужчины, облаченные в ослепительно-белые дишдаша⁴, составляли резкий контраст с женщинами, стоявшими кучками в своих черных абайя⁵ и чадрах. Цветовые пятна в эту картину вносили только маленькие дети в джинсах и рубашках.

Казни – единственная форма публичных развлечений, дозволенная в Саудовской Аравии. Кино, концерты, танцы, спектакли и даже посещение кофеен, в которых могли бы встречаться разнополые посетители, здесь строго запрещены. Однако все, включая женщин и детей, имеют возможность посмотреть, как человека лишают жизни. В королевстве пренебрегают такими современными методами, как смертельные инъекции или хотя бы расстрел, здесь в ходу публичное отсечение головы – способ, словно бы специально предназначенный для того, чтобы хорошенько потешить толпу.

В тот день на Корнише было сорок три градуса в тени. Жара волнами расходилась от асфальта. Мопед проскальзывал среди множества транспорта, заполонившего дорогу в выходной. Впереди творился суший хаос: шоссе пересекал новый путепровод, и все ряды, кроме одного, заняла строительная техника – образовалась пробка на несколько кварталов.

Сын зоолога пребывал в ужасе и смятении: ему было душно в шлеме и вдобавок мальчика укачало. Бедняга держался из последних сил, отчаянно надеясь, что на помост выведут какого-нибудь африканца-наркодилера. Мальчик старался не думать, что ему предстоит увидеть отца в последний раз, когда тот опустится на колени, а вокруг будут жужжать мухи, а потом серебристая сталь меча исчезнет в кровавом фонтане.

Взглянув на плотно стоящие впереди машины, он свернул в сторону и в вихре пыли и мелкого сора выехал на изрытую жуткими ямами строительную площадку.

Несмотря на то что полюбоваться зрелищем собралась большая толпа, на автостоянке воцарилась относительная тишина – слышался лишь негромкий гул разговоров, да, усиленный акустической аппаратурой, доносился из мечети голос муллы, который читал что-то из Корана. И вот даже тихие голоса умолкли: служебная машина пробралась через оцепление и остановилась у помоста.

⁴ *Дишдаша* – длинная арабская мужская рубашка, обычно белого цвета.

⁵ *Абайя* – длинное традиционное арабское женское платье с рукавами, предназначенное для ношения в общественных местах.

Из автомобиля вышел человек мощного телосложения в безукоризненно белой дишдаша и, преодолев пять ступенек, взошел на помост. Отполированная до блеска кожаная ляпка пересекала по диагонали его грудь, заканчиваясь на левом бедре, где висели ножны с длинным изогнутым мечом. Это был палач по имени Саид бен-Абдулла бен-Мабрук аль-Биши, известный как лучший мастер своего дела во всем королевстве. Его слава зиждилась на процедуре так называемой перекрестной ампутации. Гораздо более сложная, чем простое отсечение головы и назначаемая в качестве наказания за грабеж на большой дороге, она требует виртуозной сноровки в обращении со специально изготовленными тесаками, чтобы суметь быстро отрубить правую руку и левую ногу осужденного. Проявляя похвальное усердие в освоении этой методики, Саид аль-Биши в течение многих лет совершенствовал свое мастерство во время публичных казней в Саудовской Аравии. Теперь палачу редко требовалось больше одного взмаха меча, чтобы отрубить голову или конечность несчастного.

Ответив на приветствия нескольких зевак, аль-Биши едва успел освоиться на рабочем месте, как увидел белый автофургон, продвигающийся сквозь толпу к помосту. Поднялся заградительный барьер, и снабженная кондиционером машина остановилась рядом со ступенями. Толпа качнулась вперед, чтобы разглядеть пассажира. Задние дверцы распахнулись.

Зоолог шагнул в этот кипящий людской котел босиком, глаза завязаны толстым белым бинтом, руки скованы за спиной.

В толпе были люди, лично знавшие осужденного или когда-то видевшие его, но они не сразу поняли, кто именно перед ними. Одному Аллаху известно, что тайная полиция сделала с несчастным за минувшие пять месяцев: казалось, он усох, от человека осталась одна оболочка, а тело уменьшилось в размере, как у полупрозрачных обитателей домов престарелых. А ведь ему было всего тридцать восемь лет.

Осужденный хорошо понимал, где он и что с ним происходит: сорок минут тому назад чиновник из так называемого Министерства юстиции пришел к нему в тюремную камеру и зачитал официальное судебное решение. Так зоолог узнал, что его приговорили к смерти. Когда двое полицейских медленно вели несчастного к ступенькам помоста, он поднял лицо к солнцу и постарался расправить плечи. Он не хотел, чтобы его сын и дочери потом услышали, будто перед смертью их отец утратил мужество.

На Корнише попавшие в пробку шоферы со смешанным чувством зависти и неприязни наблюдали, как мимо них проезжал мопед мальчишки, который использовал стройплощадку как автостраду. Ох уж эти чертовы детишки, везде пролезут!

Сын зоолога проскользнул мимо свернутых пожарных шлангов, из которых поливали водой измученных бангладешских рабочих, чтобы они не потеряли сознание от жары. Петляя, мальчик пробрался через лес бетонных конструкций. У него оставалось минут семь, чтобы попасть на площадь.

Позже Сарацин вряд ли смог бы объяснить, зачем он так спешил. Что он собирался там делать? Мучимый страхом и болью, мальчик думал о том, что он сын своего отца и, значит, каким-то образом не только продолжает его земное существование, но и унаследовал частицу отцовской души. Вот почему он непременно должен присутствовать на месте казни.

Подросток резко бросил мопед влево, через пустырь, заваленный мусором, и еще быстрее устремился к дороге, выходящей на площадь. Она была перекрыта ограждением, но там, где заканчивался ряд стальных прутьев арматуры, Сарацин увидел коридор, достаточно широкий, чтобы протиснуться. Аллах не оставлял его!

Мальчик еще круче вывернул руль мопеда влево, словно в слаломе, петляя между пучками прутьев и поднимая клубы мелкой пыли, быстро приближаясь к узкому проходу. Он делает это!

Зоолог, стоявший на помосте с завязанными глазами, почувствовал на своей шее руку, которая придавила его к низу. Это палач заставлял его встать на колени. Опустившись, осуж-

денный ощутил на щеках солнечные лучи – значит, он обращен лицом к Мекке, которая отсюда всего в сорока милях. В той же стороне был и его дом. Мысль о жене и детях, теперь навсегда для него потерянных, заставила беднягу содрогнуться всем телом.

Палач схватил зоолога за плечо, точно зная по предыдущему опыту, когда именно его жертве понадобится устойчивость. Из громкоговорителя мечети слышалась команда.

На всем протяжении площади, от строгого здания Министерства иностранных дел до лужайки перед мечетью, тысячи людей опустились на колени, чтобы в молитве обратиться лицом к Мекке. Как и все благочестивые мусульмане, зоолог знал слова наизусть и произносил их в унисон с толпой. Известно было и сколько продлится молитва: ему оставалось прожить на этой земле четыре минуты.

Парнишка, наполовину ослепший от пыли, поднятой его виляющим мопедом, проглядел очередной пучок стальных штырей. Один из них торчал почти на фут в сторону от остальных, и когда мальчик заметил его, тот уже проскользнул между спицами переднего колеса.

Продемонстрировав потрясающую реакцию, Сарацин мгновенно наклонил мопед вбок, но все же проделал это недостаточно быстро. Переднее колесо продолжало крутиться, и стальной штырь сломал несколько спиц, яростно корежа металл. Обломки спиц пробили газовый баллон и головку цилиндра, колесо вывалилось, передняя вилка зарылась в грязь. Мопед резко остановился. Сын зоолога с другом по инерции перелетели через руль и оказались на земле: перепачканные грязью, руки и ноги переплелись в клубок. Ошеломленные случившимся, ребята еще не успели до конца осознать, что их верный стальной конь теперь годится разве что на металлолом.

К тому времени как с ними поравнялись первые из автомобилистов, потрясенно наблюдавших с Корниша за происходящим на площади, молитва на месте казни закончилась. Люди встали. Палач подошел вплотную к стоящему на коленях осужденному, и толпа притихла. Эзекутор прикинул, под каким углом ему лучше орудовать своим мечом, и стоявшие совсем близко зрители заметили, что он обменялся парой слов со своей жертвой.

Много лет спустя я беседовал с несколькими людьми, присутствовавшими в тот день на месте казни. Среди них был и Саид аль-Биши, государственный палач. Мы вместе пили чай у него дома в майлисе – гостиной для официальных приемов, и я спросил, что сказал тогда зоолог.

– Редко кто способен связать пару слов в подобной ситуации, – ответил Саид аль-Биши, глубоко вздохнув. – Поэтому, разумеется, я все запомнил. Говорил он мало, но убежденно. Этот человек сказал мне: «Важно только одно: чтобы Аллах и народ Саудовской Аравии простили мне мои грехи».

Палач умолк и посмотрел в сторону Мекки. Я в ответ почтительно склонил голову:

– Аллах акбар. Бог велик.

Аль-Биши глотнул еще чаю, глядя куда-то перед собой, погруженный в размышления о мудрости, которую обретает человек в последние мгновения жизни. Я неотрывно смотрел на него, задумавшись. Чего абсолютно точно нельзя делать в арабских странах, так это обвинять человека во лжи, даже намеком.

Итак, я просто глядел на палача, а он по-прежнему сидел с видом мыслителя, устремив взор вдаль. Я слышал журчание воды в фонтане на его ухоженном дворе, затем до нас донесся шум, который подняли слуги, суесящиеся на женской половине дома. Аль-Биши был палачом на государственной службе, и платили ему, должно быть, немало.

В конце концов он начал беспокойно ерзать на стуле и бросил на меня быстрый взгляд, словно хотел убедиться, действительно ли я такой молчун или пытаюсь вызвать его на откровенность.

Я так и сидел, не сводя с него глаз. Он рассмеялся:

– Для уроженца Запада вы весьма умны, так что давайте теперь обсудим, что этот человек сказал на самом деле.

И Саид аль-Биши поведал мне следующее:

– Наклонившись к осужденному, я попросил его открыть шею, насколько это возможно, и не двигаться – тогда нам обоим будет легче. Ему, казалось, было все равно, он только подвинулся ко мне ближе. Его рот был поврежден изнутри – такое случается во время допросов, – и говорил бедняга с трудом.

– Вы знакомы с королем? – спросил он.

Вопрос застал меня врасплох, но я ответил, что имел честь видеть его величество несколько раз. Он кивнул, словно именно это и ожидал услышать.

– В следующий раз, когда увидите его, передайте слова одного американца: «В вашей власти казнить мыслителя, но невозможно убить мысль».

Тут хозяин дома посмотрел на меня и пожал плечами.

– И что, вы передали эти слова королю? – заинтересовался я.

Мой собеседник рассмеялся:

– Разумеется, нет. Мне еще пока что жить не надоело.

Не было нужды спрашивать, что случилось дальше, – я уже знал об этом от очевидцев, присутствовавших в тот день на месте казни. Когда аль-Биши закончил свою короткую беседу с осужденным, с Красного моря подул горячий бриз. Многие упоминали об этом. Поскольку в тот день вообще стояла страшная жара, асфальт раскалился до невозможности. Палач встал и одним плавным движением извлек меч из ножен. Он отступил на один шаг от своей жертвы и наметанным глазом прикинул расстояние, после чего широко расставил ноги.

Единственный звук, который был слышен, – треск, доносившийся из динамиков: как уже упоминалось, мечеть была оснащена системой радиотрансляции. Аль-Биши, держа длинный меч плашмя, распрямил спину и вздернул подбородок, чтобы его лучше было видно в профиль, – при знакомстве с палачом я сразу заметил, насколько он тщеславен. Одной рукой аль-Биши как можно выше поднял меч над головой. Несмотря на нещадно слепившее глаза белое солнце, взоры всех присутствующих были устремлены на палача.

А тот медлил, словно в нерешительности. Меч красиво сверкал, придавая ситуации еще больше драматизма. А потом палач обеими руками обхватил рукоятку меча и с фантастической скоростью обрушил его острое металлическое лезвие на затылок зоолога. Как вы помните, аль-Биши попросил осужденного не двигаться с места.

Все, кому приходилось присутствовать при отсечении головы, отмечают, что это сопровождается особым звуком – громким и хлюпающим, словно разрубают арбуз. Острие меча вошло в спинной мозг несчастного зоолога, перерезало сонную артерию и рассекло гортань, и лишь после этого голова отделилась от туловища.

Она покатилась по мраморному помосту: веки трепетали, из перерезанных артерий хлынула кровь. На мгновение показалось, что обезглавленное тело зоолога словно бы плывет по воздуху, а потом оно завалилось вперед, в лужу вытекшей из него крови.

Палач все в такой же белоснежной, нисколько не запятнанной кровью дишдаша гордо взирал на дело рук своих. Треск в динамиках сменился молитвой, толпа на площади разразилась аплодисментами. На труп налетел рой мух.

Сын казненного, запыхавшись от бега, с сильно содранной на левом боку кожей и окровавленной рукой, наспех замотанной носовым платком, доковылял до площади, когда труп его отца уже погрузили в сказочную прохладу белого автофургона. Там работали мощные кондиционеры, да вот только служили они не удобству живых: их установили, чтобы не дать распространиться трупному запаху.

Большинство зрителей разошлись, остались только полицейские, чтобы снять ограждение, да пара бангладешских чернорабочих, смывавших кровь с мрамора.

Парнишка огляделся, надеясь увидеть знакомых и узнать, кого казнили, но люди быстро покидали площадь, чтобы укрыться от горячего ветра, который закидывал их головные платки на лица и делал похожими на бедуинов. На маленькой лужайке перед мечетью муэдзин закрывал деревянные ставни, чтобы защитить здание от надвигавшейся песчаной бури.

Мальчик, подгоняемый ветром, добежал до железного ограждения и спросил у муэдзина имя и профессию казненного. Тот обернулся и, прикрывая лицо от песка, прокричал что-то в ответ. Ветер унес звук его голоса, единственным словом, которое расслышал мальчик, было «зоолог».

Изъятый позже материал, отснятый камерами наблюдения, показал, что муэдзин вернулся обратно и снова занялся своим делом, даже не заметив, что ребенок неотрывно смотрит на мраморный погост, подставив тело обжигающему ветру, а душа его погружена в бездну отчаяния. Несколько минут он стоял неподвижно, твердо решив вести себя, как подобает мужчине, и не плакать.

Мальчик был похож на овеваемую ветром статую. На самом деле, как большинство людей, охваченных безграничным ужасом, он словно бы потерял ориентировку в пространстве и времени. Наверное, бедный парнишка еще долго оставался бы там, но тут один из полицейских подошел к нему и велел убираться, выразительно подняв бамбуковую палку. Чтобы избежать ударов, несчастный ребенок, спотыкаясь, побрел прочь.

Двигаясь вперед сквозь песчаный вихрь, мальчик наконец дал волю слезам, прорвавшим барьер его железной выдержки. Чувствуя себя невероятно одиноким в городе, который теперь ненавидел, он испустил жуткий вопль. Впоследствии очевидцы рассказали, что это был горестный плач, но я знал, что они ошиблись: то был первый крик новорожденного.

На продуваемой горячим ветром автостоянке в центре Джидды произошло рождение Сарацина-террориста. То был процесс не менее кровавый и болезненный, нежели появление его на свет четырнадцать лет тому назад. Позднее неослабевающая любовь к отцу превратила этого человека в пылкого приверженца консервативного ислама, врага всех западных ценностей, сторонника джихада и насилия, откровенного разрушителя монархии короля Фахда.

Спасибо тебе за это, Саудовская Аравия.

Глава 3

Несмотря на огромное богатство, обширные запасы нефти и любовь к самому современному, изготовленному с применением высоких технологий американскому оружию, в Саудовской Аравии ничего не работает как следует. Взять хоть общественный транспорт в Джидде.

Поскольку мопед был сломан, вернуться сын зоолога мог только автобусом. Но ждать его пришлось слишком долго, к тому же поднялась пыльная буря, поэтому, пока Сарацин добирался до дому, родные успели узнать про казнь главы семейства и вот уже целых двадцать минут ждали подтверждения страшной новости.

Вся большая семья собралась в скромной гостиной. Ужас, охвативший мать, быстро передался остальным родственникам. Боль, испытываемая вдовой, была так сильна, что пересилила и страх, и осторожность: несчастная женщина принялась бранить свою страну, ее несправедливые законы и даже самого короля. Ни один мужчина в Саудовской Аравии ни за что не признает этого, однако мать Сарацина была самым умным человеком из всех, что сидели сейчас в гостиной.

Поток горестных обвинений прервался, лишь когда кто-то, выглянув в окно, увидел, что возвращается ее сын. Захлебываясь слезами, мать встретила его в прихожей в полном отчаянии из-за того, что мальчик стал свидетелем казни родного отца. От этого случившееся казалось ей еще более ужасным.

Когда в ответ на немой вопрос матери он отрицательно покачал головой и рассказал об аварии на стройплощадке и поломке мопеда, она, тяжело опустившись на колени, в первый и единственный раз в жизни возблагодарила Аллаха за каждую ссадину на теле сына. Мальчик помог ей подняться и увидел двух сестер, стоявших отдельно от всех, словно бы их высадили на необитаемый остров отчаяния.

Сарацин обнял девочек и поведал собравшимся, какое безысходное горе овладело им по дороге домой: ведь казненному преступнику не полагались ни похоронная церемония, ни достойное погребение – другие члены семьи еще не успели подумать об этом. А ведь и точно, они даже не смогут закрыть покойнику глаза, обмыть его и оказать самую последнюю услугу – завернуть в саван (гробов у мусульман нет). Останки несчастного зоолога будут зарыты на общем участке кладбища, в месте, которое никак не обозначено. Если им повезет, могильщик положит труп на правый бок, лицом к Мекке.

Мать потом вспоминала: несколько месяцев ничто не могло рассеять гнетущее облако скорби, нависшее над домом. Их посещали лишь ближайшие родственники, телефон молчал. Шутка ли: подстрекательство и разложение – это означало, что семья казненного подвергнется остракизму со стороны друзей, знакомых и общества в целом. В каком-то смысле все домочадцы зоолога были брошены в безымянную могилу и похоронены вместе с ним. И все же неуклонное течение дней со временем притупило остроту их горя. Мальчик, который прекрасно учился, взял наконец в руки книги и продолжил занятия дома. Это немного успокоило мать и сестер: ведь образование – шанс обрести лучшее будущее, пусть даже эта перспектива и представлялась им тогда весьма туманной и фантастической.

Через восемь месяцев после казни в темном небе неожиданно забрезжил рассвет: тайком от невестки и внуков дедушка, отец зоолога, неустанно стремился облегчить их участь. Задействовав все свои знакомства и потратив на взятки последние деньги, старик сумел-таки выхлопотать для вдовы сына и троих ее детей заграничные паспорта, разрешения на выезд и визы. Возможно, власти не стали препятствовать отъезду родных казненного, поскольку те служили постоянным напоминанием об их злодействе. Как бы то ни было, дедушка, приехав к невестке и внукам поздно вечером, сообщил ошеломляющую новость: завтра на рассвете им

предстоит покинуть родину. Сделать это надо было как можно скорее, пока люди, которых он подкупил, не передумали.

Всю ночь Сарацин и его родные упаковывали свое нехитрое имущество и, вспоминая пережитое, решили, что прощаться им не с кем. На рассвете семья тронулась в путь. Колонна из четырех автомобилей двенадцать часов ехала через нескончаемую пустыню, мимо бескрайних нефтяных месторождений, пока путники не увидели впереди в сгущающихся сумерках бирюзовые воды Персидского залива.

Через него сверкающим ожерельем протянулась дамба, соединяющая Саудовскую Аравию с независимым островным государством Бахрейн. Дамба короля Фахда – под таким названием известно это чудо голландской инженерной мысли – является одновременно и мостом длиной более шестнадцати миль. И на каждой миле пути саудовский монарх улыбался нашим беглецам с рекламных щитов. А ведь по злой иронии судьбы именно этот человек подписал указ о казни несчастного зоолога. Ненавистное лицо Фахда – последнее, что мальчик увидел, покидая родину.

После того как они заплатили еще одну взятку на границе, дедушке и трем двоюродным братьям Сарацина было разрешено на короткое время въехать в Бахрейн без документов, чтобы перевезти семейные пожитки в дом, который старик снял через знакомых. При виде этого убогого жилища у женщины и детей буквально упало сердце, хотя вслух никто ничего не сказал.

Ветхая лачуга, расположенная на маленькой грязной площади в промышленном районе Манамы, столицы Бахрейна. Входная дверь нараспашку, водопровод едва работает, электричество проведено только в две комнаты, но пути назад нет: все равно ничего хуже, чем оставаться в Джидде, быть не могло.

Когда нехитрый скарб был наконец выгружен, мать с дедушкой прошли в обветшавшую кухню, и женщина тихим голосом поблагодарила отца мужа за все, что он для них сделал. Старик покачал головой, сунул невестке в руку тоненькую пачку банкнот и пообещал, что будет присылать деньги каждый месяц: понемногу, но им должно хватить. Вдова закусила губу, чтобы не расплакаться, – так тронуло ее великодушие свекра, – а тот медленно подошел к внукам, которые наблюдали за ними из грязного двора, и обнял девочек.

Самое трудное старик оставил напоследок. Внук, прекрасно понимая, что происходит, с нарочито деловым видом распаковывал коробки на заднем крыльце. Дед подошел к нему и остановился, ожидая, когда мальчик оторвется от своего занятия. Оба они не были вполне уверены, подобает ли мужчинам открыто проявлять эмоции. Наконец старик шагнул вперед и крепко обнял мальчика. Времени демонстрировать характер у деда не осталось: один Аллах знает, суждено ли им увидеться снова.

Дедушка внимательно посмотрел на парнишку и в который уже раз удивился, как сильно тот похож на своего покойного отца. Кто бы что ни говорил, а все-таки наша жизнь продолжается в детях и внуках – даже всемогущий король не в силах изменить этот порядок вещей. Старик резко повернулся и направился к машинам, велел двоюродным братьям Сарацина заводить моторы. Он не стал оборачиваться, чтобы невестка и внуки не видели слез, струившихся по его щекам.

А мальчик в окружении матери и сестер еще долго стоял в сгущавшейся темноте, глядя, как свет их прошлого гаснет в ночи.

Глава 4

Двумя днями позже мать, впервые за свою взрослую жизнь, вышла на люди без сопровождения мужчины. Она испытывала страх и смущение, но выбора не было: следовало хоть как-то занять детей и отвлечь их от тягостных переживаний. А что еще оставалось делать несчастной женщине, брошенной на произвол судьбы в чужой стране, вдалеке от родных и друзей?

Итак, вдова зоолога села на ближайшей остановке вместе с детьми в автобус, они отправились в центр и весь день бродили там по торговым пассажирам и галереям. Эта прогулка стала для всех четверых настоящим откровением: впервые столкнувшись с либеральной версией ислама, они изумленно разглядывали афиши американских фильмов и голливудских мюзиклов, на которых были изображены западные женщины в шортах и диковинных рубашках с бретельками. Они дивились на мусульманок в искусно сшитых абаях, которые сменили свои чадры на солнцезащитные очки от Шанель.

Было одно обстоятельство, больше всего поразившее мальчика. Раньше он не видел лиц чужих женщин даже на фотографиях, только мать и ближайших родственниц. Журналы и афиши, где изображены женщины без чадры, в Саудовской Аравии строго запрещены. А в магазинах Бахрейна Сарацин получил возможность сравнивать и понял то, чего иначе не узнал бы никогда: его мать очень красива.

Конечно, каждому сыну кажется, будто его мама лучше всех на свете, но в данном случае мальчик судил абсолютно беспристрастно. Их мать была совсем еще молода (всего тридцать три года) и отличалась безупречной кожей и правильными чертами лица: большие миндалевидные глаза, в которых светился ум, красивый прямой нос, чудесный изгиб рта. Более того, пережитые страдания придавали вдове грацию и надменность, плохо сочетавшиеся с теперешним ее убогим существованием.

Однажды ночью, когда сестры уже спали, Сарацин сидел на кухне, освещенной лампочкой без абажура, и сбивчиво говорил матери, как она красива. Она, смеясь, поцеловала сына в макушку, но, когда легла в постель, тихо заплакала: раз мальчик начал замечать женскую красоту, значит он растет и скоро отдалится от нее.

Через некоторое время вдове удалось пристроить всех троих детей в хорошие школы, а Сарацин, кроме того, после шести неудачных попыток нашел подходящую мечеть, достаточно строгую и антизападную по своему духу, – отец одобрил бы его выбор. Пятнадцатилетний подросток, который всюду ходит один, без сопровождения взрослых мужчин, – необычное для мусульман явление, поэтому в первую же пятницу после молитвы слепой от рождения имам и несколько прихожан пригласили Сарацина на чаепитие в красивом саду рядом с мечетью.

Сидя под усыпанным лиловыми цветами палисандром, мальчик старался поменьше рассказывать о том, как оказался в Бахрейне, но его собеседники не дали увести разговор в сторону. Иمامу Сарацин лгать не посмел и в конце концов вкратце поведал присутствующим историю жизни и смерти своего отца. Выслушав мальчика, мужчины склонили голову в знак уважения к казненному.

– Разве найдется такой сын, да и вообще хоть один правоверный мусульманин, который не гордился бы человеком, смело защищавшим свою веру и ее ценности? – сердито вопрошали они.

Для мальчика, опозоренного и отвергнутого обществом, давно уже страдающего от одиночества, это было словно целительный бальзам на раны. Посещение мечети стало для него настоящей отдушиной.

Слепой имам объяснил подростку, что Аллах посылает человеку столько страданий, сколько тот способен выдержать, а потому ужасные события, случившиеся в Джидде, следует рассматривать как свидетельство мужества и истинной набожности его отца. Имам протянул

Сарацину руку и провел пальцами по лицу мальчика, чтобы запомнить его черты. То был знак уважения, своеобразного приобщения к религиозному братству.

Сарацин не стал ничего говорить матери о собраниях в мечети, которые посещал почти каждый вечер, упомянул лишь, что все прихожане – высокообразованные и достойные люди. Имам предупредил его, что они занимаются чисто мужским делом и не следует рассказывать об этом всем подряд.

Вот так мальчик впервые приобщился к радикальному исламу, став членом ячейки «Братьев-мусульман». Матерью же и сестрами его владели совсем иные настроения. В отличие от большинства жителей Бахрейна, в семье Сарацина не имелось телевизора, однако воздействие на девочек поп-культуры росло с каждым днем – она была повсюду: в школе, в торговых центрах, на рекламных щитах. Правда, как и в любой другой стране этого региона, поп-культура воспринималась как явление, чуждое арабским традициям.

Стремительная американизация сестер вызывала жаркие споры между мальчиком и матерью, и однажды вечером вдова зоолога жестко и прямо заявила сыну, что, как ни крути, а их будущее связано с Бахрейном – иных вариантов просто нет. Она хочет, чтобы девочки чувствовали себя тут как дома, обрели бы друзей и привязанности. Мать пояснила, что желает для всех своих детей счастья, и, если для этого потребуются отказаться от образа жизни, принятого в Саудовской Аравии, она не прольет ни слезинки, оплакивая то, что доставило им столько страданий.

– Одиночество, – сказала мать, – острая бритва, которая режет сердце на части, а ребенок имеет право мечтать. И если девочки не будут бороться за свое счастье сейчас, то они не обретут его никогда.

Женщина говорила с сыном доверительно и в то же время страстно, чувствовалось, что она много думала на эту тему. Мальчик никогда прежде не видел мать такой возбужденной и понял, что, хотя для окружающих она по-прежнему оставалась мусульманкой, однако в глубине души ощущала, что Бог ее оставил, и самым главным теперь для нее стали счастье детей и собственная жизнь. Сильно обеспокоенный этим, Сарацин напомнил ей, что Аллах наблюдает за ними, и пошел спать.

Мать же вошла в комнату дочерей, разбудила их и обняла. Она сказала, что, хотя девочки теперь смотрят на жизнь другими глазами, им не следует оскорблять брата своей музыкой, и предупредила сестер, что, когда они идут в школу, необходимо надевать чадру.

Девочки, которые сильно напоминали мать как внешне, так и по темпераменту, стали возражать. Она успокоила дочерей, сказав, что брат их очень любит и лишь выполняет свои обязанности, взвалив на себя груз ответственности перед покойным отцом. Посмотрев девочкам в глаза, женщина поняла: обе страстно желают, чтобы мама изменила свое решение, и слегка улыбнулась. Она собиралась открыть им тайну, чего раньше никогда не делала.

– Мне нужна ваша помощь, – сказала она. – Я должна решить с сыном один важный вопрос: хочу кое-что ему предложить, но он ни за что не согласится, если будет думать, что вы испорченные девчонки. Пожалуйста, поддержите меня.

Заинтригованные, сестры молчали, гадая, что же такое мама надумала предложить их брату. А та продолжала:

– Поймите же, что так больше продолжаться не может. У нас ведь даже нет своего угла, мы живем в чужом доме на деньги, которые присылает нам дедушка. А ведь он далеко не молод. Что, если дедушка умрет и мы лишимся его помощи? Одним словом, я решила поступить на работу.

Из всех уроков, которые выучили сестры, воспитанные как истинные мусульманки, мать продемонстрировала им в этот вечер самый важный: надо уметь брать на себя ответственность, единственную лестницу в небо человек возводит для себя на земле. Девочки воззрились на нее в немом изумлении: «Решила поступить на работу?! Ну и ну!»

Мать рассказала, что еще давно, несколько недель назад, услышала об этой вакансии и позвонила в компанию. Она уже почти забыла о своей затее, когда вдруг пришло письмо: ее приглашали на собеседование. Их брату она пока еще ничего не говорила, сильно сомневаясь, что ее примут. Не стоит обольщаться: ей почти наверняка откажут, вряд ли первая же попытка окажется удачной, так что ни к чему понапрасну заводить споры, ведь ее никуда еще не взяли. Вот пока что и все, заключила мама, кроме этого, она девочкам сейчас больше ничего не скажет. И вообще, уже поздно, пора спать.

А утром сестренки выразили свою поддержку матери в единственно доступной им форме: сняли со стен афиши и постеры, отправили в мешки с мусором пачки журналов, спрятали подальше диски с поп-музыкой и косметику.

В день собеседования, отправив детей в школу, мать достала свои скромные сбережения и, следуя тщательно продуманному плану, пошла в маленький бутик в одном из лучших торговых центров, где купила дамскую сумочку от Луи Вуитона и солнцезащитные очки от Гуччи.

В общественном туалете женщина выбросила в мусорную корзину старую сумку и сняла чадру. Вдова зоолога была полна решимости пустить в ход все свои преимущества, включая и то, о котором говорил ей сын несколько месяцев назад. Однако отбросить привычки былой скромной жизни оказалось непросто: даже надев темные очки, бедняжка никак не могла отважиться взглянуть на себя в зеркало.

И вот наконец, найдя себя вполне современной и очень красивой, женщина выскользнула за дверь и быстро добралась до расположенного рядом здания компании. То был главный офис «Бателько», местного телефонного монополиста. Дрожа от страха и возбуждения, мать Сарацина села в кресло и стала ждать, когда ее вызовут на собеседование. Ей пришло в голову, что сходные ощущения она испытывала в первую брачную ночь, – сейчас бедняжке казалось, будто она голая.

«Неудивительно, что женщины любят наряжаться, выходя на люди», – подумала она.

Девушка-секретарь провела очередную кандидатуру в конференц-зал, где двое мужчин и женщина-администратор рассказали ей, что их компания увеличивает число сотрудников, отвечающих за связи с клиентами. И поинтересовались, что она об этом думает. Мать Сарацина ответила, что это неплохая идея: клиентам будет приятно, что им станут уделять больше внимания.

Мужчина-начальник посмотрел на нее и рассмеялся. Весь день многочисленные претендентки твердили одно и то же: какая у них замечательная компания и как все мечтают там работать. И вот наконец-то довелось услышать что-то новенькое. Продолжая улыбаться, начальник объяснил: придется иметь дело главным образом с жалобами клиентов на завышенные цены, разбираться, правильно ли выставлены счета за услуги, раскрывать тайны тарифных планов.

Женщина сказала, что хотя у нее нет опыта, она все же в некотором роде эксперт: поскольку она вдова со скромными доходами, ей постоянно приходится внимательно изучать все квитанции, включая и те, что присылает «Бателько», и разбираться с платежами. Увлечшись, мать Сарацина продолжала говорить, не замечая, что хотя сотрудники компании и кивают, но едва слушают ее.

Они понимали, что для этой работы нужны не столько знания технического характера, сколько умение общаться с разгневанными абонентами. Женщина, сидящая перед ними, похоже, обладала редким сочетанием ума и такта, необходимым, чтобы справиться даже с самым капризным клиентом.

Члены комиссии переглянулись, используя для общения мимику – подняли брови, едва заметно пожали плечами, – и, не обмолвившись ни словом, приняли решение. Мужчина-начальник, прервав кандидатуру на полуслове, спросил, готова ли она приступить к работе с понедельника. Мать мальчика была так взволнована, что не смогла ответить сразу, и только когда вопрос повторили, наконец кивнула.

Когда женщина выходила из конференц-зала, ее обуревал целый вихрь мыслей и эмоций, но одно она знала твердо: пока что нельзя делиться новостью с дочерьми. Все еще может рухнуть при попытке преодолеть последний барьер, которым был ее сын.

После обеда мать попросила мальчика сходить вместе с ней в ближайший продовольственный магазин. Она еще с утра планировала сделать это и, когда они вышли, поняла, что удачно выбрала время: была пятница и народу на улицах было много. Кучки молодых людей собирались у автомастерской; то здесь, то там попадались группы сидевших на корточках пакистанцев – из числа тех, что работали на расположенных поблизости заводах; мимо проезжали машины, заполненные компаниями шумных парней, желавших развлечься в городских кинотеатрах. По дороге мать сказала сыну, что очень скоро они столкнутся с непростой проблемой: девочки вступят в такой возраст, когда – не важно, в чадре или без нее – уже не смогут больше выходить одни из дому.

Мальчик кивнул: он уже думал об этом. Как единственный мужчина, он был главой семьи и отвечал за честь сестер.

– Надо переехать в более благополучный район, – заключила мать.

– Хорошо бы. Только где мы возьмем на это деньги?

– Я собираюсь поступить на работу, – тихо сказала она, не сообщая пока, что намерена выйти на службу уже в понедельник.

Сарацин остановился и удивленно уставился на нее:

– Это просто смешно!

Женщина потупила взор в притворной покорности, мудро пережидая, пока у сына не пройдет первый порыв гнева. Он повернулся, направляясь к бакалейной лавке, но мать не сдвинулась с места.

– Может быть, это и смешно, но что, интересно, ты можешь предложить взамен? – спокойно поинтересовалась она. – Как нам иначе обеспечить безопасность девочек?

Он не остановился, но мать не пошла за ним, преисполненная решимости сражаться с сыном за шанс обрести лучшую жизнь.

– Нельзя же все время рассчитывать на чьи-то благодеяния! – крикнула она ему вслед. – Я должна прежде всего думать о своих детях! Если у меня будет работа, мы сможем позволить себе новую жизнь и...

Она не закончила фразу. Сарацин обернулся, разъяренный, и шагнул в ее сторону:

– Мой ответ: «Нет!» Это неправильно.

Мальчик потянул мать за рукав, но она уже видела впереди просвет, которого так страстно желала.

– Возможно, работающие женщины и оскорбляют чувства фанатичных имамов, но в этом нет ничего неправильного, – холодно заметила она.

Мальчику показалось, что сейчас между ними разверзнется пропасть. Заметив мужчин, которые с интересом прислушивались к разгорающемуся семейному спору, он попытался увести мать:

– Пойдем отсюда! Ты выставяешь нас на посмешище.

Но она осталась на месте.

– Нет уж, объясни, пожалуйста, почему это неправильно? Я тоже читала Коран и изучала основы нашей религии. Скажи-ка мне, где в исламском учении сказано, что женщине не подобает честно трудиться?

– Это неправильно, потому что я так сказал... – начал было Сарацин, но мать моментально осадила его:

– Выходит, твое мнение важнее того, что сказал Пророк, да пребудут с ним мир и благословение Аллаха?!

Даже думать так было бы святотатством. На мгновение подросток потерял дар речи.

А мать выдвинула решающий аргумент:

– По воле Аллаха ты занял место отца. Теперь научись поступать так, как поступил бы он. Думаешь, отцу понравилось бы, что его жена и дочери так живут?

Мальчик прекрасно знал ответ. Он пытался мысленно преодолеть то огромное расстояние, что разделяло два пола, и заглянуть в крошечное окошко – узкую щель в чадre матери. Вот уже на протяжении тысячи с лишним лет в арабских странах это был единственный для мужчин и женщин способ увидеть друг друга.

Красивые грустные глаза матери встретили его взгляд.

– Я спрашиваю тебя: понравилось бы твоему отцу, что мы живем в таких условиях? Отвечай, – потребовала она.

Мальчик хотел, чтобы женщина первая отвела взгляд, но она продолжала смотреть на него, и его глаза скользнули в сторону. Как бы то ни было, она оставалась его матерью и он горячо любил ее.

– А сколько тебе будут платить? – наконец спросил он.

Глава 5

Золотая осень саудовского семейства могла бы растянуться на целую вечность, если бы не бригада строительных рабочих из Бангладеш.

Через месяц после того, как сын согласился, чтобы мать пошла работать, они переехали в более благополучный соседний район. Пять дней в неделю вдова зоолога по утрам вместе с девочками садилась в автобус и ехала на работу. Никогда раньше жизнь не казалась ей столь осмысленной, она не испытывала прежде такой тихой радости от присутствия дочерей. Конец идиллии наступил через два дня после того, как рабочие начали возводить рядом со школой мальчика новое офисное здание.

Не слишком умелые и квалифицированные бангладешцы при подготовке стройплощадки повредили экскаватором подземные трубы и кабели, выведя из строя школьную систему кондиционирования воздуха. Обескураженный водитель бульдозера с тоской взирал на свою злополучную машину, а дети радостно махали ему из окон, понимая, что занятий сегодня уже не будет.

Сарацин решил сделать матери сюрприз, пригласив ее пообедать вместе. Однако автобусы в Манаме ходят так же плохо, как и в Джидде, поэтому он опоздал на несколько минут: офис компании «Бателько» уже закрыли на перерыв. Не сомневаясь, что мать сейчас внутри здания, в кафетерии для сотрудников, куда ему не попасть, мальчик отправился в соседний торговый центр, чтобы утолить жажду и решить, как провести неожиданно появившееся свободное время.

Сойдя с эскалатора, Сарацин внезапно увидел мать, и в этот миг ему показалось, что здание новой жизни, которое они все вместе выстроили для себя в Бахрейне, взлетело на воздух. Его мать, без чадры и с накрашенными губами, сдвинув на лоб темные очки от Гуччи, обедала в кафе в компании сослуживцев.

Мальчик ошеломленно разглядывал ее открытое, слегка тронутое косметикой лицо, и ему казалось, что мать предстала перед ним голой. Какое бесстыдство: ведь вместе с ней за большим столом сидели четверо мужчин, причем с первого взгляда было ясно, что они не из числа тех, кто будет защищать честь своих дочерей или сестер.

От такого страшного предательства мальчику стало физически плохо: он испытал приступ ужасной тошноты. Бедняге кое-как удалось с этим справиться, но тут его буквально захлестнуло отчаяние: получается, он потерпел неудачу, подвел своего покойного отца, причем самым худшим образом.

Первым порывом Сарацина было подбежать к матери, закрыть ей лицо чадрой и силой увести домой, но он все же заставил себя уйти. Донельзя взбешенный, чувствуя, что все безвозвратно испорчено, он отправился в единственное место, где мог получить утешение, – в мечеть. Мальчик отчаянно нуждался в совете имама и других воинов мусульманского братства.

Домой Сарацин пришел поздно ночью и на следующее утро специально встал попозже, чтобы не общаться с матерью и сестрами до полудня. Как ни странно, мальчик ничего не сказал о том, что видел в торговом центре, но уже за обедом мать догадалась: с ним что-то не так.

Когда девочки легли спать, женщина поинтересовалась, что случилось, но сын, угрюмый и погруженный в себя, отказался разговаривать. Единственное объяснение, которое пришло ей в голову – здесь замешана девушка. Мать решила не давить на сына: у нее были братья и она знала, как трудно иной раз протекает у мальчиков подростковый период.

Лишь через несколько дней Сарацин наконец-то завел разговор с матерью. Глядя куда-то в сторону, мальчик заявил, что после многих месяцев раздумий он решил вести религиозную жизнь, чтобы однажды с Божьей помощью стать имамом.

Мать, ошеломленная, смотрела на него, даже не пытаясь возражать. Она, конечно, думала о будущем своего сына, но такого поворота никак не предвидела.

Мальчик спокойно сказал ей, что прекрасно понимает, сколь трудный путь выбирает человек, который хочет полностью посвятить себя Аллаху, однако после смерти отца религия принесла ему больше утешения, чем что-либо другое. И сослался на имама: мол, тот считает, что отец был бы чрезвычайно горд, узнав, что его сын принял такое решение.

Мать знала: это правда. Теперь женщине стало ясно, почему в последнее время мальчик так странно себя вел, и все-таки в выборе сына было что-то совершенно ей непонятное. Похоже, он чего-то недоговаривал.

Вдова зоолога испытующе глядела на своего единственного мальчика, который с каждым днем все больше и больше походил на отца, что только усиливало ее любовь к сыну. Мать пыталась вызвать его на откровенный разговор, но он невозмутимо встретил ее взгляд и упорно молчал.

– Через две недели мне исполнится шестнадцать, – наконец сказал Сарацин. – Но мне все равно пока еще нужно твое разрешение, чтобы получить загранпаспорт. Я хочу на месяц съездить в Пакистан.

Тут бедная женщина и вовсе лишилась дара речи.

«В Пакистан? Этого еще не хватало! И при чем здесь Пакистан? А как же школа?»

Словно подслушав ее мысли, сын пояснил:

– Эта поездка придется на время летних каникул и никак не повлияет на учебу. В Пакистане, неподалеку от города Кветта, есть знаменитая медресе – религиозная школа, где дают прекрасные знания юношам вроде меня, еще только начинающим свой жизненный путь. Имам сказал, что лучшего учебного заведения для того, кто хочет сделать карьеру на духовном поприще, просто не найти.

Мать кивнула: она словно бы сама слышала, как незрячий священник говорит это. Но что этот человек знает о ее сыне? Посвятить себя служению Аллаху? Ее мальчик высокий и красивый, прекрасно сложенный и очень сильный, – она сомневалась, что он удовлетворится в жизни одной лишь религией.

– Так ты согласна? – настаивал Сарацин.

– Даже если бы я и согласилась, где мы возьмем деньги на такую поездку? – осторожно возразила мать, выбрав для начала самый простой и разумный аргумент.

– Курс обучения там бесплатный, – пояснил сын, – билеты на самолет обещал оплатить имам. Другие члены общины сказали, что напишут своим друзьям и договорятся насчет жилья. Женщина закусила губу: ей следовало бы предвидеть что-то подобное.

– Когда ты уезжаешь? – спросила она.

– Через десять дней, – ответил он, опасаясь, что мать сочтет его отъезд слишком поспешным.

– Когда?! – Бедняжка не поверила своим ушам.

– Через десять дней, – невозмутимо повторил мальчик.

Матери не сразу удалось унять бешеный стук сердца. И лишь тогда она осознала причину охватившего ее страха: если сейчас она не захочет помочь сыну, между ними возникнет непреодолимая пропасть.

– Ну так что, ты согласна? – вновь спросил Сарацин, на этот раз достаточно агрессивным тоном, чтобы его родительница поняла, какого ответа он от нее ждет.

– Я никогда не стану препятствовать столь благородным стремлениям, – сказала мать. – Но у меня есть некоторые опасения, поэтому, прежде чем принять окончательное решение, я бы хотела поговорить с имамом. Я должна убедиться, что все хорошо организовано.

Мальчик поднялся с места, ласково улыбаясь:

– Ну конечно. Он ждет твоего визита.

Через два дня, вполне удовлетворенная беседой с имамом, мать написала заявление на ускоренное оформление загранпаспорта. В тот же день мальчик сходил в офис авиакомпании «Пакистан эйр» и купил билет.

К тому времени мать сообразила, что сын будет отсутствовать в собственный день рождения, поэтому в суматохе сборов она и девочки все-таки решили сделать ему сюрприз – устроить празднование дня рождения перед самым его отъездом. Секрет этот скрыть не удалось, но мальчик, казалось, им подыгрывал, притворяясь, что не замечает обилия приносимой в дом еды и приглашений, рассылаемых друзьям по школе и мечети.

Однако в тот день, на который была намечена вечеринка, он встал уже в четыре утра и оделся. Тихонько проскользнул в комнату сестер и постоял возле их кроватей. Бедняжки совсем выбились из сил, хлопоча накануне до полуночи, чтобы закончить все приготовления. Ни одна из девочек даже не шелохнулась.

Мальчик смотрел на их милые лица, тихо плывущие через темные океаны сна, и, возможно, только в этот миг понял, как любит сестер. Но время было неподходящее, чтобы проявлять слабость. Он положил на постель каждой из них по экземпляру Корана со своей дарственной надписью и осторожно поцеловал девочек на прощание.

С тяжелым сердцем (он и сам не ожидал от себя таких сильных эмоций) мальчик спустился в холл и открыл дверь в комнату матери. Она спала на боку, лицом к нему, освещенная мягким мерцанием ночника в ванной.

Не говоря никому ни слова, Сарацин три дня назад вновь посетил офис пакистанской авиакомпании и поменял билет на сегодня, на шесть часов утра. С тех пор как мальчик случайно увидел мать в кафетерии торгового центра, он тщательно скрывал свои чувства, но не был уверен, что сумеет подавить их во время прощальной вечеринки. Сарацин один знал о том, что не вернется через месяц, как обещал. На самом деле он не имел ни малейшего представления, увидит ли снова своих близких вообще хоть когда-нибудь.

Глядя сейчас на мать, Сарацин понял: легких путей не бывает. Мальчик вырос в стране, большую часть которой занимают пустыни, и только раз в жизни видел туман. Однажды рано утром отец разбудил его, и они вдвоем наблюдали за стеной белого пара, которая загадочным образом двигалась к ним через Красное море. А сейчас воспоминания одно за другим выплывали из глубин памяти: большой живот матери, беременной его сестрой; отец сильно бьет жену по губам за непослушание; мамино красивое лицо, словно в танце, колышется от смеха, вызванного его шуткой. Сменяющие друг друга эмоции – от надежды до отчаяния, от детской любви до горького разочарования – обволакивали Сарацина, пока он совсем не затерялся в их белой подвижной вселенной.

Кто знает, как долго мальчик плыл бы по волнам печальных воспоминаний, если бы не далекий крик муэдзина, зовущий правоверных на молитву. Это означало, что светает и надо торопиться. Сарацин приблизился к постели матери и низко склонился к ее лицу, чувствуя на своей щеке легкое дыхание. Говорят, когда мужчины умирают на поле битвы, их пальцы почти всегда цепляются за землю. Они пытаются удержаться на ней, вобрать в себя всю боль и любовь, которые в ней есть.

Если бы мальчик в этот момент опустил глаза, он увидел бы, что его пальцы непроизвольно сжимают покрывало материнской кровати. Сын поцеловал ее в лоб и пробормотал то единственное слово, которое никогда не говорил маме раньше, – назвал ее по имени, словно она была его ребенком.

Выпрямившись, Сарацин попятился к двери, стараясь как можно дольше не отводить глаз от матери. Затем он схватил рюкзак и вышел из дому в новую жизнь, но уже буквально через несколько шагов побежал, боясь, что желание вернуться обратно пересилит.

В конце улицы, как и было условлено, его ждала машина, где сидели имам и два видных члена мусульманского братства. Они приветствовали мальчика, тот забрался на заднее сиденье, шофер включил сцепление и направился в аэропорт.

Мать проснулась спустя два часа. Было еще рано, но она хотела закончить приготовления к праздничной вечеринке. На кухне женщина обнаружила адресованное ей письмо. Едва мать начала читать, как ей показалось, словно бы откуда-то снизу, захлестывая ее, поднимается огромная волна ледяной воды. Затем она почувствовала, что ноги у нее подгибаются, и, не успев опуститься на стул, бедняжка рухнула на пол.

В немудрящих словах сын описал, как увидел ее в торговом центре в позорном, неподобающем мусульманке виде. Он не сомневался, что девочки ей сочувствуют и тоже придерживаются подобных взглядов. Получается, что он не сумел исполнить свой долг перед покойным отцом – защитить честь матери и сестер.

Когда вдова зоолога читала эти две странички, исписанные аккуратным почерком, она получила тот же самый урок, что и многие другие родители: наиболее жестоко нас ранят собственные дети.

Дочитав последний абзац, женщина поняла, что имам обманул ее. То, что узнала мать, разорвало последние нити, на которых едва-едва держалось ее самообладание, и она рухнула в настоящую яму – бездну утраты, вины и жуткого страха.

Сын написал, что действительно едет в Кветту, однако на самом деле там нет никакого знаменитого на весь мусульманский мир медресе, зато высоко в горах есть учебный лагерь совсем другого типа. Там он пройдет полуторамесячный курс обучения, а потом по маршруту, издавна знакомому контрабандистам, его переправят через границу на поле битвы. Мальчик признался матери, что вовсе не мечтает посвятить себя религии. Как и подобает правоверному мусульманину, он направляется в Афганистан, чтобы участвовать в джихаде против советских захватчиков, убивающих детей ислама.

Глава 6

За девять лет Афганской войны погибло более миллиона человек, однако Сарацин благополучно уцелел. Это дало повод многим (учитывая то, что он сотворил позже) сомневаться если не в существовании Бога, то, по крайней мере, в Его здравом смысле.

Перейдя афганскую границу, Сарацин два года сражался против советских войск. И вот в одну холодную февральскую ночь он стоял на вершине горной гряды и смотрел вниз на дорогу, по которой можно было добраться аж до самой Европы. Ему уже исполнилось восемнадцать, и он стал высоким и сильным.

Лунный серп бросал тусклый свет на зубчатые ряды горных пиков и скал, где стояли, как часовые, еще десять тысяч закаленных в битвах моджахедов.

Всем им приходилось видеть немало ужасного: например, танец русского пленного, которого окунули в бензин, а потом подожгли, или своих убитых товарищей, которым враги засунули в рот отрезанные гениталии. Но в ту ночь – ночь миллиона звезд – они могли бы точно так же стоять на пятом кольце Сатурна, наблюдая, как проплывает мимо фантастический Звездный флот из Объединенной Федерации Планет.

Широкая долина внизу протянулась на сорок миль, а если верить афганскому военному радио, общая длина двухполосного шоссе со щебеночно-асфальтовым покрытием составляла целую сотню миль. Дорога была забита низкими автомобильными платформами, грузовиками и танковыми транспортерами. Через каждые несколько миль, освещая ночь, горели костры, словно бы некая христианская версия погребальных огней. Когда мимо них проезжали машины, солдаты, охраняющие колонну, выбрасывали излишки снаряжения и амуниции: белые зимние маскхалаты, ящики с продовольствием, палатки, комплекты медикаментов первой помощи.

Иногда происходили случайные взрывы боеприпасов или осветительных патронов. Тогда люди, ехавшие в машинах, бросались на землю, а небо освещалось смертоносными фейерверками. Когда эти ослепительные вспышки гасли, солдаты самого большого конвоя в мировой истории испытывали острое чувство облегчения. Машины направлялись в сторону реки под названием Амударья, что протекает на границе с Узбекистаном: огромная советская Сороковая армия, оккупировавшая Афганистан, уходила побежденная.

Сарацин, как и все остальные моджахеды, знал, почему русские проиграли войну. Дело было даже не в мужестве повстанцев или принятом в Москве решении вести несправедливую войну. Нет, просто Советы были лишены помощи Бога: именно вера моджахедов принесла им победу.

– Аллах акбар! – раздался голос с вершины высокой скалы.

Десять тысяч глоток благоговейно подхватили этот клич, прислушиваясь к эху.

– Аллах акбар! – разносилось снова и снова над уходящей домой советской армией. Афганистан, ставший могилой для многих империй, возвещал об очередной своей жертве.

Две недели спустя двадцать вооруженных людей въезжали на лошадях в занесенную снегом деревню, где расположились лагерем Сарацин и другие покрытые боевыми шрамами иностранные воины ислама.

Возглавлял их Мохаммед Абдул-хан, который был легендой даже в те времена титанов. Советские войска оккупировали страну, когда ему было уже за сорок. Он ушел сражаться вместе со всем своим кланом, но вскоре его заманили в ловушку два «военных советника» из другого племени. После ожесточенной перестрелки Абдул-хана взяли в плен и, поместив в кабульскую тюрьму, пытали столь изощренно, что это вызвало отвращение даже у русских надзирателей. Когда вспыхнул кровавый тюремный бунт, Абдул-хану удалось бежать, и только благодаря силе духа он смог вынести все тяготы пути и добраться до своей горной твердыни.

Через шесть месяцев, когда здоровье Абдул-хана частично восстановилось, он наконец-то реализовал мечту, которая придавала ему силы в долгие часы побоев и пыток электрическим током: моджахеды взяли живыми двух изменников, предавших его. Абдул-хан не пытал их. Пленников раздели догола, привязали к их спинам тяжелые стальные блоки и положили предателей лицом вверх в большие литейные формы. Встать они не могли, лишь отчаянно молотили руками и ногами, наблюдая, как жидкий бетон заполняет изложницы.

Когда смертоносный поток накрыл пленников, его остановили и дали бетону застыть. Очертания бьющихся конечностей и кричащих ртов несчастных теперь были навеки скульптурно запечатлены в этом гротескном барельефе.

Стальные блоки, в которых были погребены люди с их вечной жаждой побега, замуровали в стену роскошной переговорной комнаты в апартаментах Мохаммеда Абдул-хана – в назидание гостям. Больше его никто не предавал.

Появившись в тот день в промерзшей горной деревушке со своим эскортом, Абдул-хан, несравненный военачальник и благочестивый мусульманин, объявил себя губернатором этой провинции. Именно в таком качестве он совершал поездку по своим обширным владениям, чтобы поблагодарить иностранных воинов за помощь и посодействовать им в возвращении на родину.

А еще во время этого длительного путешествия Абдул-хан очень надеялся увидеть одного человека. В течение двух лет он слышал рассказы о Сарацине, который вел свою личную военную кампанию, обосновавшись в горах. Из оружия у него имелись лишь переносной зенитно-ракетный комплекс «Блоупайп», предназначенный для поражения низколетящих вертолетов и самолетов (он весил сорок фунтов, и Сарацин носил его за спиной) да автомат АК-47.

С тех пор как первые советские танки пересекли афганскую границу, русские потеряли более трехсот двадцати вертолетов. В их числе были и три грозных «хайнда»⁶, уничтоженных молодым арабом из своего «Блоупайпа». Два вертолета он сбил в самые тяжелые месяцы войны и еще один – в последнюю неделю вооруженного конфликта. По любым меркам это было замечательным достижением.

С изможденного красивого лица Абдул-хана, который стал хромать после пребывания в здании, в шутку названного русскими Кабульским спортивным клубом, не сходила улыбка, даже когда он превращал людей в бетонные статуи. В тот вечер губернатор устроил прием, где выслушивал любые просьбы собравшихся, шла ли речь о лечении или о деньгах на обратную дорогу. Только Сарацин, державшийся где-то позади, ни о чем не просил и вообще помалкивал. Такое поведение еще больше расположило к нему военачальника.

Когда закончился праздничный обед, проходивший в столовой деревенской общины, губернатор уединился с Сарацином в алькове и лично подал ему чай. В долинах до самой китайской границы завывал ветер, начался сильный снегопад, а в камине уютно потрескивало пламя. Абдул-хан сказал, что слышал о молодом человеке как о глубоко набожном мусульманине, и поинтересовался, так ли это на самом деле.

Тот кивнул в ответ. Тогда губернатор рассказал ему об ученом богослове, командире моджахедов, который потерял в бою глаз, а теперь хочет основать в Кандагаре собственное элитное медресе. В школу будут принимать бывших бойцов, и, если Сарацин хочет углубленно изучать ислам, дабы постичь его великолепие, Абдул-хан с радостью оплатит все расходы.

Сарацин, потягивавший чай из жестяной кружки и куривший предложенную губернатором американскую сигарету, слышал о Мохаммеде (Мулле) Омаре и его группе талибов – этим арабским словом называют в Афганистане людей, ищущих религиозных знаний. Хотя Сарацину и польстило предложение губернатора, он отрицательно покачал головой:

⁶ «Хайнд» (*Hind*) – кодовое наименование, принятое в НАТО для обозначения советского (российского) ударного вертолета Ми-24.

– Я поеду домой, в страну, где родился.

– Ты собираешься в Джидду? – спросил губернатор, не в силах скрыть изумление. Однажды ночью у костра он слышал чей-то рассказ про то, что якобы в свое время у Сарацина казнили отца, после чего и начался долгий путь юноши к джихаду.

– Нет, в Эр-Рияд, – ответил Сарацин, и Абдул-хан понял, что тот говорит о столице Саудовской Аравии, резиденции короля Фахда и правящей династии. – Может, вы слышали, что они сделали с моим отцом? – спросил юноша, глядя в глубоко посаженные глаза Абдул-хана.

– Да, люди говорили об этом, – тихо промолвил военачальник.

– Сами понимаете: я должен отомстить.

Это было сказано спокойно, без злобы и прозвучало как простая констатация факта. Если бы губернатор услышал такие слова от любого другого молодого человека, он бы лишь рассмеялся и предложил собеседнику еще одну душистую сигарету. Но другие юноши никогда не противостояли один на один советскому вертолету «хайнд» во всей его мощи и неистовстве, да им даже в кошмарном сне такое не могло привидеться. Наблюдая за Сарацином, Абдул-хан спрашивал себя: а хватило бы ему, имейся у него из всего оружия один только «Блоупайп», мужества совершить такое? Как и многие в Афганистане, губернатор знал, что из всех изобретений ракета – едва ли не самое худшее и опасное: она угрожает жизни несчастного, которому приходится с ней управляться.

Пятифутовый контейнер, в котором размещается ракета, имеет пульт управления для ручного наведения и спусковой механизм. Чтобы произвести выстрел, стрелку-оператору нужно из положения стоя или из положения с колена навести комплекс на цель и запустить ракету с помощью спускового механизма. Оператор должен быть облачен в специальное обмундирование, защищающее его от выхлопных газов и реактивной струи во время запуска ракеты. При этом наблюдается яркая вспышка, что делает стрелка особенно уязвимым для экипажей предполагаемых целей. Еще одна сложность заключается в том, что во время полета ракеты приходится удерживать цель в поле зрения при помощи джойстика на пульте управления. На это уходят драгоценные секунды, и экипаж вертолета может опередить стрелка-оператора, мгновенно развернуть воздушное судно и шквальным огнем уничтожить противника.

А ведь этого одинокого восемнадцатилетнего юношу некому было не только защитить, но, если что, даже похоронить. И все же он не раз в полный рост стоял, когда солнце клонилось к закату, на каменистой горной осыпи, где только длинные тени могли укрыть его, а куски камней и ураган пуль, выпущенных советскими вертолетчиками, пролетали мимо. Стоять там, когда вокруг бушует настоящий смерч, мир кружится в вихре и раскалывается на части, слышать оглушительный рев несущих винтов и двигателя быстро приближающейся машины, пронзительный визг пулемета и грохот пушки, не отступать, не пускаться в паническое бегство, избегая боя, и при этом манипулировать джойстиком перед лицом надвигающейся гибели, в страхе считать бесконечные секунды, надеясь, что мчащийся прямо на тебя конь Апокалипсиса свернет в сторону, направлять головную часть ракеты в самое уязвимое место вертолета, ощущать жар взрыва, запах горящей плоти и смерти (слава Аллаху, не твоей, по крайней мере на этот раз) – такое по плечу немногим мужчинам.

Три раза Сарацин участвовал в самой страшной, какую только можно вообразить, игре «кто первым струсит», и трижды он выходил из нее победителем. Нет, Абдул-хан никогда не стал бы смеяться над таким юношей, что бы тот ни сказал.

– Лучше живи здесь, – вполголоса посоветовал ему военачальник. – Саудовцы арестуют тебя сразу же по приезде. Ты оставил такой след в истории джихада, что под своим настоящим именем перейти границу тебе будет невозможно.

– Знаю, – ответил Сарацин, подливая им обоим чаю. – Отсюда я поеду в Кветту. На местном оружейном рынке за тысячу долларов можно купить паспорт на любое имя.

– И все же будь осторожен: в Пакистане, как правило, недостаточно искусно подделывают документы. Уроженцем какой страны ты себя назовешь?

– Я не против стать ливанцем. В Бейруте есть очень хорошая медицинская школа.

Какое-то время Абдул-хан молчал, а затем поинтересовался:

– Хочешь выучиться на врача?

Сарацин кивнул:

– Если я больше не буду саудовцем, то как мне иначе вернуться на родину и жить там? Страна закрыта для иностранцев, но не для медиков: ливанцу-мусульманину с дипломом врача виза гарантирована. Есть и еще одно преимущество: Аль-Мабахит Аль-Амма не станет понапрасну тратить время на тщательную проверку врача. Ведь предполагается, что это человек гуманной профессии, который спасает жизни.

Абдул-хан улыбнулся, пару минут разглядывал собеседника и наконец сказал:

– На это уйдут годы.

– Долгие годы, может быть, вся жизнь, – улыбнулся в ответ Сарацин. – Но у меня нет выбора, я должен сделать это ради отца. Думаю, именно для этого Аллах и оставил меня в живых – чтобы я уничтожил правящую саудовскую династию.

Губернатор долго сидел молча: ему и в голову не могло прийти, что юный воин в состоянии сделать что-то еще более впечатляющее, чем противостоять в одиночку советским вертолетам. Оказалось, он ошибался.

Размешав чай в своей чашке, Абдул-хан приветственно поднял ее: ему самому лучше, чем кому-либо, было известно, что такое месть.

– Тогда выпьем за то, чтобы ты смог осуществить задуманное, – сказал он. – Иншалла. Если будет на то воля Божья.

– Иншалла, – повторил за ним Сарацин.

Они не знали, что им суждено увидеться снова лишь через пятнадцать лет.

На следующий день, рано утром, губернатор отбыл вместе со своим эскортом. Однако три недели спустя, когда воины-иностранцы свертывали лагерь, ожидая, когда пройдет последняя в том году снежная буря, два юных племянника Абдул-хана, с трудом волоча ноги, пришли в деревню. Из-за метели они были вынуждены отпустить своих лошадей, чтобы те ушли вниз, в более безопасное место, а сами стали подниматься в гору пешком, невзирая на снегопад. Племянники Абдул-хана не предупредили о своем визите, поэтому их никто не ждал. Обернутый в непромокаемую ткань небольшой пакет, который они принесли, предназначался Сарацину, легендарному моджахеду, юноше лишь немногим старше их.

Сидя на кухне, родственники губернатора ждали, когда он распишется, проверив содержимое пакета. Сарацин нашел внутри ливанский паспорт на чужое имя – не плохую подделку с базара в Кветте, а документ на подлинном бланке, точный в малейших деталях, со всеми необходимыми печатями. Абдул-хан приобрел его у продажного сотрудника ливанского посольства в Исламабаде, столице Пакистана, заплатив десять тысяч американских долларов наличными.

Очень важно было и то, что в паспорте имелись соответствующие визы. К нему также прилагался еще один документ, из которого следовало, что обладатель паспорта три года провел в Индии, где получил аттестат одной весьма уважаемой в мире школы, а теперь направляется обратно в Ливан. В паспорт были вложены изрядно потертые купюры на сумму четыре тысячи долларов США. Какая-либо объяснительная записка отсутствовала, да, впрочем, в ней и не было особой необходимости. Знаете, что, на мой взгляд, это напоминало? Словно бы ушедший на покой воин дарит свой тщательно смазанный автомат АК-47 другому, чей боевой путь еще только начинается.

Когда пришла весна и начали таять снега, Сарацин отправился в долгое путешествие через Афганистан. Он шел проселочными дорогами и видел повсюду следы войны: разрушенные города, заброшенные поля, трупы в придорожных канавах. Но многие семьи уже засеи-

вали плантации опиумным маком и прикидывали, сколько выручат от его продажи – самый доходный бизнес в этих краях. Вблизи пакистанской границы наш герой встретил первых возвращающихся беженцев из тех пяти миллионов человек, что покинули страну. Чем дальше он шел, тем больше их становилось.

На границе отсутствовала всякая видимость контроля. Сарацин пересек ее незамеченным на закате безоблачного дня – молодой араб с выдуманным прошлым, чужим именем и безупречным паспортом.

Неудивительно, что я с таким трудом разыскал этого человека, когда пришло время. Как я уже говорил, он был призраком.

Глава 7

Сарацин прибыл в Карачи, огромный город, растянувшийся вдоль Аравийского моря, когда только-только начинался сезон дождей. Юноша потратил несколько долларов, чтобы купить спальное место на палубе старого грузового судна, направлявшегося в Дубай. Отсюда самолеты доброй дюжины авиакомпаний летают без пересадок в Бейрут, так что через неделю усилия Сарацина наконец-то увенчались успехом: он без всяких трудностей прошел ливанский иммиграционный контроль.

Бейрут пребывал в бедственном состоянии: половина города лежала в руинах, многие жители были ранены или измучены до предела. Это устраивало Сарацина: страна едва начала оправляться после пятнадцати лет гражданской войны, и человек без корней легко мог сойти за местного уроженца в этом городе, полном разбитых судеб.

Он всегда был способным учеником и после шести месяцев усердной работы с помощью мудрых наставников, которых обрел в самой радикальной мечети Бейрута, легко сдал вступительные экзамены в медицинский колледж. Как и для большинства студентов, серьезной проблемой для Сарацина оказалась высокая плата за обучение, но, к счастью, он узнал о программе стипендий Государственного департамента США, целями которой были возрождение нации и поощрение демократии. Служащие американского посольства США даже помогли ему заполнить анкеты.

Благодаря столь щедрой помощи денег теперь хватало, и Сарацин получил возможность посвятить дни изучению медицины, а ночи – террора и революции. Молодой человек занимался усердно, делая перерывы только на молитву и скромный обед. Он прочитал всех великих: Мао, Че Гевару, Ленина; он посещал собрания фанатичных панарабских националистов, слушал выступления палестинских поджигателей войны и нескольких исламских деятелей, отличавшихся взглядами столь дикими, словно бы эти люди застряли в Средневековье и понятия не имели, что на дворе двадцатый век. Один из них собирал средства на создание организации под названием «Аль-Каида»: в переводе с арабского это означает «основа», «база», «фундамент», «принцип». Юноша слышал об этом человеке, своем земляке-саудовце по имени Усама бен Ладен, еще когда сражался в Афганистане. Однако в тот день, когда Сарацин впервые увидел в мечети этого рослого тридцатипятилетнего мужчину, он, в отличие от всех прочих, не пытался произвести на него впечатление своим пламенным красноречием, а, по своему обыкновению, помалкивал. Еще одно доказательство того, что самый тихий человек в компании, как правило, самый опасный.

Посещал Сарацин и еще одну экстремистскую группу, такую маленькую, что заседания ее проходили в пыльной комнате, обычно занимаемой университетским обществом филателистов. Именно там он проникся идеей, которая кардинальным образом изменила всю его жизнь. Да и не только его собственную жизнь, но и, как ни печально это признавать, судьбы многих других людей. В тот день перед членами группы попросили выступить с лекцией некую женщину. Та сказала, что ее зовут Амина Эбади (не исключено, что имя было вымышленным) и работает она в огромном лагере для беженцев в городе Джебалия. Это в секторе Газа, очаге радикализма, одном из самых бедных мест на земле, ставшем пристанищем для ста сорока с лишним тысяч палестинцев.

Темой лекции был гуманитарный кризис в лагере. Послушать ее пришло человек десять. Однако это не смутило женщину: Амина Эбади привыкла плыть против течения международного безразличия. Ничего, однажды кто-нибудь ее услышит, и все изменится к лучшему.

Стоял удушающе жаркий вечер, и посреди своего выступления Амина приподняла чадру.
– Нас так мало, что я ощущаю себя в кругу семьи, – сказала она с улыбкой.

Никто из немногочисленной аудитории ей не возразил. Если даже Сарацин и намеревался это сделать, то такая возможность была безвозвратно упущена: он слишком долго находился под впечатлением от увиденного на мгновение лица молодой женщины.

Потом вновь остался только ее серьезный голос, и юноша мысленно нарисовал портрет Амины: бездонные глаза, выразительный рот, безупречная кожа. Туго стянутые назад волосы придавали ей сходство с мальчиком, а переполнявшая молодую женщину жажда жизни напомнила Сарацину об одной из сестер, хотя Амина была старше его лет на пять. Он не получал никаких известий от своих близких с того дня, как уехал из Бахрейна. Внезапно его захлестнула волна тоски по дому.

Когда Сарацин справился со своими эмоциями, женщина что-то говорила о ближних врагах.

– Извините, – сказал он, – вы не могли бы повторить?

Амина перевела взгляд своих больших глаз на молчавшего доселе юношу. Ей сказали, что это усердный студент-медик, но по его обветренному лицу женщина догадалась, что перед ней почти наверняка возвратившийся с джихада воин. Она знала людей этого типа: в лагере в Джебалии было полно ветеранов-моджахедов.

Обратившись к юноше с почтением, которого он, несомненно, заслуживал, Амина сказала, что почти все проблемы арабов в мире вызваны теми, кого можно назвать ближними врагами: в первую очередь Израилем, а также безжалостными диктаторами, которыми так богат этот регион, и коррумпированными феодальными монархами вроде короля Саудовской Аравии – марионетками Запада.

– Я все время слышу, – продолжила она, – что если, мол, уничтожить ближних врагов, то большинство наших проблем будет решено. Лично я сомневаюсь, что подобное возможно. Как вы думаете, почему эти безжалостные враги, которым доставляет наслаждение угнетать и убивать нас, живут и процветают? Да потому, что их поддерживает так называемый дальний враг. И лишь немногие мудрые люди понимают: если удастся его победить, все ближние враги потерпят крах.

– Что мне нравится в теориях, – заметил студент-медик, – они всегда звучат убедительно. Но совсем другое дело, если вы захотите осуществить их на практике. Неужели вы всерьез полагаете, что возможно уничтожить такую могущественную страну, как США?

Женщина улыбнулась:

– Я уверена, вы знаете, что воины джихада сломали в Афганистане хребет не менее сильного государства.

На протяжении всего обратного пути – а Сарацин шел пешком до дома целых пять миль – он пребывал в смятенных чувствах. У него никогда не имелось четкого плана, как свалить саудовскую династию. Он хорошо знал, почему все недовольные режимом эмигрировали из этой страны и жили за границей: те, кто оставался дома, находились под пристальным наблюдением и планомерно уничтожались. Достаточно вспомнить, что случилось с его отцом. И теперь юношу не на шутку вдохновила перспектива нанести серьезный удар по дальнему врагу арабов, заставив таким образом рухнуть саудовскую монархию!

Когда Сарацин входил в свою маленькую квартирку, то уже понял, в каком направлении двигаться дальше: он, пожалуй, продолжит учиться на врача, но в Саудовскую Аравию возвращаться не станет. Сарацин еще не знал, как именно осуществит свой план – Аллах подскажет, когда придет время, – но в тот день он твердо решил вступить в битву с державой, которая занимает особое место в коллективном арабском сознании.

Юноша понимал: это займет годы, иногда трудности будут казаться непреодолимыми, но его долгий путь к массовому убийству уже начался. Он собирался нанести удар в самое сердце Америки.

Глава 8

И вот десять лет спустя после того, как Сарацин принял судьбоносное решение, я стоял очень далеко, чуть ли не за полмира от того места, где это случилось, на парижском тротуаре, и беседовал с незнакомцем, чернокожим хромым мужчиной лет пятидесяти.

Вышло так, что встреча с лейтенантом Брэдли предопределила всю мою дальнейшую жизнь, но в тот момент я мысленно проклинал его. Желание копа обсудить мою книгу привело к тому, что он разрушил тщательно выстроенную систему защиты, скрывавшую мою подлинную личность.

Сам Брэдли, по-видимому, даже не догадывался, какой силы взрыв произвел. Он объяснил мне, что час тому назад оказался у дверей моей квартиры как раз вовремя, чтобы увидеть, как некий человек – предположительно, тот самый, кого он искал, то есть я, – садится в такси. Бен тоже поймал такси, проследовал за мной до пляс де ля Мадлен, покругил вблизи площади и, не сумев разыскать меня, вернулся обратно в квартиру, чтобы вновь взять след. Именно он стучал в дверь и, не зная наверняка, внутри я или нет, решил подождать меня на улице.

Создавалось впечатление, что Брэдли эта ситуация даже забавляет, и это лишь усилило мою антипатию к нему. Я мечтал отделаться от назойливого типа, но не знал как. Был к тому же и еще один нюанс: если чернокожему лейтенанту удалось разыскать меня, то это вполне мог проделать и кто-нибудь другой. Греки, например. А потому об эмоциях надлежало временно, пока я не узнаю, каким образом он сумел это проделать, забыть.

– Не желаете чашечку кофе? – спросил я учтиво.

Лейтенант ответил, что не прочь перекусить, и заявил, что он меня приглашает. Вот наивный! Да в этой части Парижа, чтобы оплатить наличными эспрессо с эклером, ему пришлось бы основательно растряссти свою заначку, а я вовсе не был склонен проявлять к этому типу милосердие.

Мы молча направились по улице Франциска Первого, держась в нескольких шагах друг от друга, но не успели пройти и пяти ярдов, как пришлось остановиться: Брэдли мужественно старался не отставать, однако хромал на правую ногу гораздо сильнее, чем мне сначала показалось.

– Родовая травма? – Когда я сержусь, могу стать весьма язвительным.

– Нет, просто у меня новая нога, – парировал он. – С прошлого года.

– Травма спортивная или получена на работе? – Я шел рядом с ним и не считал нужным молчать.

– На службе. – Бен сделал паузу. – В Южном Манхэттене. Вбежал в здание, не подумав. Конечно, и раньше такое бывало, но тут особый случай: повезло, что вообще остался жив. – По тону лейтенанта было ясно, что он не склонен вдаваться в детали.

Мы пошли медленнее.

– Полагаю, у вас проблемы с бедром? – Я был уверен, что прав, видя, как он покачивался при ходьбе. В моей памяти сохранились кое-какие медицинские знания.

– Ага, врачи заменили сустав титаном и пластиком. Сказали, мол, надо пройти длительный курс реабилитации – но не восемь же месяцев, черт побери!

«Полицейский из убойного отдела с разрушенным бедром и титановыми скобами, чтобы скрепить кость, – похоже, огнестрельная рана, нанесенная из оружия крупного калибра», – решил я.

Брэдли не стал особо распространяться на эту тему, и я слегка подобрел к нему. Действительно, хуже, чем коп, хвастающийся своим боевым прошлым, может быть разве что болтливый шпион.

Мы остановились под фонарем, и я сделал жест в сторону отеля из белого камня. Рядом с ним были припаркованы три новых «роллс-ройса-фантом».

– «Плаза Атени», – сказал я. – Мы можем здесь выпить кофе.

– Похоже, заведение дорогое, – заметил Брэдли, еще не зная, что очень скоро поймет истинное значение этого слова.

Мы прошли через вращающуюся дверь, пересекли отделанный мрамором холл и оказались в великолепной галерее отеля, откуда вышли в один из красивейших дворов Парижа.

Внутреннее пространство двора было замкнуто со всех сторон окнами спален, а стены увиты плющом. И повсюду затененные красными тентами, нависшие среди зелени балконы, с которых гости могут глядеть вниз на концертный рояль, любоваться изысканной фигурной стрижкой кустов, наблюдать за российскими олигархами и прочим мусором, собранным со всей Европы. Мы заказали столик в глубине двора, почти скрытый от посторонних взоров. И потрепанный жизнью коп принялся объяснять мне, как он развенчал легенду об одном из самых засекреченных агентов мира.

Хотя, как уже упоминалось, Брэдли особо не распространялся на сей счет, мне вскоре стало ясно, что увечья, которые он получил, когда вбежал в здание, не ограничились сломанным бедром. Одно легкое также вышло из строя (как видно, туда угодила пуля), а кроме того, он получил травму позвоночника и сильный ушиб головы – в результате это вылилось в три недели, проведенные в реанимации.

Первую неделю все висело на волоске, было неясно, выживет ли он вообще. Жена буквально переселилась жить в больницу. Кое-как врачам с ее помощью удалось откатить глыбу, завалившую вход в пещеру. Когда же Брэдли в конце концов перевели из реанимации в обычную палату, стало понятно, что его болезни не только телесного свойства. Заглянув в бездну, он едва говорил и, казалось, до некоторой степени утратил чувствительность. Уж не знаю, чем это было вызвано, возможно, он не сумел кого-то сберечь – сам Брэдли мне ничего не объяснил, – но он явно столкнулся в этом здании с чем-то ужасным и оставил там частицу своей души.

– Я был жив, но представлял собой лишь тень человека, который ушел в тот ужасный день на службу, – тихо сказал он. – Оцепенение, утрата эмоциональных связей – эти последствия были хуже физических увечий, причем не только для меня, но и для Марси.

Даже любовь жены не могла вырвать его из тьмы и обратить лицом к свету. Я был уверен, хотя Бен и не использовал этот термин, что он страдал от так называемого военного невроза, который теперь обычно диагностируют как посттравматическое стрессовое расстройство. После нескольких недель безрезультатного лечения успокаивающими препаратами врачи предположили, что для восстановления здоровья больного будет более благоприятна домашняя обстановка. Возможно, им просто понадобилось срочно освободить койку в госпитале.

Марси потратила два дня на переустройство квартиры, приспособив часть спальни для принятия на дому физиотерапевтических процедур и заполнив помещение любимыми книгами мужа и дисками с музыкой – тем, что могло хоть как-то развлечь его.

– Увы, это не сработало, – посетовал мой собеседник. – Слишком много негатива во мне накопилось. Тяжелый случай того, что психологи называют «комплексом вины выжившего».

Вот тут-то я впервые осознал, что кто-то, скорее всего, погиб в тот день, возможно напарник лейтенанта или несколько других членов команды. Оглядываясь назад, признаю, что, наверное, проявил в этой ситуации поразительную черствость, но могу сказать в свое оправдание, что у меня просто не было времени разбираться в подробностях – Брэдли торопился.

Какие бы надежды ни возлагала Марси на исцеляющую силу любви, душевная болезнь нередко берет свою ужасную дань, даже если отношения между супругами идеальные.

Поскольку муж получил увечья при исполнении служебных обязанностей, ей не надо было заботиться об оплате медицинских счетов. После трех недель, едва не разрушивших ей душу, Марси подыскала хорошую частную лечебницу в Гудзон-Фоллз – это на севере штата

Нью-Йорк. Но пока не решалась отправить туда Бена: в глубине души бедная женщина не была уверена, вернется ли супруг домой, однажды попав туда.

Я посетил не одно собрание Общества анонимных наркоманов, а потому прекрасно знаю: уже минут через двадцать кто-нибудь непременно встает и говорит, что достиг самого дна, прежде чем начать долгий путь наверх. Точно так же случилось и с Марси.

Однажды она засиделась вечером допоздна, заполняя анкету, полученную из лечебницы. Бен спал в соседней комнате, в который уже раз видя во сне, как снова и снова умирают люди. Внезапно Марси почувствовала, что все глубже погружается в трясину отчаяния. Она не знала, конечно, что уже достигла дна. Дойдя до вопроса: «Чем бы хотел заняться пациент вместе со всеми остальными?», она ответила: «Ничем определенным». Какое-то время бедная женщина, которая перепробовала уже все, что только можно, смотрела на это страшное слово, а потом тихо сказала:

– Ничем.

Марси была умна, работала учительницей в привилегированной нью-йоркской средней школе и, как большинство женщин, много думала о любви.

Она знала: даже в браке, если ты слишком потакаешь партнеру, он норовит сесть тебе на шею, и потом ты уже всегда будешь делать все по его правилам: и ссориться, и мириться, и заниматься сексом. Иногда необходимо настоять на своем: пусть он идет тебе навстречу – это нужно хотя бы для того, чтобы поддерживать равновесие.

Марси обернулась и посмотрела на дверь спальни. Она сделала так много, чтобы восстановить душевное здоровье мужа, что ни о каком равновесии говорить уже не приходилось. Надо было что-то выдумать, чтобы извлечь супруга из кельи, которую он сам выстроил, и вновь приблизить его к себе.

Когда Бен через семь часов очнулся от наркотического забытья, ему показалось, что он попал в чью-то чужую жизнь. У них с Марси была другая спальня, и засыпал он в другой комнате. Правда, окна и двери остались на прежних местах, но все, что придавало помещению индивидуальный характер, делало его семейным пространством, исчезло.

Никаких фотографий, картин, никакого сора на полу. Куда-то пропал телевизор, таинственным образом исчез даже их любимый килим. Кроме кровати и физиотерапевтического оборудования, в спальне не было совсем ничего. Она показалась ему безликой белой комнатой в конце вселенной.

Не в силах понять, где находится, Брэдли соскочил с кровати и, хромая, пересек комнату. Открыв дверь, он заглянул в параллельную вселенную.

Жена на кухне варила себе кофе. Брэдли молча наблюдал за ней. За двадцать лет, что они были вместе, Марси в его глазах стала еще красивее. Высокая и стройная, с незамысловатой прической, подчеркивающей правильные черты лица, и, что особенно важно, не слишком сильно замораживающаяся своей внешностью. Это делало ее еще более привлекательной.

Глядя на любимую жену, Бен ощутил комок, подкатывающий к горлу. И подумал: а что, если он видит сейчас свое прошлое? А вдруг он так и не выбрался из того здания и уже мертв?

Марси заметила, что муж пришел в себя, и улыбнулась ему. Брэдли почувствовал облегчение: люди, узревшие мертвеца в дверях своей спальни, так себя не ведут – в этом он был абсолютно уверен. В особенности Марси, которая никогда особенно не любила Хеллоуин и питала глубокое отвращение к кладбищам.

Впервые за долгие месяцы настроение Марси резко улучшилось: благодаря ее новой стратегии Бен, по крайней мере, подошел к двери своей кельи и выглянул наружу.

– Через минуту-другую я уйду на работу. Когда вернусь, приготовлю обед, – сказала она.

– Как – на работу? – спросил он, пытаясь сосредоточиться на этой мысли. После случившегося с ним несчастья жена больше не преподавала в школе.

Марси промолчала: неужели не понятно, что хоть кто-то из них двоих должен трудиться? Бен наблюдал, как она доела тост, схватила свою сумочку и, кивнув ему на прощание, вышла из квартиры.

Брэдли немного постоял в дверном проеме, но поскольку опираться на скрепленную скобой ногу было больно, он сделал единственное, что было разумно в его положении: вернулся из параллельного мира в свою белую комнату.

Бен лег, но, сколько ни старался, не мог ясно осознать происходящее – так много обезболивающих наркотических средств скопилось за последнее время в его организме. Лежа в одиночестве, он пришел к выводу, что единственное разумное решение – избавиться от этой зависимости. Такой выход, хоть и таил в себе немалую опасность, обещал переломить ситуацию: Брэдли наконец-то брал на себя ответственность за выздоровление.

Несмотря на обещание, Марси не приготовила ему в тот вечер обед. Вместо подноса с едой она осторожно, боясь нарушить его тревожный сон, положила на прикроватный столик книгу в твердой обложке, надеясь, что в отсутствие каких-либо других занятий муж рано или поздно возьмется за чтение. Эта идея посетила ее нынешним утром, и сразу же по окончании уроков в школе она отправилась в книжный магазин неподалеку от Кристофер-стрит. Он назывался «Зодиак букс», но не имел никакого отношения к астрологии, а был назван в честь серийного убийцы, маньяка из Северной Калифорнии, чьи деяния породили целую ветвь издательского бизнеса.

Марси никогда не бывала в этом магазине, но слышала о нем от Бена, поэтому, поднявшись по крутым ступенькам, с удивлением обнаружила, что находится внутри огромного пространства, сильно напоминающего склад. То было крупнейшее в мире хранилище книг, посвященных расследованию преступлений и криминологии. Она объяснила пожилому владельцу, что ей нужна специальная, богатая фактами литература, чтобы занять на время болезни профессионала.

Высоченный, смахивавший на могучую секвойю хозяин магазина совершенно не походил на торговца книгами. Да и неудивительно: этот человек раньше служил в ФБР. Он неторопливо провел Марси мимо пыльных полок к книгам и журналам под табличкой «Новые поступления». Некоторые из них, похоже, вышли лет сорок тому назад, не меньше. В маленькой картонке на полу, только что доставленной из типографии, он нашел желтовато-коричневый том.

– Вы упомянули, что человек, для которого вы ищете книгу, болен, – сказал мистер Секвойя, – демонстрируя покупательнице книгу. – Пятьдесят страниц этого чтения добьют его окончательно.

– Шутите? А если серьезно: эта книга хоть на что-нибудь годится?

Улыбнувшись, он махнул рукой в сторону полок:

– Все остальное можно просто выбросить.

В результате книга, над которой я так долго трудился, оказалась на прикроватном столике Брэдли. Лейтенант увидел ее, проснувшись ранним субботним утром, но не стал брать в руки. Когда Марси внесла завтрак, Бен поинтересовался, указывая на мое сочинение:

– А это еще зачем?

– Думала, может, книга тебя заинтересует. Полистай ее, если возникнет желание, – сказала Марси, стараясь не давить на мужа.

Тот даже не взглянул на том, повернувшись к подносу с едой. В течение дня разочарование бедной женщины все росло: несколько раз Марси подходила к постели мужа, чтобы проверить, не сдвинулось ли дело с мертвой точки, но Бен так и не приступил к чтению.

Она не знала, что Брэдли, проснувшись, был в страшном смятении. Его организм адаптировался к отказу от наркотиков, проходя стадию страшной ломки: головная боль, словно отбойный молоток, раскалывала череп, калейдоскоп мыслей бесконтрольно крутился в голове, заставляя вспоминать даже то, о чем он не хотел думать.

Когда Марси начала готовить ужин, она уже перестала надеяться. Видя, что муж не проявляет ни малейшего интереса к книге, женщина вновь достала не до конца заполненную анкету частной лечебницы и стала прикидывать, как лучше сказать Бену, что ему надо вернуться в больницу. Зная, что это сильно расстроит мужа, Марси вся буквально извелась, окончательно пала духом и уже готова была расплакаться, когда открыла дверь спальни, не ожидая ничего хорошего.

Бен сидел на кровати, обливаясь потом, с перекошенным от боли лицом. Тридцать страниц книги было прочитано, и один Бог знает, каких усилий ему стоило продвинуться так далеко. Но он понимал, что это нужно Марси. Входя, жена каждый раз бросала взгляд на книгу.

При виде мужа Марси от изумления едва не уронила поднос, но, боясь своими расспросами вновь загнать его обратно в келью, постаралась вести себя как ни в чем не бывало.

– Дерьмо собачье! – вдруг сказал Бен.

Возникшая было надежда улетучилась, и Марси приготовилась к новой вспышке необузданной ярости.

– Извини, но продавец в книжном магазине сказал мне... – начала она.

– Да я не о книге – она чудо как хороша, а об авторе! – раздраженно пояснил муж. – Тут написано, что он якобы из ФБР. Как бы не так, уж меня-то не проведешь! Я знаю этих типов: они ни за что не полезут в самое пекло. А этот парень – что-то особенное.

И Бен указал в книге места, которые привлекли его внимание. Но Марси не могла на них сосредоточиться. Бросая тайком взгляды на мужа, она гадала, разожжет ли эта искорка интереса костер, или же она быстро угаснет и Бен вновь погрузится в пустоту, как это иной раз бывает у людей, вышедших из комы.

Брэдли нашел на подносе салфетку и вытер с лица пот. Пока он это проделывал, Марси перелистала книгу, отыскивала информацию об авторе и пробежала ее глазами. Фотография отсутствовала.

– Кто же он тогда на самом деле, этот Джуд Гарретт? – спросила она.

– Понятия не имею. Остается надеяться, что он по ошибке случайно сам выболтает нам это, – ответил Брэдли. – А ну-ка, глянем повнимательнее.

Весь уик-энд огонь продолжал гореть, к великой радости Марси. Она сидела на кровати, а муж штудировал страницу за страницей, зачитывая ей вслух большие куски и высказывая свои соображения. И чем больше Бен вникал в тонкости криминологических исследований, тем чаще думал о преступлении, которое он всячески старался забыть. Обрывки воспоминаний о случившемся в том здании постоянно выплывали на поверхность его сознания. Бен нервничал, потел и учащенно дышал.

В воскресенье вечером его вдруг прорвало: таившиеся под спудом слова наконец-то вылились наружу и перехлестнули дамбу долгого молчания. Брэдли сказал жене, что был момент, когда он ощущал себя так, словно попал в бетонную могилу, настолько темную, что не мог даже разглядеть лицо умиравшего рядом с ним человека. Бен расплакался: единственное, что он сумел сделать для товарища по несчастью, – запомнить его прощальные слова, обращенные к жене и двум малолетним детям. Именно в этот момент, когда муж рыдал в ее объятиях, Марси воспрянула духом и впервые подумала, что, возможно, все еще наладится.

Потом Бен вернулся к чтению, и Марси прошла вместе с ним весь этот путь до последнего слова. Через несколько часов Брэдли сказал, что, на его взгляд, автор слишком умен, чтобы как-то ненароком себя выдать. Бен пошутил, что это головоломка хоть куда: только выдающийся мастер расследований способен определить, кто же этот парень на самом деле.

Не сказав ни слова, Марси вышла в другую комнату и включила свой ноутбук. С этого момента установление личности автора (то есть моей) стало для супругов Брэдли неким проектом, средством реабилитации здоровья Бена и возобновления любовных отношений.

А для меня это оказалось сущим бедствием.

Глава 9

Девятнадцать слов – ну кто бы мог подумать! Сидя в тот памятный вечер в «Плаза Атени», я, ничего пока не признавая и не отрицая, спросил у Брэдли, почему он решил, что автора пособия следует искать в Париже. И вот что он мне ответил: девятнадцать дурацких слов в книге – всего лишь девятнадцать, тогда как общее количество их превышало триста двадцать тысяч – выдали мой секрет.

Бен объяснил, что семь из них были попыткой автора описать оттенки разлагающейся крови. Точно помню фрагмент текста, где я сравнивал эти оттенки с конкретным видом дерева, листва которого каждую осень моего детства меняла цвет с ярко-красного на коричневый. И что с того? – спросите вы. Оказывается, Брэдли позвонил профессору ботаники и спросил его про это дерево. Как выяснилось, оно уникально для восточного побережья США, и я непреднамеренно назвал тот регион, где вырос.

Следующие двенадцать слов (приблизительно через две сотни страниц) относились к оружию убийства – палке для игры в лакросс, которую я узнал, поскольку в эту игру играли в школе, где я учился. Брэдли не поленился позвонить в Федерацию лакросса США и там выяснил, что на восточном побережье имеются сто двадцать четыре средние школы, в которых учащимся предоставляют возможность заниматься этим видом спорта. Так супруги еще ближе подошли к решению задачи.

К тому времени Марси отыскала в Нью-Орлеане двоюродную сестру Джуда Гарретта и узнала, что ее покойный братец окончил школу в 1986 году и с тех пор не читал ничего, кроме программы телевидения, да и то в основном лишь разделы, посвященные спортивным передачам. Это подтверждало подозрения Бена. С чего бы этому парню вдруг написать книгу, да еще такую толковую?

Брэдли обзвонил сто двадцать четыре школы, в которых играли в лакросс, и от имени полицейского департамента Нью-Йорка запросил фамилии всех выпускников мужского пола 1982–1990 годов, для верности еще немного расширив диапазон поиска. Очень скоро у Брэдли имелся длинный список имен, за одним из которых, как он был уверен, и скрывалась подлинная личность автора.

Изучить такое количество материала казалось непреодолимо трудной задачей, но большинство этих школ оказались частными: они все время искали денежные пожертвования, чтобы пополнить свой банковский счет. Основным источником финансирования являлись бывшие ученики, а самыми лучшими базами данных располагали ассоциации выпускников. У них имелись обширные досье на всех питомцев школы, и Брэдли просматривал страницы, посвященные нынешним юристам и банкирам с Уолл-стрит, выискивая что-нибудь необычное.

Работать пришлось долго, и вот однажды старания Бена и Марси увенчались успехом: как-то вечером они обнаружили в списках выпускников Колфилдской академии некоего Скотта Мердока.

– Он окончил школу в восемьдесят седьмом году, – сказал мне Брэдли, надкусывая самый дорогой в мире эклер. – Затем поступил в Гарвард, изучал медицину, получил докторскую степень по психологии. Перед ним открывались большие перспективы, но... Ассоциация выпускников не располагала о нем абсолютно никакой информацией: у них не было ни его адреса, ни списка работ – вообще ничего. Этот человек просто исчез, словно в воду канул. Он был один такой из всех, чьи досье мы просмотрели.

Брэдли взглянул на меня, как видно пытаясь понять, о чем я думаю. Но я молчал, занятый своими мыслями: было странно услышать имя Скотта Мердока через столько лет. Иногда, в самые худшие моменты жизни тайного агента, когда мне приходилось быть одновременно судьей и исполнителем приговора, я гадал, что случилось с этим человеком.

Помолчав какое-то время, Брэдли продолжил:

– В ходе дальнейшего расследования я узнал в Гарварде, что доктор Мердок получил работу в корпорации РЭНД. Они знали об этом, потому что его вербовали прямо в кампусе, – имела соответствующая запись. Но странное дело: в РЭНД категорически заявили, что ничего о таком человеке не слышали. То же самое утверждали профессиональные ассоциации, лицензионные комитеты и все другие организации, в которые мы обращались. Складывалось такое впечатление, что доктор Скотт Мердок, покинув Гарвард, исчез с лица земли. Куда же он делся? – спрашивали мы себя.

Холодок, появившийся у основания моего позвоночника, быстро поднимался вверх. Итак, эта парочка выяснила, что Скотт Мердок бесследно исчез. Интересно, что еще они раскопали?

– Мы выяснили старый адрес Скотта Мердока, еще тех времен, когда он учился в школе, – продолжал Брэдли, – и отправились в Гринвич, штат Коннектикут. Я поговорил с кем-то в доме по двусторонней связи, объяснил, что я из Департамента полиции Нью-Йорка, и ворота открылись.

Я поднял на лейтенанта глаза, гадая, какое впечатление на него и Марси, с трудом сводящих концы с концами на Манхэттене, произвела бесконечная подъездная аллея моего детства, идущая мимо конюшен по берегу живописного озера и заканчивающаяся у одного из десяти красивейших особняков в Америке. Словно читая мои мысли, Брэдли тихо добавил:

– Мы даже не могли себе представить, что в США есть такие дома.

Его нынешний владелец, хорошо известный рейдер, сказал им, что старики Мердок умерли.

– Слышал, якобы у них был всего один ребенок. Понятия не имею, что с ним стало. Одно скажу наверняка: их сынок явно не бедствует.

На следующий день двое сыщиков изучили книгу регистрации смертей и обнаружили записи, касающиеся Билла и Грейс.

– Мы даже побеседовали с несколькими людьми, присутствовавшими на обоих похоронах, – сказал Брэдли. – Все в один голос утверждали, что Скотта на них не было.

По тону собеседника я понял: он считает данный факт самым странным во всей этой истории. Однако у меня не было ни малейшего намерения объяснять ему, что я бы сделал все от меня зависящее, чтобы приехать на похороны Билла, если бы только знал о его смерти.

Думаю, Брэдли понимал, что коснулся обнаженного нерва, и, как порядочный человек, не стал развивать эту тему. Вместо этого коп сообщил мне: уже тогда он был уверен, что Скотт Мердок – представитель родственной профессии.

– А через два дня, – заключил он, – мы знали это наверняка.

Очевидно, они с Марси отправили мой номер социального обеспечения, тот, что был у меня в Колфилдской академии и Гарварде, в Вашингтон для всесторонней проверки. Они хотели выяснить, когда был присвоен этот номер, был ли он заменен на другой и прочие подробности, которые могли бы пролить свет на нынешнее местонахождение доктора Мердока. Полученный ими ответ был кратким и весьма интригующим: такой номер вообще никому не присваивался.

Я сидел словно воды в рот набрав. Какой-то идиот, мелкий служащий из «Дивизии», здорово напортачил. Я мгновенно понял, что тогда произошло. Много лет назад, когда я менял свою личность, готовясь к первому заданию, специальная бригада удаляла все следы моей прежней жизни. Они закрывали банковские счета, аннулировали кредитные карточки, уничтожали паспорта – словом, вымарывали все, связывавшее тайного агента с его прежней личностью. Создавалось впечатление, что человек попросту отбыл в заморские страны, как делают многие молодые люди, и там исчез.

И вот один из членов этой «уборочной» команды, слишком усердный или недостаточно компетентный, должно быть, решил, что надо для верности уничтожить и мой прежний номер социального обеспечения. Вообще-то, можно было сообщить соответствующим службам, что я умер, или оставить все как есть, или предпринять какие-то иные действия. Единственное, чего нельзя было делать ни в коем случае, – это просить органы социального обеспечения уничтожить мой номер.

И вот пожалуйста, к чему привела эта ошибка: некий тип из штата Коннектикут в ходе расследования откопал идентификационный номер, который, по официальным данным, никому не присваивался. Не надо быть копом, чтобы понять: здесь дело нечисто.

– Я пришел к выводу, что, раз номер социального обеспечения канул в черную дыру, здесь не обошлось без ЦРУ или другой спецслужбы, – сказал Брэдли.

Это лишний раз подтверждало возникшие у него подозрения: хотя многие подробности в книге были изменены, описанные в ней случаи имели отношение к миру спецопераций.

Да уж, чем дальше в лес, тем больше дров: книга вывела Брэдли на Скотта Мердока и убедила его в том, что этот человек и Джуд Гарретт – одно и то же лицо. Теперь Бен знал, какого сорта работой я занимался.

Я спросил себя, насколько плохо в действительности обстояли дела. И спецгент, до сих пор сидевший во мне, ответил, что все очень скверно. Я понимал: возможно, это мой последний вечер в Париже.

Нельзя было терять времени, и я безапелляционно заявил:

– Все это очень интересно, лейтенант. Допустим, вы правы и автор книги действительно шпион. Но ведь этот человек мог с равным успехом находиться в любой части света. Позвольте поинтересоваться, что заставило вас искать его в Европе?

– На эту мысль меня навели в школе, – ответил он.

В школе? Но откуда, черт возьми, в Колфилдской академии могли узнать, что я обосновался в Европе?

– Кое-кто из преподавателей вспомнил этого парня, Мердока. «Ох и странный же он был тип, – сказали нам они, – наотрез отказывался говорить в классе, хотя проявлял блестящие способности к языкам, особенно французскому и немецкому». Так что, сами понимаете, если предположить, что этот Мердок работал на секретные службы, уж его, наверное, не послали бы в Южную Америку.

– Скорее всего, нет, – ответил я, – но в Европе семьсот сорок миллионов человек, а вы отправились в Париж. Сознаться, ведь кто-то подсказал вам, где меня искать?

В этом заключается настоящий кошмар для любого агента. Предательство, случайное или умышленное, – вот что убивает большинство из нас. Коп уставился на меня: ему претила мысль, что кто-то счел его аналитические способности столь ограниченными. И заявил:

– Да ничего подобного. Я до всего дошел исключительно своим умом. – И объяснил мне ход своих мыслей.

Придя к выводу, что Скотт Мердок работает на спецслужбы, Брэдли вполне логично заключил, что теперь этот парень наверняка живет под другим именем. Теперь спрашивается: как тайному агенту лучше всего проникнуть в чужую страну? Самый простой и безопасный способ – под личиной мелкого правительственного служащего: биржевого аналитика, торгового атташе или кого-нибудь в этом роде.

Поскольку отец Брэдли в свое время работал в Вашингтоне, коп знал, что все такие назначения фиксируются в разных малоизвестных правительственных изданиях. Эти сообщения обычно включают информацию о возрасте, образовании, карьере, почтовом индексе и прочих кажущихся незначительными подробностях.

Однажды ночью, лежа без сна, Бен пытался представить себе, каково это – принимать новое обличье, пересекая границу, и хранить в памяти бесконечную цепочку лжи, не имея права ни при каких обстоятельствах ничего перепутать?

Брэдли пришел к выводу, что шансы такого агента выйти сухим из воды значительно повысятся, если снабдить его выдуманную биографию легко запоминающимися фактами: знакомым с детства телефонным номером, датой рождения, где изменен только год, а число и месяц остались подлинными, именами родителей.

– Что, разве не так? – спросил Бен.

А ведь он был прав. Мне вспомнилась колючая проволока вокруг КПП на болгарской границе, где головорез в униформе, от которого разило дешевыми сигаретами и недавно съеденным обедом, задавал мне множество совершенно необязательных вопросов, подозрительно вертя в руках документы и бдительно следя за малейшими нюансами моего поведения. Ребятам вроде него очень хочется стать героем и крикнуть небритым пограничникам: мол, он не верит этому американцу, британцу, канадцу – в общем, тому, за кого вы себя выдаете в данном конкретном месте в этот час.

Да, мой собеседник был прав, но я был слишком взволнован, чтобы ответить ему сразу. Брэдли, вооруженный одним лишь интеллектом, точно угадал, каким образом тайные агенты въезжают в чужую страну, держа в голове бесчисленные подробности, от которых может зависеть их жизнь. Мне становилось все труднее сердиться на этого человека. Забегая вперед, скажу, что вскоре я и вовсе начал им искренне восхищаться. А Брэдли тем временем продолжал рассказ.

Он обсудил свою теорию с Марси, и они решили провести эксперимент. Обобщив всю информацию, собранную о раннем этапе жизни Скотта Мердока, супруги составили перечень из двадцати вроде бы второстепенных фактов. Марси уходила на работу, а Бен весь день сидел дома за компьютером, загружая выпуски издания, регистрирующего правительственные назначения, – еженедельника «Федеральный реестр».

Через тридцать шесть часов у них уже имелось три попадания в цель. Во-первых, почтовый код Гринвича, штат Коннектикут. Его использовал некий человек, назначенный делегатом от США на международное совещание по проблемам искусства во Флоренции. Во-вторых, они обнаружили также упоминание о торговом атташе, который играл в сквош в Гарварде, как и Скотт Мердок. Это выглядело весьма многообещающим, пока они не сообразили, что читают некролог. И наконец, третья находка: некто Ричард Гибсон, наблюдатель от США на совещании Всемирной метеорологической организации в Женеве. Две детали его краткой биографии совпадали с фактами жизни Скотта Мердока: дата рождения была идентичной и он окончил в свое время Колфилдскую академию.

– Мы изучили свидетельства выпускников, но никто из них не упоминал Ричарда Гибсона, – тихо сказал Брэдли.

Это было замечательным достижением. Они с Марси начали свое расследование, зацепившись за название какого-то дерева в Коннектикуте, а в результате обнаружили имя, которое я использовал для прикрытия, когда отправился в Женеву потолковать с Маркусом Бухером в банке «Клеман Ришлу и К°».

Добравшись таким образом до Гибсона, неугомонные супруги убедились, что их метод работает. Дальше дела пошли быстрее: через три недели система идентифицировала скромного служащего казначейства США, отправленного на конференцию в Румынию. Звали его Питер Кэмпбелл.

– Я позвонил в Министерство финансов Румынии и отыскал там человека, который участвовал в организации этого мероприятия. Он располагал копией въездной визы Питера Кэмпбелла, включая данные его паспорта. Мой приятель в Департаменте внутренней безопасности США выяснил, что тот же самый документ использовался для въезда во Францию. Пра-

вительство этой страны сообщило, что Кэмпбелл не просто въехал к ним, но избрал местом постоянного проживания Париж. В своем заявлении на получение визы он указал, что является управляющим хедж-фондом. Марси запросила Комиссию по ценным бумагам и биржевым операциям. Оказалось, что человек по имени Питер Кэмпбелл никогда не имел лицензии биржевого брокера, а такого хедж-фонда попросту не существовало.

Я молча наблюдал, как Брэдли порылся в кармане куртки, извлек оттуда два листка бумаги и выложил на стол.

Первый из них был вырван из старого ежегодника Колфилдской академии, из того номера, где была помещена фотография четырех игроков в сквош. Один из подростков стоял особняком, словно и не был частью команды, хотя и играл в ней. Его лицо и имя были обведены кружочком: Скотт Мердок.

Вторым листком оказалась ксерокопия фотографии для паспорта, приложенной к заявлению Питера Кэмпбелла с просьбой разрешить ему постоянное жительство во Франции. Не оставалось никаких сомнений, что на обоих снимках запечатлен один и тот же человек – я. Возразить было нечего.

– Я думаю, дело было так, – сказал Брэдли. – Скотт Мердок окончил Колфилдскую академию, учился в Гарварде, а потом был приглашен для участия в какой-то закрытой правительственной программе. Он стал тайным агентом, жил под сотней разных имен, в том числе и под фамилией Кэмпбелл...

Я не отрывал взгляда от фото в ежегоднике, пытаюсь вспомнить членов команды по сквошу. Одного парня звали Декстер Коркоран: настоящий подонок, его все ненавидели. Другие были еще бо́льшие придурки, даже имен их не помню. Психолог назвал бы это осознанным подавлением.

– Возможно, мистера Мердока выгнали из мира спецслужб или же он сам устал от такой жизни, – продолжал Брэдли. – Так или иначе, он въехал во Францию по паспорту Кэмпбелла, написал книгу, чтобы передать свои знания другим, и опубликовал ее под именем Джуда Гарретта, уже мертвого на тот момент агента ФБР.

Я продолжал упорно молчать. Коп пожал плечами и заключил:

– И вот мы наконец с вами встретились.

Да, несомненно, Брэдли с женой проделали просто потрясающую работу, но, как я обычно говорю, это их сегодняшнее открытие, а завтра отличится кто-то другой.

Что же касается меня самого, то теперь мне оставалось только одно. Я встал. Пришло время пускаться в бег.

Глава 10

Брэдли догнал меня в переходе из красивого двора отеля в величественную галерею. Несмотря на хромоту, он передвигался удивительно быстро.

Я коротко попрощался с ним и направился было к выходу, но коп схватил меня за руку:

– У меня есть к вам одна просьба. Именно поэтому мы с Марси сейчас в Париже.

Я покачал головой:

– Извините, я тороплюсь.

– Пожалуйста, выслушайте меня.

Он перевел дыхание, собираясь с силами, чтобы начать говорить. Но я не дал ему шанса это сделать и решительно отвел руку Брэдли, намереваясь уйти.

– Нет, – властно сказал он.

Оглянувшись, я увидел, что люди за ближайшими столиками смотрят на нас. Не хотелось устраивать сцену, и собеседник воспользовался моим замешательством.

– Когда опускаешься глубоко вниз, во тьму, все становится другим, – тихо произнес Бен. – Ранение заставило меня взглянуть на все иначе – на жизнь, отношения с Марси, работу. Особенно это касается моей профессии. Если и имелось что-то позитивное...

С меня было достаточно.

– Извините, – заявил я. – Ваша рана, по-видимому, была ужасна, и я рад, что вы поправились, но мне нужно срочно уладить свои собственные дела.

Я не располагал временем, чтобы выслушивать душещипательные истории из жизни человека, которого больше никогда не увижу. Следовало срочно покинуть Париж, чтобы обрести убежище в другом месте. На кону стояла моя жизнь, и я не мог позволить себе вести пустопорожние беседы.

– Ну пожалуйста, еще всего одну минутку! – попросил Брэдли.

Мгновение поколебавшись, я тяжело вздохнул и кивнул: пожалуй, я должен был уделить этому человеку немного внимания в благодарность за рассказ о том, насколько умело он разложил по полочкам всю мою прежнюю жизнь. Но я намеренно не проявил по отношению к собеседнику ни капли сочувствия, всем своим видом давая понять: Стена Плача находится в Иерусалиме, а ему надо побыстрее закругляться.

– Вы не спросили, как именно я получил увечье. Спасибо вам за это. Конечно, профессионалы обычно о таком не говорят. Большинство из нас попадали в ужасные переделки, поэтому нет смысла вдаваться в подробности.

«Да сколько же можно переливать из пустого в порожнее! Давай уже наконец по существу», – раздраженно подумал я.

– Я уже говорил вам, что попал в ловушку в горящем здании. Маленькое уточнение: я находился в Северной башне Всемирного торгового центра, когда она рухнула.

Глава 11

Брэдли продолжал говорить, но и по сей день у меня нет четкого представления о том, что он тогда пережил. Мы как-то незаметно вернулись к нашему столику. Я проклинал себя за глупость и слушал его не слишком внимательно. Неудивительно, что этот человек имел проблемы со здоровьем, вызванные посттравматическим стрессом, что он провел несколько недель в палате интенсивной терапии, что страдал от комплекса вины выжившего и что ему понадобилось осуществить совершенно невероятное расследование для того, чтобы воскреснуть из мертвых.

Брэдли уже упоминал раньше, что в темноте сжимал в своих объятиях какого-то парня, слыша, как тот умирает. А в это время за пределами их бетонной могилы горел Южный Манхэттен. Мне же хватило сообразительности сделать вывод, что Брэдли получил первое огнестрельное ранение в бедро, а второе – в легкое. Да уж, аналитические способности у меня хоть куда! Так что, может быть, и к лучшему, что я вышел в отставку.

От суровой самооценки меня отвлек голос Брэдли, который что-то спрашивал. Оказывается, он достал мобильный телефон и поинтересовался:

– Не возражаете, если я узнаю, как дела у Марси?

Я кивнул. Он набрал номер, дождался соединения, после чего отвернулся и произнес несколько коротких слов. Я их не расслышал. Затем коп отправился за новой порцией кофе и выпечки. Надеюсь, у него была карточка с неограниченным кредитом.

– Я упомянул про одиннадцатое сентября. Это важно, поскольку имеет непосредственное отношение к тому, о чем я хочу вас попросить.

– Продолжайте, – мягко сказал я, моментально устыдившись и передумав отправлять собеседника к Стене Плача.

– Чтобы хоть немного прийти в себя, я решил посетить эпицентр взрыва, то место, где стояла Северная башня. Долго смотрел на нее. Господи, как же там было холодно! И тут я понял, что настолько зол и выбит из колеи, что почти утратил надежду обрести когда-нибудь душевный покой. Не в угонщиках самолетов дело – они уже мертвы. И увечья тоже не были причиной моей ярости, – главное, я остался жив. Я гневался из-за несправедливости, царящей в мире, из-за того, как безалаберно он устроен. Многие погибли в тот день в конечном счете не из-за пожаров или рухнувших зданий, а из-за сострадания. Отчаянные попытки выручить из беды других людей, часто совершенно незнакомых, стоили жизни тем, кто их спасал.

Брэдли глотнул кофе, но я видел, что он пьет его без всякого удовольствия, пытаясь выиграть время, чтобы сообразить, как лучше построить разговор дальше. А я просто ждал, решив, что этот человек заслужил право сказать все, что пожелает.

– Только подумайте, сколько инвалидов работало в башнях-близнецах в тот день! – произнес он наконец. – Конечно, мне это не пришло в голову, когда самолеты врезались в башни. Понятно, что, если вы передвигаетесь в кресле-каталке, перспективы у вас куда хуже, чем у остальных: вряд ли вы сумеете выбраться из здания, воспользовавшись лифтом. Специальные знаки призывают нас в чрезвычайных ситуациях спускаться по лестнице. А что, если вы не можете ходить? Если все, кто оказался в ловушке внутри горящего здания, в состоянии передвигаться на собственных ногах, то шансы выбежать наружу или умереть у них одинаковые. А так получается несправедливо. Вы со мной согласны?

Я кивнул, и он продолжил рассказ:

– Так вот, там был один парень-инвалид, который работал в финансовой компании. Он внимательно слушал инструктора на пожарных учениях и знал, где находится эвакуационное кресло. Вам приходилось его видеть? Оно похоже на алюминиевый стул с длинными ручками, которые торчат спереди и сзади, чтобы люди могли поднять сидящего на нем и вынести наружу.

Этот молодой человек страдал параличом нижних конечностей и, наверное, гордился тем, что преодолел свою нетрудоспособность и обрел работу. Возможно, у него были жена и дети, кто знает?

В тот день, одиннадцатого сентября, как раз начинались занятия в школах, поэтому многие опоздали на работу. А это означало, что тот парень был один в своем углу Северной башни, когда в нее врезался самолет компании «Американ эрлайнс». От удара его кресло-каталка выехало на середину комнаты. Через окно он увидел в небе дугообразную вспышку пламени и понял, что должен торопиться, иначе погибнет.

Инвалид разыскал свое эвакуационное кресло, положил его себе на колени и направился в сторону пожарной лестницы. По пути его насквозь промочили автоматически сработавшие спринклерные оросители, а свет погас. Он выехал на лестничную площадку, к лифтам, но там было темно: окна отсутствовали. Однако рабочие, обслуживающие здание, дали ему шанс. Несколько лет назад они выкрасили аварийную дверь светящейся в темноте краской, чтобы люди, попавшие в беду, могли найти ее. Один Бог знает, сколько жизней было тогда спасено благодаря этому.

Парень распахнул дверь на лестницу «А» своей инвалидной коляской и приладил внутри ее эвакуационное кресло. Не будучи особенно силен, молодой человек все же сумел перебраться в него.

И вот он сидит, не имея возможности двигаться, на пожарной лестнице горящего здания и ждет: а что еще ему в такой ситуации остается?

В Северной башне три пожарные лестницы. Две из них шириной сорок четыре дюйма и одна – пятьдесят шесть дюймов. Существенное отличие: на широкой лестнице два человека могут разойтись. Не так тесно на поворотах, что очень важно для людей, несущих, по существу, носилки с сиденьем. Легко догадаться, что этот парень с парализованными ногами оказался на одной из узких лестниц. Как говорится, судьба – индейка.

Во всем здании люди лихорадочно решают, в какую сторону бежать: вниз, к выходу, или на крышу, где есть вертолетная площадка. Те, что выбирают путь вверх, гибнут: дверь на крышу закрыта, чтобы предотвратить самоубийства.

Лестница «А» полна дыма, пыли и людей; она залита водой, которая, вырвавшись из перегруженных спринклеров противопожарной системы и разрушенных труб, течет по ступенькам. Но инвалид в эвакуационном кресле не кричит, не зовет на помощь. Он просто ждет. Чего? Может быть, чуда.

Брэдли сделал паузу, по-видимому размышляя о чудесах. Когда через мгновение он вновь заговорил, голос копа дрожал от волнения, но он сумел справиться с собой.

– И вот далеко внизу об инвалиде в кресле узнает не очень крепкий мужчина средних лет и зовет на помощь добровольцев, чтобы они поднялись вместе с ним наверх и помогли спустить беспомощного человека по лестнице.

К нему подходят трое – обычные парни. Они идут наверх, вслед за этим мужчиной, и каждый берется за ручку эвакуационного кресла. Спасатели выбирают правильный путь: не вверх, а вниз по лестнице. Они тащат инвалида сквозь страшную давку, дым, воду, минуя эти проклятые повороты, где страшно тесно.

Он вновь сделал паузу.

– Спасатели тащили его шестьдесят семь этажей вниз! И знаете, что они там обнаружили? Выбраться из здания оказалось невозможно. Они спускались по лестнице так долго, что за это время рухнула соседняя Южная башня и завалила выход Северной, нарушив ее устойчивость. Представляете ситуацию? Впереди – куски бетона, позади – пожар. – Брэдли горестно пожал плечами.

Я не проронил ни слова. Да и что я мог сказать, если бы даже был уверен, что мой голос не дрогнет? Потоки скорби, больше ничего не приходило в голову.

– Повернув назад, они прошли через дверь в холл цокольного этажа. Вскоре все здание рухнуло к черту. Двое спасателей как-то сумели выбраться из завала вместе с инвалидом. Но двое других добровольцев не смогли этого сделать. – Брэдли помолчал. – Знаете, что отняло у них жизнь, мистер Кэмпбелл?

– Сострадание?

– Вот именно, я уже говорил об этом. Их убила не падающая каменная стена или пожар, а эта чертова попытка спасти кого-то еще. Вот в чем причина моей ярости. Где здесь справедливость? – Он перевел дыхание и тихо заключил: – У меня пропала уверенность, что я хочу и дальше жить в таком мире.

Зная, что Брэдли посещал эпицентр взрыва не один раз, я представил себе, как он стоит на снегу в сумерках – крошечная фигурка на многих акрах пустоты, где некогда возвышались башни-близнецы, – и пытается найти в себе душевные силы, чтобы жить дальше.

К счастью, Марси была рядом с ним. Он рассказал, что они держались за руки, когда он поведал ей о своем отчаянии.

– И что ты собираешься с этим делать? – поинтересовалась она как бы невзначай.

Он взглянул на жену в замешательстве, не понимая, что она имеет в виду.

– Да, Бен, я тебя поняла, тебе не нравится жить в таком мире, – сказала Марси. – Ладно. Но как говорят в таких случаях: ты намерен проклинать тьму или зажечь свечу? Позволь мне задать свой вопрос еще раз: что ты собираешься с этим делать?

Такой была Марси: в ее характере появилась жесткость и она не желала больше отступать ни на дюйм.

– Жена была права, конечно, – продолжал Бен. – И по пути к дому мы говорили о том, как жить дальше.

Проведя в больнице столько времени, я не имел возможности следить за тем, как продвигается расследование катастрофы одиннадцатого сентября. И пока мы шли домой, Марси рассказала мне обо всем, что знала сама: как семья бен Ладена была впоследствии тайно вывезена из США; что пятнадцать из девятнадцати угонщиков самолетов были саудовцами; что большинство преступников жило в Америке с просроченными визами, а некоторые из них учились водить самолеты, не проявляя при этом большого интереса, как их сажать на землю.

Стало ясно, что хотя угонщики совершили множество ошибок, они все-таки сработали лучше нас. Вряд ли можно сомневаться в правильности такого вывода. Доказательство этого – три тысячи погибших на контролируемой мною территории. К тому времени как мы добрались до Гринвич-Виллидж, я понял, что моя идея обретает ясные очертания.

Я обдумывал ее всю ночь, а на следующий день – это был понедельник – отправился в Нью-Йоркский университет и, образно выражаясь, зажег свою свечу.

Брэдли рассказал, что в большом офисном здании, выходящем на Вашингтон-сквер, он объяснил руководству колледжа, что собирается организовать мероприятие, которое станет в своем роде столь же знаменитым, как Всемирный экономический форум в Давосе, – ежегодную серию лекций, семинаров и мастер-классов для ведущих специалистов по расследованию преступлений со всего мира. Это, так сказать, будет площадка для демонстрации новых идей и достижений передовой науки. Председательствовать станут лучшие в своей области эксперты, здесь пересекутся все дисциплины, сотрутся все ведомственные границы.

– Я указал им через окно, – рассказывал Брэдли, – на место, где стояли башни-близнецы. – Разумеется, явятся новые, достойные погибших там люди, но пусть они будут лучше, умнее, сильнее прежних. К этому надо стремиться и нам, всем тем, кто проводит расследования. У нас есть одна четкая цель: в следующий раз мы должны побить террористов.

В помещении было одиннадцать человек, и, думаю, я завоевал сердца по крайней мере троих из них. Рассказал им историю о том парне в инвалидной коляске и напомнил, что их кол-

ледж расположен ближе всех от эпицентра взрыва, поэтому на них лежит особая ответственность. Если не они, то кто же?

К концу моего выступления половина присутствующих прониклась этой идеей, на глазах у некоторых даже заблестели слезы, и все единодушно проголосовали в поддержку моей инициативы. Может быть, на следующий год мне имеет смысл баллотироваться в мэры, – пошутил Брэдли, но чувствовалось, что ему было совсем не весело.

Он сказал, что организация Всемирного форума исследователей продвигается лучше, чем он надеялся, и одним духом выпалил перечень имен тех, кто согласился прочесть курс лекций или посетить это мероприятие.

Я кивнул: сказанное произвело на меня сильное впечатление.

А Брэдли продолжал:

– Да все это, что и говорить, крупные величины. Но одно имя отсутствует. Значение вашей книги трудно переоценить, и вы должны понимать, что...

– Так вот для чего вы приехали в Париж, – перебил я копа. – Чтобы завербовать меня.

– Только отчасти. Конечно же, прежде всего я хотел окончательно разрешить загадку Джуда Гарретта, но теперь, когда все прояснилось, у вас есть шанс внести свой вклад в общее дело. Знаю, вам нельзя признаваться, кто вы на самом деле, поэтому вас можно выдать, скажем, за специалиста, изучающего методы Гарретта в течение многих лет. Так сказать, за доктора Ватсона при Шерлоке Холмсе. За того, кто помог...

– Заткнитесь! – оборвал я Брэдли.

Наверное, он не привык, чтобы с ним беседовали в таком тоне. Я какое-то время сидел, впериw глаза в стол, а когда поднял их, заговорил тихо, чтобы слышал только он один:

– Сейчас я собираюсь нарушить все правила и позволить себе некие откровения. Вряд ли вы это еще от кого-нибудь узнаете. Слушайте внимательно. Вы просто виртуозно провели расследование, отыскав меня. Если бы я готовил новое издание своей книги, то обязательно включил бы туда и вас. Блестящая работа.

Он слегка пожал плечами, наверное польщенный и гордый моей похвалой, но слишком скромный, чтобы признаться в этом.

– Вам удалось по ходу дела много чего раскопать, но скажите: вы ведь не сумели выяснить, что я на самом деле сделал для своей страны?

– Нет, конечно, – ответил Брэдли. – Да и вряд ли я этого хотел: пусть тайное останется тайным.

– В этом вы правы. Но я вам скажу. Я арестовывал людей, а тех, кого не мог взять под стражу, убивал. По крайней мере трижды арестовывал, а потом убивал.

– Господи Иисусе! – прошептал Бен. – Неужели наша страна занимается такими делами?

– Полагаю, у детективов и судей, которые расследуют убийства, есть для этого соответствующее название? Должен признаться, деятельность такого рода с годами ложится на душу человека тяжким грузом. В одном могу вам поклясться: никто не обвинит меня в дискриминации. В моей работе господствовал подлинный экumenизм: я уничтожал католиков и арабов, протестантов, атеистов и евреев. Единственные, кого я, кажется, упустил, – зороастрийцы. Честно говоря, я толком не знаю, кто это такие, но и они вполне могли бы попасть в мой список. Проблема в том, мистер Брэдли, что друзья и родные тех, кого я обидел, в большинстве своем, как бы получше выразиться... ну, скажем так, не практикуют христианские принципы прощения врагов. И отнюдь не склонны в ответ на причиненное зло подставлять другую щеку. Известно ли вам, например, что сербы до сих пор ненавидят турок за то, что те разгромили их в битве на Косовом поле в тысяча триста восемьдесят девятом году? Некоторые считают, что хорваты и албанцы еще более злопамятны. Для таких людей несколько десятилетий охоты на меня – сущая ерунда, не дольше уик-энда. Я говорю это вам, чтобы вы поняли: я приехал в Париж, дабы жить здесь анонимно. Я пытался вернуться к нормальному существованию. А

новости, которые узнал от вас сегодня вечером, не слишком меня порадовали. Поймите меня правильно: я не уклоняюсь от участия в вашем семинаре, а спасаю свою жизнь. – Я встал и подал ему руку. – Прощайте, мистер Брэдли.

Он пожал ее и на этот раз не пытался меня удержать. Двор опустел, только Брэдли сидел в одиночестве среди горящих свечей.

– Удачи, – пожелал я ему напоследок. – Семинар – замечательная идея, это принесет нашей стране немало пользы. – Я повернулся, чтобы уйти, и тут столкнулся лицом к лицу с какой-то женщиной.

Она улыбнулась и произнесла:

– По лицу мужа я догадалась, что вы ответили ему отказом.

Это была Марси. По-видимому, Брэдли сказал ей по телефону, где мы сидим.

– Вы правы, – подтвердил я. – К сожалению, никак не могу принять участие в этом мероприятии. Ваш супруг знает почему.

– И тем не менее я вам благодарна за то, что вы уделите Бену так много времени, выслушали его.

В голосе женщины не было гнева или обиды. Похоже, единственное, что заботило Марси, – благополучие мужа. Внезапно я почувствовал к ней симпатию.

Брэдли не смотрел на нас, он отвернулся, пытаясь привлечь внимание официанта, чтобы попросить счет.

– Знаете, Бен ведь восхищается вами, – сказала Марси. – Вряд ли он говорил об этом, но он прочитал вашу книгу трижды – такое она доставляет ему удовольствие. Муж частенько повторяет, что мечтал бы сделать хотя бы половину того, о чем вы написали.

На мгновение я увидел другого Брэдли – способного и компетентного следователя, который понимал, что никогда не играл в лиге, соответствующей его таланту. Больше, чем кто-либо другой, я знал, как отравляют жизнь сожаления о нереализованных профессиональных амбициях. И я вспомнил, как это часто бывало, двух маленьких девочек и то, что я сделал в Москве много лет назад.

Марси коснулась моей руки, и это вернуло меня к реальности. Она вручила мне свою визитную карточку:

– Это наш номер в Нью-Йорке. Если у вас будет такая возможность, позвоните Бену. Не сейчас, а когда-нибудь в будущем. Это очень важно для него.

Заметив мое нежелание брать карточку, она улыбнулась:

– Через несколько лет будет в самый раз.

И все же я не взял визитку.

– Мой муж хороший человек, – серьезно сказала она. – Лучший из всех, кого я встречала в своей жизни, и намного лучше, чем люди могут себе вообразить.

Конечно, я знал, что никогда не позвоню, но мне не хотелось незаслуженно обижать эту милую женщину, и потому я кивнул. Когда я убирал визитку в карман, Брэдли обернулся к Марси, и их взгляды на миг встретились.

Они не заметили, что я наблюдаю за ними и вижу естественное проявление человеческих чувств. Эти двое были сейчас не в Париже возле пятизвездочного отеля. Я видел на их лицах, что они находились именно там, где пребывали и до, и после падения Северной башни, – в царстве своей любви. Они, конечно, не дети и не пылкие юные любовники, но было приятно знать, что в этом мире, полном фальши и обмана, все же существует нечто подобное. В конце концов, во всем есть свои плюсы, и, может быть, для меня этот вечер тоже не был полной неудачей.

Но это мгновение прошло. Марси оглянулась, и я попрощался с ней. Пройдя через высокие двери, я задержался, увидев стоявшего с суровым видом хозяина отеля. Он знал меня достаточно хорошо, и, поблагодарив за гостеприимство, я дал ему за услуги двести евро.

Сам не знаю, с какой стати я вдруг заплатил так щедро. По глупости, наверное.

Глава 12

Самолет компании «Американ эйрлайнс» прибыл в Нью-Йорк рано утром. Темные облака закрывали город, лил дождь, порывами дул неистовый ветер.

Через два часа после вылета из Парижа на табло появилась надпись: «Пристегните ремни». Метеорологические условия быстро ухудшались, на борту самолета прекратилось всякое обслуживание: ни еды, ни выпивки. Заснуть тоже было невозможно. Оставалось только надеяться, что скоро все изменится к лучшему.

Я путешествовал, имея при себе превосходно изготовленный канадский дипломатический паспорт, что не только объясняло мое место в первом классе, но и позволяло избежать многих вопросов американских иммиграционных властей. Я быстро миновал контроль, получил свой багаж и вышел под проливной дождь. Я вернулся домой, но не испытывал от этого ощущения комфорта, на которое рассчитывал. Так долго отсутствовал, что теперь едва узнавал свою страну.

Восемнадцать часов прошло с тех пор, как я покинул чету Брэдли в «Плаза Атени». Поняв, что мое убежище раскрыто, я уже знал, что должен делать дальше. В курсе подготовки спецагентов недвусмысленно говорилось об этом: бежать, укрыться, где сможешь, а если не удастся, что ж, тогда остается только писать завещание. Может быть, еще неокончательное, но именно в таком тоне инструктировали агентов, проваливших явку.

Я думал, что США – самый лучший выбор: врагу будет труднее найти меня среди миллионов соотечественников. Чтобы обеспечить собственную безопасность, мне необходимо первым делом уничтожить всякие следы своей прежней жизни, иначе могут найтись желающие пойти путем, проложенным Беном и Марси.

Расстояние между «Плаза Атени» и своей квартирой я преодолел за шесть минут и, едва войдя, тут же принялся обзванивать авиакомпании. По счастливой случайности остался один билет первого класса на ближайший нужный мне рейс.

До чего же странно работает наше подсознание. В суматохе поспешных сборов и оплаты счетов я вдруг вспомнил о двух письмах, присланных адвокатом Билла и Грейс. Я обнаружил их в папке со старой корреспонденцией, сунул в ручную кладь и занялся содержимым сейфа.

В моем зарегистрированном багаже невозможно было разместить три пистолета, сто тысяч долларов в самой различной валюте и восемь паспортов. Если металлоискатели или рентгеновские лучи их обнаружат, то не поможет даже дипломатическая неприкосновенность: я непременно буду подвергнут тщательному досмотру. Если же выяснится, что у меня фальшивый паспорт, а это при серьезной проверке выплывет наверняка, придется многие недели объясняться: сперва относительно своей подлинной личности, а затем и по поводу всего прочего. Пистолеты, паспорта на чужое имя и прочее мне полагалось сдать, когда я увольнялся из «Дивизии».

Я разрезал матрас по шву, удалил из него часть набивки, связал бечевкой свои орудия труда и засунул их внутрь. Когда я окажусь в Америке, попрошу Франсуа, вечно шмыгающего носом консьержа, обратиться в транспортную компанию, чтобы они доставили мою мебель домой. Теперь все было надежно спрятано, я заклеил шов, починил обшивку матраса и вызвал таксиста, велел ему ехать в аэропорт Шарля де Голля.

Через десять часов я уже прибыл в аэропорт Кеннеди и стоял под дождем, ожидая такси, чтобы ехать в центр города. По дороге туда я заскочил в «Четыре сезона», один из отелей, в которых уже сам их размер гарантирует анонимность, и забронировал себе номер.

После трех дней хождения по риелторским агентствам я снял небольшую мансарду. Утром отыскал письма адвоката, позвонил ему и назначил встречу.

На закате того же дня мы сидели в просторном офисе, выходящем на Центральный парк. То, что я узнал от юриста про имущество Билла, навсегда изменило мою жизнь.

На протяжении нескольких следующих дней я допоздна бродил по городу, прокручивая в голове полученную от адвоката информацию, пытаюсь, как выразился бы психолог, усвоить ее. Я шел, куда несли меня ноги, минуя переполненные бары и рестораны, обходя стороной модные клубы и кинотеатры, где демонстрировались новейшие фильмы. В конце концов, смертельно устав, я понял, как мало приспособлен к так называемой нормальной жизни, и начал осознавать сказанное юристом. И только теперь подумал о том, как мне уничтожить следы своего прошлого.

Первый звонок я сделал инспектору ФБР, женщине, которой передал европейские файлы «Дивизии» после того, как наше управление было расформировано. Она позвонила одному из заместителей директора, потихоньку сообщила ему, что некогда я был Синим Всадником, и уже на следующий день мы вместе сидели в обшарпанном конференц-зале безликого небоскреба в деловой части города.

Вняв просьбе оставить меня наедине с их боссом, два его помощника вышли. Я сообщил, что номер социального обеспечения Скотта Мердока уничтожен, и объяснил, какую опасность это представляет для меня. Заместитель директора не сразу мне поверил, после чего долго ругал нерадивого исполнителя и распорядился, чтобы номер восстановили.

– Я лично возьму это на контроль, – сказал босс. – Обещаю: если кто-то будет интересоваться этим вопросом, мы предупредим вас. Что-нибудь еще?

– Нужно изменить базы данных в компьютерах. Там полно информации обо мне, есть вымышленные имена, которыми я пользовался, – все это необходимо стереть.

– Вы имеете в виду государственные или частные компьютеры?

– И те и другие. Все сведения, начиная от документов ассоциации выпускников школы под названием Колфилдская академия до множества сообщений в Федеральном реестре.

– На это нет никакой надежды, – объявил заместитель директора. – К базам данных применимы законы стриптиза: Верховный суд говорит, что их можно смотреть, но нельзя трогать. Я неправомочен даже назвать человека, который мог бы вам помочь.

Я пытался надавить на него, сказал, что много лет честно служил своей стране, объяснил, почему мне необходимо, чтобы он нарушил правила.

Замдиректора сперва лишь задумчиво кивал, но в конце концов вышел из себя и стал кричать:

– Нарушить правила?! Вы просите, чтобы я поощрял хакерство, отдал распоряжение влезть в компьютеры? Да вы имеете хоть малейшее представление, насколько это опасно для общества? Речь сейчас идет не об одиночках, помешанных на компьютерах, – это было давным-давно. Киберпространство превращается в зону, открытую для налетчиков! Взломать сайт, игнорируя нанесенный ущерб, похитить ценную информацию...

Я был ошеломлен. Меня не интересовали Верховный суд или проблемы развития киберпреступности, я просто хотел навести порядок в своем прошлом. Наверное, я задел какой-то важный нерв и рисковал навредить собственной безопасности.

Босс разошелся не на шутку и не желал останавливаться:

– Здесь уровень повыше, чем у налетчиков! Это, скорее, воры-домушники. Они проникают в компьютер, берут то, что им нужно, и никто даже не догадывается, что они там побывали. Настоящие мастера своего дела. Один парень украл пятнадцать миллионов файлов с информацией об ипотечных кредитах. Пятнадцать миллионов! В каждом файле содержатся данные кредитной карточки, номера социального обеспечения и банковского счета, домашний адрес. Вы знаете, что он хотел с этим сделать?

– Некий хакер совершил кражу персональных данных? – спросил я, недоумевая, почему мы до сих пор говорим об этом.

– Именно. Но этот тип не собирался пользоваться добычей сам. О нет, это слишком тяжелая работа! Он рассчитывал продать эту информацию русской мафии. Парень сам нам во всем признался. Первый миллион файлов – по доллару за штуку, чтобы заинтересовать их и вовлечь в это дело. Потом он намеревался повысить ставки, доведя цену файла до десяти долларов. Таким образом мерзавец заработал бы сто миллионов, не отходя от компьютера. А знаете, сколько в среднем имеет грабитель банка? Девять тысяч долларов и реальную возможность получить пулю. Как вы думаете, у кого из этих двоих более прибыльный бизнес?

Я пожал плечами. Откровенно говоря, меня все это очень мало волновало.

– Этому парню всего двадцать три, и он, наверное, лучший хакер в мире.

– Какой срок ему светит?

– Решение пока не принято. Возможно, его вообще не посадят, если он станет сотрудничать с нами и поможет обуздать взломщиков-самураев, которые практикуют не менее скверные фокусы. Мы называем его Бэттлбо – такой у него был «ник», кличка, которая используется в Сети.

– Бэттлбой? – переспросил я, не будучи уверен, что правильно расслышал.

– Бэттлбо, – поправил меня собеседник. – Он латиноамериканец. Вырос в Майами, но живет здесь поблизости, на Кэнэл-стрит, в том здании, где находится офис аптечной сети «Уолгринз», только этажом выше.

Он посмотрел на меня, и наши взгляды встретились. И тут я сообразил, зачем замдиректора рассказал мне эту историю.

– Ладно, хватит о наших проблемах, пора остановиться, а то еще выболтаю ненароком что-нибудь лишнее, – сказал он. – Я могу еще чем-то помочь вам?

– Нет, вы и так сделали для меня более чем достаточно. Огромное вам спасибо, – рассыпался я в благодарностях.

Заместитель директора поднялся и направился к выходу. В дверях повернулся ко мне:

– Я рад, что сумел вам помочь с номером социального обеспечения. Мы вас хорошо знаем и очень ценим вашу безупречную репутацию. Для меня большая честь познакомиться с самим Синим Всадником.

Он говорил с неподдельным восхищением, а его рукопожатие было столь сильным, что могло бы превратить уголь в алмаз. Меня это поразило. Заместитель директора и его помощники наблюдали в тишине, с нескрываемым почтением, как я иду к лифту. Я был польщен, но в голову лезли мысли о том, что человек разочаровывается в жизни намного быстрее, чем обретает репутацию.

Выйдя на улицу, я взял такси и поехал через весь город, разглядывая лица прохожих. Вечерело, тени удлинялись, и я вновь испытал странное чувство отчужденности, словно был иностранцем в собственном отечестве. Я знал: тот, кто и дальше идет этой дорогой, умирает для окружающего мира. Можно увидеть людей, подобных мне, сидящих в полном одиночестве на скамейках в парках, в читальных залах публичных библиотек, на железнодорожных вокзалах. Я подумал, что и меня ждет такое же будущее. Но я не мог ничего изменить: как говорится, собака лает, а караван идет. Я безоговорочно похоронил свое прошлое.

Такси остановилось перед офисом «Уолгринз». Обогнув здание, я нашел неприметную дверь. Переговорное устройство было только одно, а рядом – надпись на японском. Круто!

Гадая, правильно ли понял босса из ФБР, я нажал кнопку.

Глава 13

Неприветливый мужской голос ответил по-английски. Я сказал, что обратиться к нему посоветовал наш общий друг, работающий на двадцать третьем этаже соседнего здания. Меня впустили, и я поднялся по лестнице, отметив про себя, что кто-то очень старался скрыть четыре установленные здесь камеры наблюдения. Очевидно, бояться русской мафии, предположил я.

Я повернул в коридор и, когда мои глаза приспособились к темноте, увидел его: Бэттлбо стоял в проеме стальной двери, которой мог бы гордиться притон, где торгуют наркотиками. Этот высокий молодой человек весил не менее четырех сотен фунтов, но больше всего меня поразило то, что он был одет как средневековый японский даймё. Этакий взломщик-самурай первого порядка.

На нем были чрезвычайно дорогое шелковое кимоно и традиционные японские белые носки с раздельным большим пальцем; темные волосы смазаны каким-то жирным лосьоном, зачесаны назад и туго стянуты в пучок. Если бы кому-нибудь понадобился латиноамериканский борец сумо, этот парень подошел бы идеально. Он слегка поклонился, что означало необходимый минимум хороших манер, – по-видимому, не очень сильно любил нашего общего друга с двадцать третьего этажа – и отступил в сторону, чтобы дать мне пройти.

Его феодальные владения включали лишь четыре комнаты с видом на переулок, но пол был застлан красивыми татами, ширмы шоджи разделяли помещения, на стене висел антикварный каминный экран с изображением Фудзиямы. Бьюсь об заклад, эта вещица стоила двадцати тысяч его самых дорогих файлов.

Не успел я пересечь порог, как едва не нарушил этикет, в последний момент сообразив, что должен снять обувь и надеть взамен пару гостевых сандалий. Расшнуровывая свои варварские ботинки, я спросил, как к нему обращаться.

Это изрядно озадачило хозяина.

– Они что, вам не сказали?

– Сообщили только ваше прозвище, но, мне кажется, не слишком этично называть человека в лицо Бэттлбо.

– Не заморачивайтесь понапрасну, меня это нисколько не беспокоит, – сказал он, пожимая плечами, и указал на пару подушек, лежащих на полу.

– Заместитель директора упомянул, что вы с ним сотрудничаете, – попытался я начать разговор в таком тоне, словно босс из ФБР наделил меня всеми необходимыми полномочиями.

Бэттлбо с отвращением посмотрел на меня, но не стал ничего отрицать, а лишь поинтересовался:

– Чего вы хотите?

Мы сидели на полу, скрестив ноги. Я объяснил ему, что надо удалить все упоминания о Скотте Мердоке из баз данных ассоциаций выпускников школ, где тот учился. Решил, что для начала этого вполне хватит.

Хакер спросил, кто такой этот Мердок. Я ответил, что и сам не знаю.

– Было решено уничтожить его прошлое – остальное не наша забота.

Бэттлбо уточнил у меня дату рождения Мердока, поинтересовался некоторыми подробностями, задал уйму других вопросов. Объяснил это тем, что он должен быть уверен, что ищет нужного мне человека. Выслушав ответ, одернул кимоно и сказал, что мы приступим к работе через пару минут.

– Cha, neh? – спросил он по-японски как бы между прочим, но я уловил подтекст: Бэттлбо важно было смутить меня и дать почувствовать свое превосходство. Но не на такого напал.

Покопавшись в памяти, я извлек оттуда воспоминания об одном давнем лете. Я нахожусь на пропитанном кровью пляже. Вокруг множество японцев обезглавливают друг друга, совер-

шают ритуальные самоубийства. Иными словами, я провел целые каникулы, читая «Сёгуна». Из этого эпоса я помнил несколько ключевых фраз. «Cha» означало «чай».

– Hai, domo, – ответил я, надеясь, что память меня не подвела и я говорю: «Да, спасибо», а не «Пошел в задницу».

Должно быть, я угадал.

– Вы говорите по-японски? – спросил хозяин с удивлением и не без доли уважения.

– Так, самую малость, – скромно признался я.

Бэттлбо хлопнул в ладоши, и одна из ширм раздвинулась. Стройная миловидная латиноамериканка в красном шелковом кимоно отвесила мне поклон. Увидев ее, я задал себе вопрос, который с незапамятных времен не давал покоя величайшим философам: почему некрасивым парням сплошь и рядом удается заполучить привлекательных женщин?

Девушка была на пару лет его моложе, с большими глазами и чувственным ртом. При более близком рассмотрении становилось ясно, что подружка Бэттлбо приспособила традиционное кимоно к своей фигуре: оно туго обтягивало бедра и грудь красавицы, чего в Токио, конечно, не увидишь. Чтобы облегчить движения, она сделала разрез на спине от подola до бедра. Когда девушка ходила по комнате, шелк струился, облекая тело, и было ясно, что ни трусиков, ни лифчика на ней не было. Эффект получился чрезвычайно соблазнительным.

– Чаю? – спросила она по-английски.

Я кивнул, а Бэттлбо повернулся ко мне и представил девушку:

– Это Рэйчел-сан.

Она обратила взор в мою сторону и едва заметно улыбнулась.

Бэттлбо? Рэйчел-сан? Феодалная Япония над офисом «Уолгринз»? Что бы там ни думали в ФБР по поводу способностей хозяина квартиры, я не слишком верил в успех этой затеи. Похоже, я имею дело с парочкой психов.

Через три часа я был вынужден решительно изменить свою точку зрения. Лоренцо (по крайней мере, так его однажды назвала Рэйчел-сан) не только стер все упоминания обо мне в документах Ассоциации выпускников, но и сказал, что способен проделать то же самое с гораздо более сложными сайтами Колфилдской академии и даже Гарварда.

– Вы можете уничтожить все упоминания о присутствии Скотта Мердока в Колфилде и Гарварде, словно он никогда там и не учился? – изумился я.

– Почему бы и нет? – рассмеялся Лоренцо. – Сейчас на этой гребаной планете развелось так много народу, что любой из нас не более чем строка программы на жестком диске. Достаточно убрать эти строки – и мы уже не существуем. Стоит их вернуть обратно – и мы снова что-то собой представляем. Желаете получить профессорское звание? Только назовите мне факультет. Мечтаете сорвать куш в сто миллионов? Обождите, пока я не проведу необходимые манипуляции с двоичным кодом. Если хотите, можете называть меня богом.

– Нет уж, мне больше нравится Бэттлбо, – улыбнулся я.

Был уже поздний вечер, когда он отправил в электронный вакуум последние академические достижения доктора Мердока.

– Ну до чего же обидно! Столько усилий было потрачено на учебу, и вот все исчезло, – сказал Лоренцо.

Я мало что мог сказать в ответ: на поверхность памяти выплыли воспоминания. Самое яркое – приезд в Бостон Билла на своем старом «феррари»; приемный отец был единственным, кто поздравил меня с окончанием университета.

Лоренцо был доволен, что нашел доступ к данным Мердока и уничтожил все упоминания о нем. После этого я перешел к следующему пункту своего списка – из компьютеров правительственных учреждений требовалось удалить информацию о назначениях на должности.

– Сколько сообщений?

– Пару сотен, может, даже больше.

На лице Лоренцо появилось такое выражение, словно я приглашал его совершить харикири.

– Это очень срочно? – Впрочем, вопрос был чисто риторическим. – У вас есть копии этих сообщений или нам придется откапывать их самим?

Я медлил с ответом. Вся информация имелаась у Бена Брэдли и его жены, но мне страшно не хотелось обращаться к ним с такой просьбой.

– Пожалуй, тут мне надо подумать, – сказал я.

– Если мы начнем поиск с чистого листа, он может занять многие месяцы. Дайте мне знать о вашем решении, – сказал Лоренцо, закрывая жесткие диски.

Провожая меня к выходу, он настолько расслабился, что позволил себе реплику на постороннюю тему:

– Я три года занимался японским, дьявольски трудный язык. Как вы его выучили?

– «Сёгун» помог, – лаконично ответил я и, когда Бэттлбо справился с изумлением, поблагодарил его за то, что он уделил мне время и оказал нам добровольную бескорыстную помощь.

– Ага, добровольную и бескорыстную! – Он искренне, от души расхохотался, услышав такое заявление. Гора плоти колыхалась, глаза искрились, а смех звучал так заразительно, что я внезапно понял, что нашла в нем Рэйчел. – Ну конечно, охотно потратил на вас целых шесть часов! – сказал Лоренцо, вытирая слезы. – Да уж, попробовал бы я отказаться!

Как известно, совместное веселье сближает, и, когда я надевал ботинки, он спросил:

– А чем конкретно вы занимаетесь в ФБР?

– Я... как бы это объяснить... Ну так, ничего особенного, можно сказать, выполняю чисто техническую работу.

– Вы и есть Скотт Мердок?

Я вновь рассмеялся:

– Неужели вы думаете, что, имея такую квалификацию, я сидел бы тут и точил с вами лясы?

Я выбрал нужный иронический тон: когда надо, могу убедительно соврать.

– Кто бы вы ни были, у вас, наверное, тесные отношения с двадцать третьим этажом?

– Вовсе нет. А почему вы спрашиваете?

– Надеюсь, что вы замолвите за меня словечко перед этим боссом из ФБР. Вы же в курсе, в чем меня обвиняют.

– Я так понял, что если вы согласитесь с ними сотрудничать, то никакого дела против вас возбуждать не будут.

– Ну конечно, – горько усмехнулся Бэттлбо. – Именно поэтому они создали специальное подразделение для борьбы с киберпреступностью. Это их дивный новый мир. Да они сначала выжмут из меня все подчистую, а потом обманут. Примерно накажут, чтобы другим неповадно было.

Я покачал головой, сказав, что это параноидальные страхи: в ФБР такие методы не используют. На самом деле Бэттлбо оказался прав. Через несколько месяцев люди, о которых он говорил, действительно обрушили на него всю тяжесть обвинений, потом предложили сделку со следствием, условия которой выполнены не были. Лоренцо истратил все свои средства на адвокатов, дошло даже до того, что он продал свой драгоценный каминный экран с изображением Фудзиямы и подписал все бумаги. И тем не менее его приговорили к пятнадцати годам заключения в тюрьме Ливенворт.

Там бы он и томился, всеми забытый, если бы вскоре наши поиски Сарацина фактически не зашли в тупик, едва начавшись.

Глава 14

Сарацин добрался до сирийской границы перед обедом, сойдя с прибывшего из Бейрута автобуса с кожаным медицинским саквояжем в одной руке и невзрачным чемоданом в другой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.